P1 1/214

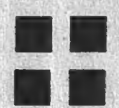
Р1/214

Н. РОЖКОВ

Р 1/214

ПРОИСХОЖДЕНИЕ САМОДЕРЖАВИЯ В РОССИИ

2-ое исправленное издание.



ИЗДАНИЕ О. БОГДАНОВОЙ.
ПЕТРОГРАД — 1923

21522
31.IV 24

Петрооблит. № 1983. Тир. 4000.

Госуд. типогр. имени тов. Зиновьева. Птр. Социалистич., 14.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
Предисловие	5—6
Глава первая. Верховная власть и высшее управление в России до конца XV в.	7—32
Глава вторая. Основные черты хозяйства и социального строя в Московском государстве XVI и первой половины XVII в.	32—50
Глава третья. Организация подчиненного управления в Московском государстве XVI и первой половины XVII в.	51—67
Глава четвертая. Управление разрядными делами до половины XVII в.	67—80
Глава пятая. Деятельность верховных и подчиненных органов государственной власти в отношении к землевладению	81—92
Глава шестая. Финансовые функции верховного и подчиненного управления	92—100
Глава седьмая. Соотношение верховных и подчиненных органов власти в области суда	100—112
Глава восьмая. Полицейская деятельность государства. Соотношение между верховной властью и подчиненными органами в дипломатической деятельности	113—117
Глава девятая. Контроль и надзор за администрацией	117—125
Глава десятая. Отношение между церковью и государством в России до половины XVII в.	126—132
Глава одиннадцатая. Политическая сторона развития верховной власти и высшего управления в Московском государстве до половины XVII века	133—147
Глава двенадцатая. Общие выводы	147—150
Приложения	151—154

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
Предисловие	5—6
Глава первая. Верховная власть и высшее управление в России до конца XV в.	7—32
Глава вторая. Основные черты хозяйства и социального строя в Московском государстве XVI и первой половины XVII в.	32—50
Глава третья. Организация дополненного управления в Московском государстве XVI и первой половины XVII в.	51—67
Глава четвертая. Управление разрядными делами до половины XVII в.	67—80
Глава пятая. Деятельность верховных и подчиненных органов государственной власти в отношении к землевладению	81—92
Глава шестая. Финансовые функции верховного и подчиненного управления	92—100
Глава седьмая. Соотношение верховных и подчиненных органов власти в области суда	100—112
Глава восьмая. Полицейская деятельность государства. Соотношение между верховной властью и подчиненными органами в дипломатической деятельности	113—117
Глава девятая. Контроль и надзор за администрацией	117—125
Глава десятая. Отношение между церковью и государством в России до половины XVII в.	126—132
Глава одиннадцатая. Политическая сторона развития верховной власти и высшего управления в Московском государстве до половины XVII века	133—147
Глава двенадцатая. Общие выводы	147—150
Приложения	151—154

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Органами верховного управления теория государственного права называет, как известно, такие органы власти, которые творят юридические нормы, регулирующие деятельность государства; деятельность этих органов является по существу „творческой, свободной, подчиненной закону только в своих формах", а не в своем содержании [1]). В формулировке виднейшего из современных представителей государственной науки это „непосредственные органы государства, существование которых определяет форму государственного союза, и уничтожение которых дезорганизует государство или в основе переделывает его" [2]). Ясно таким образом, что органы верховного или высшего управления разделяют с верховной властью сферу ее непосредственной деятельности. Отсюда вытекает необходимость совместного, связного изучения истории верховной власти и устройства высшего управления: раз'единить эти два проявления государственной деятельности значило бы отказаться заранее от возможности понять их развитие.

В истории верховной власти и высшего управления должно различать две стороны: административно-техническую и политическую. Основной вопрос административной техники—это в данном случае вопрос об организации и функциях учреждений верховного управления и отношении этих учреждений к учреждениям подчиненным. Политическая сторона заключается в определении того, кто является носителем верховной власти, и, если таковым является несколько физических или юридических лиц, то в каких взаимных отношениях эти лица находятся.

Изучением намеченных сейчас двух сторон развития верховной власти и высшего управления исчерпывалась бы вся задача исторического исследования, если бы исследователь мог оставаться исключительно в области государственных отношений. Последнее является однако же совершенно невозможным, потому что понять развитие государства нельзя без внимания к более общим условиям—социальным и хозяйственным, являющимся фундаментом государственных отношений и порядков.

В сущности государственный строй—не что иное, как особая сторона того единого целого, две других части которого составляют хозяйство и устройство общества.

---

[1]) Коркунов. Русское государственное право, том II, издание 2-е, Спб. 1897, стр. 3.

[2]) Jellinek. Das Recht des modernen Staates. Erster Band, Berlin, 1900 стр. 498.

Происхождение самодержавия в России—тема, относящаяся несомненно к истории верховной власти и высшего управления. Этот исторический процесс надо изучать, как показывают предшествующие замечания, с точки зрения административно-технической и политической и в связи с экономическими и социальными явлениями. Конечный хронологический предел этого процесса—приблизительно пятидесятые и шестидесятые годы XVII века. Начальный предел—половина XVI столетия. Однако методологические соображения и самое существо дела требуют предварительного сжатого рассмотрения истории верховной власти и высшего управления в России на экономической и социальной основе за более раннее время. Так определяется программа предлагаемого исследования. Отдельные пункты этой программы уже нашли себе освещение в предшествующей литературе. Этим об'ясняется неравномерность изложения отдельных вопросов в данной работе: то, что привлекало раньше мало внимания, требовало, очевидно, более тщательной и детальной разработки, чем изученное хорошо другими исследователями.

Имея в виду сделать книгу доступной для читателя-неспециалиста и в то же время не желая лишить ее значения специального исследования, автор постарался по возможности сжать изложение; таким путем ему удалось уменьшить размеры книги приблизительно вдвое.

Во втором издании не сделано сколько-нибудь существенных изменений: прибавлены лишь некоторые отдельные замечания, и сделаны некоторые новые ссылки.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Верховная власть и высшее управление в России до конца XV века.

I.

Многие стороны хозяйственного быта древнейшей России—до конца XII века—с достаточной полнотой и ясностью освещены в литературе и установлены бесспорно: едва-ли кто будет отрицать, напр., что господствующей формой хозяйства тогда был домашний, семейный труд, что хозяйственная техника отличалась примитивностью, была крайне экстенсивна, что отдельные ветви народного дохода еще не дифференцировались, не разделились между разными общественными группами [1]). Тем не менее и здесь есть немаловажные разногласия, касающиеся главным образом соотношения разных отраслей хозяйства и форм землевладения. Некоторые исследователи, особенно археологи [2]), склонны преувеличивать значение земледелия и даже обрабатывающей промышленности в хозяйственной жизни древнейшей России, другие придают слишком большое значение внешней торговле [3]). Находки изделий, украшенных перегородчатой эмалью, хотя даже было доказано их русское происхождение, конечно, не уполномочивают нас на признание важности в то время обрабатывающей промышленности. Второстепенная роль земледелия, особенно до XII века, представляющего уж в сущности переход к следующему периоду, явствует из того, что всякий раз, когда перечисляются предметы, которыми богата была древнейшая Русь, среди них не встречается продуктов земледелия [4]). Важное значение внешней торговли не может быть признано как потому, что в ней заинтересованы были только немногочисленные социальные верхи да и то лишь отчасти, так как посредством внешней торговли добывались не предметы необходимости, а предметы роскоши,

---

[1]) Свод относящихся сюда данных см. в нашем «Обзоре русской истории», часть первая, издание второе, М. 1905, стр. 16—41.

[2]) См., напр., Самоквасов, Древние города России, Спб., 1873, стр. 151—152; гр. И. Толстой и Н. Кондаков, Русские древности в памятниках искусства, вып. 5-й, стр. 10 и сл.

[3]) Ключевский, Боярская дума древней Руси, изд. 2, глава I; см. также его Курс русской истории, часть I.

[4]) См. напр., известные слова Святослава о том, чем богата была Русь в его время, — «медом, скорою, воском и рабами»: Начальная летопись, под 969 годом.

так и по той причине, что внешняя торговля того времени не была основана на коммерческой организации дела, не опиралась на хозяйственную эксплуатацию масс—торговали только тем, что собирали даром в виде дани [1]). Надо вообще заметить, что и верхи общества направляли главные свои хозяйственные усилия не на торговлю, а на ту же добывающую промышленность, которая составляла основное занятие народных масс [2]).

Что касается форм землевладения, то исконность русской поземельной общины, когда-то столь горячо отстаивавшаяся, в настоящее время, кажется, уже не встречает защитников. Но до сих пор пользуется некоторым кредитом мнение, что в древнейшей России господствовала частная, личная собственность на землю в современном смысле слова [3]). Между тем не подлежит сомнению, что суб'ектами прав на землю в то время были два союза—вервь или род и семья. Землевладельческое значение верви выступает ясно в Русской Правде, предполагающей у верви определенную территорию [4]), а также подтверждается сближениями верви с соответственными союзами у западных славян [5]). Та же Русская Правда ставит вне всякого сомнения, что и семья была суб'ектом владельческих прав на землю; в Русской Правде идет речь о наследовании от отца „дома" [6]), а слово „дом" означает собою в этом историко-юридическом памятнике всю семейную собственность, движимую и недвижимую; так, в Правде говорится, что поджигатель подвергается разграблению „дома" т.-е. конфискации всего имущества [7]); притом недвижимость, усадьба называется в Русской Правде не домом, а двором [8]), а движимое имущество носит наименование товара [9]).

Русская Правда, как было уже сейчас указано, знает определенные границы вервной территории, так что вервь или род и является собственником земли, включенной в эти границы. Вот почему Начальная летопись и говорит о полянах: „живяху кождо своим родом на своих местех". Совершенно иной представляется сущность отношений к земле семейного союза. Древнейшая Россия вследствие обилия земельного простора очень долго—до XII века—не знала свободного гражданского оборота земли, и потому семья не осваивала этой последней, а лишь временно пользовалась ею в пределах вервной территории. Это видно из той же Начальной летописи, которая в виде иллюстрации к известию, что каждый род владел своими местами, приводит рассказ о Кие, Щеке и Хориве и сестре их Лыбеди, живших на родовой земле со своими семьями [10]). Это же подтверждается и любопытными намеками Русской Правды на порядки, подобные существующим и теперь в Сибири, при

---

[1]) Об этом свидетельствует в особенности Константин Багрянородный.

[2]) См. многочисленные летописные известия об охотничьих поездках князей на долгое время с семьей и дружиной, а также известия о княжеских и боярских стадах.

[3]) Неволин. Полное собрание сочинений, том V, стр. 338.

[4]) Русская Правда, Троицкий список, статьи 3, 63, 70 (по изданию Калачева).

[5]) Леонтович. О значении верви по Русской Правде и Полицкому статуту, сравнительно с задругою юго-западных славян,—в «Журнале Минист. Народ. Просв.» за 1867 г., № 4, стр. 2—19.

[6]) Русская Правда, Троицкий список, статья 87. [7]) Там же, статья 79.

[8]) Там же, статьи 94, 95, 96 и 97. [9]) Там же, статья 45.

[10]) Полное Собрание Русских Летописей, т. I, стр. 4.

так называемом вольном землепользовании, „опахиванию“ и „зачерчиванию“ или „затяпыванью“ временно занимаемых отдельными семьями в пределах волостной территории земельных участков; в Правде говорится о „меже ролейной“ [1]), т.-е. пашенной, образованной путем опахивания, и о „дубе знаменном“ [2]), т.-е. имеющем значок, зачерченном или затянанном. Приведенные данные подтверждаются, наконец, историческими аналогиями [3]), так что господство беспорядочного, неорганизованного вольного или захватного землевладения в древнейшей России не может быть подвергнуто сомнению.

Итак, первобытная неорганизованность составляет основную черту всего древнейшаго русского хозяйственного быта. То же приходится повторить и о социальных отношениях: ни классового, ни сословного расчленения общества в сущности совершенно не было [4]).

Понятно, что этому соответствовала административная техника того времени. Она отличалась прежде всего полным отсутствием демаркационной линии между управлением верховным и подчиненным.

Это будет прежде всего ясно, если мы обратим внимание на законодательную деятельность государства, на создание им юридических норм. Во внешних делах такая нормативная деятельность находит себе выражение в заключении международных договоров. Документальным остатком ее от времен древнейшей России являются договоры Олега, Игоря и Святослава с греками. Характерно, что здесь дипломатическими представителями являются не только княжеские „слы“ или послы, но и простые купцы,—„гости“. При том оказывается, что их послали „великий князь Игорь и бояре его и людье вси рустии“, что они „от рода русского слы и гостье“. Утверждены были договоры клятвою князя и язычников-русских перед Перуном и христиан-русских в церкви св. Илии [5]); стало быть присягали опять все свободные, а не один князь. Уже из всего этого можно сделать вывод, что заключение договоров не было прерогативой князя, как носителя верховной власти. Но в данном случае еще возможно иное об‘яснение: кроме князя, носителем верховной власти было вече, представителями которого и были не только послы, но и простые купцы. Другие факты сильнее и резче подчеркивают ту истину, что в то время и органы подчиненного управления фигурировали в качестве полновластных решителей вопроса о войне и мире и об условиях заключаемых договоров. Факты эти также общеизвестны: мы разумеем мирный договор Претича с печенегами в 968 году и переговоры белгородцев с теми же печенегами в 977 году [6]): Претич был простым воеводой, а белгородское вече, как вече пригорода, самостоятельного, верховного значения не имело в силу известного правила: „на чем старшие сдумают, на том и пригороды станут“.

Известное место об „отроках Свенельжих“, которые „изоделись оружием и порты“ [7]), показывает, что и в вопросах, относимых теперь к области финансового законодательства, княжеские воеводы, по современ-

[1]) Троицкий список, статья 65. [2]) Там же, статья 66.
[3]) См. наши «Исторические и социологические очерки», М., 1906, стр. 106.
[4]) См. свод относящихся сюда данных в нашем «Обзоре русской истории», часть первая, изд. 2-е, стр. 43—58.
[5]) Начальная летопись, под 945 годом.
[6]) Начальная летопись под этими годами.
[7]) Начальная летопись под 945 г.

ной терминологии, несомненно, относящиеся к числу органов подчиненного управления, действовали вполне самостоятельно на тех же основаниях, как и сами князья: Свенельд, победив улучей и тиверцев, обложил их данью в свою пользу и в пользу своей дружины, установил, по собственному усмотрению, особый налог. Так же, вероятно, поступали и многие княжеские посадники по разным городам.

Известно, какую важную роль в создании норм уголовного права играли в киевский период русской истории, на ряду с юридическим обычаем, судебные решения, приговоры по отдельным делам, имевшие нередко значение прецедента, руководящего начала на будущее время. В тех случаях, когда судья,—будь это даже не князь, а посадник,—не находил такого прецедента, он сам творил правовую норму, комбинируя юридический обычай с собственными понятиями о справедливости. Так, когда на Белоозере в XI веке появились „волхвы", убивавшие старых женщин под предлогом, что они виновны в постигшем эту область неурожае, то посадник князя Святослава, Ян, схватив их, подверг сначала жестоким истязаниям, а затем предоставил родственникам убитых женщин совершить акт кровной мести [1]). Ян и не подумал при этом запросить князя о том, какому наказанию следует подвергнуть виновных в столь необычном преступлении.

Законодательство составляет в настоящее время исключительное право верховной власти. В киевской Руси, как мы только что убедились, этого не было: те органы, которые теперь подошли бы под название подчиненных, творили правовые нормы наряду с органами верховного управления.

Смешение проникало и в область судебной деятельности государственной власти, при чем самой характерной чертой этой деятельности надо признать то, что органы верховного управления функционировали в сфере суда непосредственно, играли роль трибунала первой инстанции. На непосредственную судебную деятельность князя мы имели целый ряд указаний в наших источниках. Об этом свидетельствует прежде всего Русская Правда, предполагающая жалобу закупа князю на обиду от господина и говорящая о тяжбе братьев из-за наследства перед князем, о наказаниях от князя за разные преступления, о приводе вора, пойманного на месте преступления, на княж двор [2]) и т. д. В летописях также встречаем неоднократные указания на княжеский суд: в 1024 г. Ярослав судил и казнил волхвов в Суздале; в 1071 г. белозерские волхвы требовали, чтобы их судил сам князь Святослав; киевляне поставили условием Игорю Ольговичу, чтобы он сам судил в Киеве и пр. Всеслав Полоцкий, по „Слову о полку Игореве", „людем судяше". Наконец, и из Поучения Владимира Мономаха видно, что суд входил в круг ежедневных занятий князей. Замечательно при этом, что посадник, получая назначение от князя, облекался всею полнотой судебной власти последнего; инстанций не существовало, жалоба и апелляция не признавалась; Ян не обратил никакого внимания на требование белозерских волхвов, чтобы их судил сам князь [3]).

Переходя к третьей сфере государственной деятельности, к управлению в тесном смысле этого слова, приходится опять констатировать

[1]) Начальная летопись, под 1071 г.
[2]) Троицкий список, статьи 55, 36 и др.
[3]) Начальная летопись под 1071 г.

факт полного смешения функций верховной и подчиненной власти. К числу административных действий власти принадлежит прежде всего назначение различных должностных лиц. Конечно, только князь назначал своих заместителей по городам — посадников: так, Рюрик посадил своих „мужей“ в Ростове, Белоозере и Полоцке, а Олег—в Смоленске и Любече; в 977 году Ярополк послал в Новгород своих посадников; в 980 г. Владимир назначил туда же посадничать Добрыню; в 1096 г. Олег Святославич посадил посадников по городам в ростовско-суздальском крае, а в 1097 г. Святополк сделал посадником во Владимире-Волынском Василия; в 1176 г. Ростиславичи роздали в ростовской земле посадничество южно-русским детским [1]). Эти посадники, вероятно, уже сами поручали исполнение тех или других административных функций своим дружинникам—„отрокам“ и хозяйственным слугам, большею частью из рабов, — „тиунам“: все эти метельники или писцы, мечники, ябетники, данники, мытники, осменики, мостники, городники, если они исполняли свои обязанности в области, находившейся в ведении посадника, получали свою власть, несомненно, от последнего, а не от князя. За это говорят и данные о наместниках и их подчиненных более поздней эпохи, и прямые свидетельства вроде указания Русской Правды, что отрока посылал для поимки беглого холопа именно посадник [2]). Но по той же Русской Правде **князь** посылает отрока делить наследство между братьями [3]); мы знаем также, что князья держали для суда своих тиунов. Следовательно, в пределах той территории, которая оставалась нерозданной посадникам, князь сам назначал всех должностных лиц и раздавал все административные поручения до самых мелких включительно. Отказываясь совершенно на время даже от своих верховных прав по управлению там, где был посадник, князь в известной части своего княжества в деле назначения административных органов брал на себя функции подчиненных властей. Это и составляет характерную черту изучаемого времени.

Подчиненными органами при внешних сношениях, при дипломатических переговорах, являются, несомненно, послы или поверенные договаривающихся сторон. В тех случаях, когда древне-русским князьям приходилось вступать в соглашения с властителями более культурных стран, чем древнейшая Россия, напр., с византийскими императорами, действительно снаряжались посольства. Бывало это, иногда, и в других случаях. Но часто князья сами брали на себя ведение переговоров: припомним, напр., личные переговоры Владимира с Ярополком, ознаменовавшиеся убийством последнего, переговоры Мстислава с Редедей, с'езды князей в Любече и Витичеве и т. д.; особенно яркой картиной такого личного ведения переговоров между князьями является рассказ летописи о с'езде князей на Долобском озере [4]).

Нет нужды, далее, приводить многочисленные и общеизвестные факты личного предводительства князей на войне: князья опять-таки брали здесь на себя чисто-исполнительные функции.

Наконец, во всех сферах внутреннего управления князь сплошь и рядом выступал в роли не только верховного распорядителя, но и под-

[1]) См. Полное Собрание Русских Летописей, том I, под указанными годами.
[2]) Троицкий список, статья 108. [3]) Там же, статья 100.
[4]) Начальная летопись под 1103 г.

чиненного исполнителя-администратора: княжеское полюдье было сбором дани, производившимся князем лично [1]); по хозяйству князь распоряжался всеми мелочами большею частью сам: так поступали, напр., Ольга и Владимир Мономах [2]), и т. под.

Спрашивается, наконец, как следует характеризовать верховную власть и высшее управление в древнейшей России с политической точки зрения? Иначе: кто являлся тогда носителем верховной власти?

Этот вопрос неодинаково решается всеми исследователями. Высказаны два главных взгляда: одни полагают, что в киевский период русской истории (до конца XII в.) господствовало двоевластие веча и князя [3]); по мнению других, тогда существовали троевластие веча, князя и боярской думы [4]).

Уже из простого сопоставления этих двух мнений видно, что вече и князь всеми неоспоримо признаются носителями верховной власти. И это, действительно, не подлежит сомнению, потому что и вече и князь утверждали своею деятельностью самые основные устои государственного строя того времени; известно, что их воля имела решающее значение в вопросах о замещении княжеских столов, в установлении экстренных денежных сборов и постоянных даней, в законодательстве, в определении взаимных отношений между органами управления и т. д. Внимательному разбору подлежит, следовательно, лишь деятельность боярской думы, политическое значение которой вызывает разногласия.

Нет сомнения, что народное правосознание киевской Руси признавало необходимым свойством хорошего князя любовь его к совещанию с боярами, склонность выслушивать боярские советы [5]). Но отсюда еще далеко до признания боярской думы носительницей верховной власти. Это признание было бы неизбежным лишь в том случае, если бы было доказано, что приговоры думы имели принудительное, обязательное для князя и веча, решающее значение. Между тем такого решающего значения боярская дума древнейшей России не имела. В самом деле, ни из чего не видно, чтобы князь в своих законодательных постановлениях должен был подчиняться решениям бояр, хотя он обыкновенно и совещался с последними в таких случаях; известно, что и вечевые сходки, и отдельные князья своею одностороннею волею часто влияли на замещение княжеских столов и вообще на порядок княжеского владения русской землей, но мы ни разу до конца XII века не видим, чтобы решающий голос в данном вопросе принадлежал боярскому совету [6]); в вопросах о войне и мире князь иногда должен был подчиняться вечу, но никогда—совету бояр: так, хотя бояре в 1169 г. отказались итти за Владимиром Мстиславичем против Мстислава Изяславича, мотивируя свой отказ тем, что князь не посоветовался с ними, но это привело

---

[1]) См. известный летописный рассказ о полюдье Игоря в земле древлян.

[2]) Начальная летопись под 947 г.; Поучение Владимира Мономаха.

[3]) См. напр., Соловьев, Об отношении Новгорода к великим князьям, стр. 16; Градовский, Собрание сочинений, т. I, Спб., 1899, стр. 339—381 и др.

[4]) Владимирский-Буданов, Обзор истории русского права, изд. 2-е, стр. 40; Малиновский, Рада великого княжества Литовского, часть I. Томск, 1903, стр. 50.

[5]) Ключевский, Боярская дума древней Руси, изд. 2, стр. 53—55.

[6]) Ссылка на факт 1177 г. (Малиновский, Рада велик. княж. Литовского, ч. I, стр. 58) не имеет значения: Мстислав Ростиславич был призван собранием из бояр и простых людей, т.-е. вечем, а не боярской думой.

только к тому, что князь отказался от их услуг, уволил их из своей дружины, а в поход все-таки пошел [1]); указывают обыкновенно на то, что, по летописному рассказу, в Белгороде в 997 г. вече решило сдаться осаждавшим город печенегам, а потом уже не вече, а „старейшины града" самостоятельно решили последовать совету одного старика, предложившего хитрость, и видят в этом доказательство того, что боярская дума была органом верховной власти [2]), но ведь совершенно ясно, что не может быть и речи о боярской думе, как органе верховной власти, в Белгороде, как пригороде, не имевшем князя [3]), так что „старейшин града" нельзя здесь рассматривать как думу: это просто начальники городского ополчения, тысяцкий и сотские. Наконец, в доказательство верховного значения боярской думы ссылаются на помещенный в Начальном летописном своде рассказ о крещении Владимира; по этому рассказу, вопрос о необходимости отправить послов для ознакомления с различными религиями решен вечем, а принятие христианства по возвращении послов установлено боярской думой самостоятельно [4]). Ясно однако же, что дума в данном случае была простой исполнительницей вечевого решения, потому что вечем ранее определено было принять ту именно религию, которая понравится послам.

Все сказанное приводит к тому заключению, что о троевластии в киевский период не может быть и речи. Существовало лишь двоевластие веча и князя. Но мало сказать, что было двоевластие; надо еще прибавить, что это двоевластие было неорганизованным, неопределенным, непрочным, что обе власти постоянно сталкивались, перепутывались, перебивали одна другую, не были правильно размежеваны: вече то предоставляло князю пользоваться властью совершенно неограниченно, как то было, напр., в Киеве при Владимире Мономахе [5]), то действовало с повышенной энергией, сосредоточивая в своих руках все высшие функции управления, выбирая и изгоняя князей, заключая с ними „ряды" и т. д. Эта неорганизованность, беспорядочность характеризуется всего ярче сделанными уже в литературе наблюдениями, что из 50-ти князей, занимавших киевский стол до нашествия татар, только 14 были призваны вечем [6]), и за то же время киевское вече только четыре раза заключило ряд с князьями [7]).

Итак, носителями верховной власти в древнейшей России были князь и вече, при чем это двоевластие было неорганизованным, беспорядочным. Это была типичная первобытная демократия, примеры которой легко можно встретить в первоначальной истории каждого народа, древнейших греков, римлян, германцев, славян и т. д. И везде подобный политический склад или вернее политическая нескладица представляла собою естественное дополнение к неорганизованности хозяйственной и социальной.

---

[1]) См. Полное Собрание Русск. Лет., т. I, под указанным годом.
[2]) Малиновский, Рада великого княжества Литовского в связи с боярской думой древней России, ч. I, стр. 57.
[3]) Это признает и сам г. Малиновский в другом месте (см. стр. 91 его книги).
[4]) Малиновский, Рада великого княжества Литовского, ч. I, стр. 57.
[5]) Грушевский, Очерк истории киевской земли, Киев, 1891, стр. 133.
[6]) Там же, стр. 308. [7]) Там же, стр. 309.

II.

Что внешняя торговля стала играть первостепенную роль в экономической жизни русских вольных городов XIII, XIV и XV веков, это общепризнано и в доказательствах не нуждается. Не следует, однако, забывать, как некоторые, что хотя внешняя торговля захватила не одни высшие, но отчасти и средние слои населения Новгорода и Пскова, однако масса населения имела лишь косвенное к ней отношение, а большею частью не имела и совсем никакого. Ее хозяйственная энергия направлялась приблизительно равномерно на добывающую промышленность и сельское хозяйство [1]).

Это соотношение разных отраслей хозяйства, во многом отличающихся от того, какое существовало в древнейшей России, сильно отразилось на формах землевладения: первоначальное вольное или захватное землевладение вследствие влияния сельско-хозяйственной промышленности, главным образом земледелия, сделалось более оседлым, превратилось в семейную собственность на землю, при чем к обширному семейному союзу мало-по-малу стали примешиваться чужеродцы, и образовалось таким образом землевладение так называемых „сябров“ („шабров“), „складников“ или „соседей“; прилив капиталов, явившийся результатом внешней торговли и связанных с нею кредитных операций, имел следствием переход массы земель из рук простого свободного населения—смердов—в собственность монастырей и особенно бояр. Утвердилось таким образом понятие о полной собственности на землю.

Усложнились далее и формы хозяйства путем примеси к домашнему производству наемного и несвободного труда, также посредством развития крестьянской аренды за натуральный оброк, вносимый долей урожая или определенным количеством мер разного хлеба. Стала менее экстенсивной хозяйственная техника. Наконец, наблюдается выделение земельной ренты и прибыли на капитал в особые ветви народного дохода, составляющие уже достояние отдельных общественных классов [2]).

Естественна поэтому классовая дифференциация новгородского и псковского общества: боярство сделалось классом крупных землевладельцев и капиталистов-банкиров, [3]) купечество специализировалось на коммерческой деятельности. Все это не могло не отразиться и на образовании элементов сословности, юридических различий между социальными группами: боярство присвоило себе исключительные права занимать высшие административные должности и через посредство этого участвовать в высшем правительственном учреждении; купечество через выборных старост стало руководить коммерческим судом и судом между русскими и иностранцами по всем делам [4]). Словом, и в социальных отношениях, как и в хозяйстве, наблюдается уже некоторая более или менее стройная организация с заметно выраженным перевесом аристократических элемен-

---

[1]) См. наш Обзор русской истории, ч. 2, вып. I, стр. 9—12.

[2]) Подробности см. наш Обзор русской истории, часть 2-я, вып. 1-й, стр. 24—29.

[3]) Никитский, История экономического быта Великого Новгорода, стр. 39 и след.; Ключевский, Боярская Дума, изд. 1-е, стр. 248—249.

[4]) Никитский, История экономического быта Великого Новгорода стр. 21.

тов. Конечно, продолжавшееся господство натурального хозяйства оставляло попрежнему недифференцированной, безформенной народную массу.

Такие же задатки организации, какие наблюдаются в хозяйстве и устройстве общества вольных городов, заметны и в верховной власти и в высшем управлении, если ту и другое рассматривать с точки зрения административно-технической. На ряду с этим мы видим, конечно, и многочисленные остатки старинной беспорядочности.

Нормативные функции в области внешней политики, т.-е. заключение разных договоров и об'явление войны, были в Новгороде и Пскове неот'емлемым достоянием верховной власти,—именно веча: достаточно взглянуть в любой из договоров, чтобы убедиться в этом; для примера укажем самый древний договор с немцами 1195 года, заключенный князем и „всеми новгородцы“ [1]), и один из позднейших договоров—с Казимиром IV в 1440 году [2]). Однако здесь были отголоски прошлого: новгородские пригороды нередко присваивали себе право договариваться с иностранными государями [3]).

Финансовое законодательство—установление налогов и чеканка монеты—также по преимуществу подлежало уже ведению верховного учреждения—веча: новгородцы на вече назначали и раскладывали экстренные прямые сборы, там же был дан великому князю Василию Васильевичу „черный бор“ [4]); введение чеканной монеты в Новгороде и Пскове XV века произошло путем вечевых решений [5]): в 1447 г. „посадник и тысяцкий и весь Новгород уставили 5 денежников и начаша переливати старыя деньги, а новые ковати“ [6]). Однако на ряду с этим и органы подчиненного управления иногда законодательствуют в финансовой области: так новые налоги установлены были князем-кормленщиком Патрикием Наримунтовичем в пригородах, ему данных; контрибуции неоднократно определялись не вечем, а военачальниками [7]) и т. д.

Заканчивая обзор организации нормативной, законодательной деятельности государства в древнерусских вольных городских общинах, необходимо заметить, что здесь законодательное творчество путем отдельных судебных решений было сильно стеснено, если не исчезло совершенно: появились впервые официальные законодательные кодексы, исходившие от веча; Новгородскую судную грамоту составили „бояре, и житьи люди и купцы, весь государь Великий Новгород на вече на Ярославле дворе“ [8]); Псковская судная грамота составлена „всем Псковом на вечи“ [9]). В ней даже прямо запрещено юридическое творчество судьи помимо верховной власти,—именно сказано: „а которой строке пошлинной грамоты нет, и посадником доложити господина Пскова на вече да тая строка написать“ [10]).

Переходя к суду, нельзя не заметить, что нормальным порядком считалось уже отправление суда в первой инстанции органами подчинен-

---

[1]) Владимирский-Буданов, Хрестоматия по истории русского права, вып. 1, изд. 2-е, Киев, 1876, стр. 89.

[2]) Акты Западной России, т. I, № 39.

[3]) Ср., напр., Никитский, Очерк внутренней истории Пскова.

[4]) Акты Археограф. Экспед., т. I, № 32.

[5]) Полное Собрание Русских Летописей, т. III, стр. 109; т. IV, стр. 203; т. V, стр. 24. [6]) Пол. Собр. Рус. Лет., т. IV, стр. 125.

[7]) Это особенно бывало при усмирении инородцев и жителей северных владений Новгорода. [8]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 92.

[9]) Владимирский-Буданов, Хрестоматия по истории русского права, вып. I, изд. 2, стр. 128. [10]) Там же, стр. 166.

ного управления—князем и посадником совместно, тысяцким с купеческими старостами, владыкой, пригородскими посадниками, кончанскими и уличанскими старостами. Однако в роли трибунала первой инстанции выступали и органы верховного управления—вече и боярский совет. Так, суд по политическим и должностным преступлениям входил в сферу непосредственной компетенции новгородского веча [1]). В Пскове в 1484 г. вече судило посадников, которые „грамоту новую списали и в ларь вложили на сенех с князем Ярославом, а Псков того не ведает“ [2]). В Пскове на вече судились в первой инстанции и важнейшие уголовные преступления: измена, подлог, кража в крому, конокрадство и волхвование [3]). Совет „господ“, т.-е. бояр, разбирал в XIV в. дело об обидах, нанесенных немцам в Новгороде [4]). Надо прибавить, что пригородские посадники обладали попрежнему всею полнотою судебной власти в своих областях и не были обязаны обращаться к высшим инстанциям в определенных случаях. Правда, существовал особый суд второй инстанции—присутствие для „доклада во владычне комнате“ [5]), но от усмотрения посадников зависело обращение к этому присутствию, а жалобы на несправедливости и обиды властей, повидимому, поступали не сюда, а в вече, как то показывает приводившийся уже пример жалобы пригорожан на Патрикия.

Такая же пестрота, смесь старого с новым, характерна и для устройства управления в собственном смысле этого слова. Правда, назначение должностных лиц не входило в ведомство веча и боярского совета, это было делом князя с посадником в их совместной деятельности [6]). Но такое положение не создалось в силу понятия о том, что это выходит из сферы верховного управления, а было вызвано принижением княжеской власти в вольных городах, где князь из носителя верховной власти превратился в простой подчиненный орган. В сущности назначение всех, даже высших правителей в областях князем, как подчиненным, исполнительным органом, было несомненным признаком невысокого уровня развития административной техники, так как высшие областные власти обыкновенно при развитой технике управления получают свои полномочия от обладателя верховных прав.

Отмеченным сейчас принижением княжеской власти в вольных городах об‘ясняется и то, что сбор налогов производился не органами верховного управления, а князем и подчиненными ему лицами. Впрочем, и здесь остались следы непосредственного вмешательства верховной власти: иногда вече обязывало князя „продаяти дань своя новгородцу“ [7]), не говоря уже о том, что оно регулировало сроки сборов и количество сборщивов [8]),

Древнейшая Россия, не знавшая свободного гражданского оборота недвижимости, не ощущала ни малейшей потребности и в укреплении прав собственности на последнюю. С новыми формами землевладения,

[1]) См. Новгородские летописи под 1209, 1218, 1228, 1230, 1318, 1384 годами.
[2]) Дювернуа, Источники права и суддр в свней России, М., 1869, стр. 291.
[3]) Псковская судная грамота, статья 7-я.
[4]) Никитский, Правительственный Совет в Великом Новгороде.
[5]) Акты Археогр. Комиссии, т. I, № 92.
[6]) Собрание Государственных Грамот и Договоров, т. I, №№ 1, 2, 3, 6, 7. 8, 9, 10, 15.
[7]) Там же, № 10; ср. № 9; «За Волок слати новгородца, а тобе серебро емати». [8]) Там же, №№ 6, 7, 8.

вызванными к жизни примесью к добывающей промышленности земледелия и внешней торговли, родилась и потребность в нотариальном укреплении прав. Как нечто новое, казавшееся поэтому необычным, из ряда вон выходящим, это укрепление вызвало к себе особое внимание верховной власти, тем более, что авторитет подчиненных органов стоял недостаточно высоко, и потому роль нотариуса играли верховные учреждения—вече и боярский совет. Характерны в этом отношении следующие примеры: св. Зосиме утверждение прав его монастыря на землю было дано „боярами, содержащими град", т.-е. боярским советом; в XV в. тот же совет укрепил права на землю, принадлежавшие монастырю св. Саввы Вишерского [1]).

Совершенно неорганизована была, как и прежде, полиция безопасности и особенно полиция благосостояния, потому что подобные функции государственной власти возникают вообще поздно.

Здесь заслуживает особого внимания новгородский устав „о мостех", относящийся к концу XIII века: верховная власть регулирует в нем сама устройство мостовых в Новгороде [2]). В случае эпидемии и усиленной смертности заботу о погребении умерших брал на себя, за отсутствием постоянных органов, ведавших это дело, владыка новгородский [3]). Если что в полицейских функциях и было сколько-нибудь организовано, то лишь наблюдение за правильностью мер и весов, возложенное на архиепископа совместно с сотскими [4]).

Необходимо, наконец, отметить, что в Новгороде и Пскове существовали некоторые зародыши разделения властей: носителем законодательной власти являлось вече, законосовещательные и высшие исполнительные функции принадлежали боярскому совету, высший суд ведался особыми учреждениями: в Пскове для этого существовала „господа", состоявшая из князя, посадников и сотских [5]), а в Новгороде, по Новгородской судной грамоте, установлено было „докладу быти во владычне комнате, а у докладу быти из конца по боярину, да по житьему, да кои люди в суде сидели, да и приставом" [6]). Выше, однако, было уже отмечено, что в роли высшего, безапелляционного судилища выступали нередко вече и боярский совет. Тот же совет, пользуясь своим правом давать советы вечу по всем делам, поступавшим на вечевую сходку непременно с советским заключением, на деле часто превращался в законодательное, решающее все важнейшие государственные дела учреждение. Так, в начале XV века купцы жаловались, что совет не обо всех внешних сношениях и договорах доводил до сведения веча [7]); в 1478 г. Иван III заставил совет без веча утвердить запись, по которой Новгород должен был целовать ему крест [8]).

Последние замечания освещают уже политическую сторону организации верховной власти и высшего управления в вольных городах. Они подчеркивают то обстоятельство, что хотя совет юридически был подчи-

---

[1]) Ключевский, Боярская Дума древней Руси, изд. 1-е, стр. 263, 266.
[2]) Русская Правда, Карамзинский список, статья 134.
[3]) Новгородские 1 и 4 летописи под 6738 годом.
[4]) Дополнения по Актам Историческим, том I, № 3.
[5]) Псковская судная грамота, статья 10-я.
[6]) Акты Археографической Экспедиции, т. I, № 92.
[7]) Ключевский, Боярская Дума древней Руси, изд. 1-е, стр. 259.
[8]) Там же, стр. 265.

нен вечу, но фактически вече подпадало весьма сильному его влиянию [1]). Причина этого понятна: боярство, сословным учреждением которого является совет, сосредоточивало в своих руках земельный и денежный капитал; как землевладельцы, бояре подчиняли себе черных людей, живших в большинстве на их землях; как капиталисты-банкиры, они держали в повиновении купцов, нуждающихся в кредите вследствие широких оборотов внешней торговли.

Хорошо известно и прочно установлено, что князь в древне-русских вольных городах во всех отношениях утратил те прерогативы, которые давали ему прежде право на участие в верховной власти. Из обладателя этой власти, только делившего ее с вечем, князь сделался простым наемным слугой Новгорода и Пскова. Он необходим был лишь в качестве военачальника и сохранил поэтому неприкосновенным из старины право предводительствовать над войском, хотя и тут его нередко сопровождал посадник. При том это право было скорее обязанностью, видом службы князя вольному городу, его повинностью, за исполнение которой князь получал определенный доход. По счастливому выражению псковского летописца XV века, князь в вольных городах был не чем иным, как „воеводою, князем кормленым, о котором было псковичам стояти и боронитися“ [2])

Таким образом, республиканский характер политического строя древнерусских городов не подлежит сомнению. Но для полноты характеристики необходимо еще заметить, что государство вольных городов было аристократическим и муниципальным. Оно не было, правда, крепостным государством, основанным на принципе обязанности, но принцип права вырождался в нем в начало сословной привилегии, и при том фактически вся власть находилась в руках населения державного города, „государя Великого Новгорода“ и „господина Пскова“, и даже не всего населения, а группы богатых банкиров, землевладельцев и кущов.

III.

Хозяйственный быт северовосточной приволжской и приокской Руси в XIII, XIV и XV веках характеризуется, как известно, господством земледелия при сохранении натурального хозяйства, обезземелением крестьянства и ростом княжеского, монастырского, церковного, архиерейского и боярского землевладения—вотчинного и поместного,—преобладанием крестьянской аренды за натуральный оброк, менее экстенсивной, чем в древнейшей России, системой или техникой производства, наконец, заметным выделением земельной ренты в особую ветвь народного дохода, сделавшуюся достоянием землевладельческого класса [3]).

Соответственно такому сочетанию элементов хозяйственной жизни намечается два общественных класса, довольно резко различающихся между собою,—класс землевладельцев и класс безземельных земледельцев-арендаторов. В свою очередь классовое расчленение общества вызвало к

---

[1]) Там же, стр. 267.

[2]) Подробности о положении князя в вольных городах см. в нашем Обзоре русской истории, часть 2-я, вып. I-й, стр. 53—61.

[3]) См. подробности в нашем Обзоре русской истории, часть 2-я, вып. I-й, стр. 122—140.

жизни зародыши его сословного деления. Первая сословная группа начала слагаться из бояр и слуг вольных. Уже в сфере гражданских прав мы наблюдаем в этой общественной группе зародыши некоторых привилегий. Именно: по Двинской уставной грамоте конца XIV века вознаграждение за бесчестье полагается „по отечеству", т.-е. по степени знатности происхождения [1]), а по Судебнику 1479 года за рану следует присуждать вознаграждение „посмотря по человеку" [2]). Этим, равно как и зарождавшимся уже местничеством [3]), подчеркивался, несомненно, сложившийся уже до некоторой степени принцип знатности происхождения, „великой породы", как говорили позднее. Еще важнее были преимущества, вытекавшие из имущественных прав служилых людей, сросшиеся с владением землею: обладание землей — все равно на поместном или вотчинном праве—обусловливало собою и принадлежность помещику или вотчиннику прав суда над всеми жителями его имения и сбор податей с них. Это засвидетельствовано множеством жалованных грамот—несудимых, тарханных и льготных,—которые дошли до нас от удельного периода. Более 80-ти таких княжеских грамот, данных светским землевладельцам, сохранились от XV и первой половины XVI в. [4]). Не следует думать, что дача жалованных грамот князьями свидетельствует о происхождении всех этих преимуществ из княжеского пожалования; жалованные грамоты только формулировали давно сложившийся и господствовавший обычай и подтверждали, укрепляли права, подобно тому как теперь имущественные права нуждаются в нотариальном акте укрепления [5]). Что политические права тогда действительно срослись с владельческими, поземельными,—это видно из многих фактов: в одном судном деле XV в. встречается ссылка на старину, давность, как основу связанных с землей судебных и податных привилегий [6]); видим свидетельства отдельных грамот о том, что к деревне „исстари тянут" не только „хлеб земляной", но и „душегубство и татьба" [7]); вотчинник того времени ставил рядом свой доход, „татины рубли" и „хлеб земляной" [8]). Наконец, когда на службу к московским князьям в XIV в. стали поступать бывшие великие и удельные князья других княжеств, то они удержали вместе со своими вотчинами и ряд политических прав: они не только судили всех, кто жил в их вотчинах, и собирали с них подати и пошлины, но и выдавали несудимые и тарханные грамоты. И хотя привилегии служебных князей утверждались великим князем московским, принимавшим их к себе на службу, но отсюда нельзя выводить происхождение этих привилегий из пожалования великого князя. Не надо только преувеличивать значение и об'ем податных и судебных привилегий того времени, почему и не следует говорить о „феодальных отношениях" в удельной Руси, как то делают некоторые исследователи [9]). Даже слу-

---

[1]) Акты Археогр. Эксп. т. I, № 13. [2]) Акты Исторические, т. I, № 105.
[3]) Известия Академии Наук по II-му отделению, том V, стр. 351.
[4]) См. большое их количество в Актах, изданных г. Юшковым.
[5]) Энгельман. О приобретении права собственности по русском праву, стр. 28—29; Дмитриев, Сочинения, том II, М. 1900, стр. 265—266.
[6]) Федотов-Чеховский, Акты, относящееся до гражданской расправы, т. I, № 4.
[7]) Дювернуа, Источники права и суд в древней России, стр. 246.
[8]) Там-же.
[9]) См. Павлов-Сильванский, Феодальные отношения в удельной Руси, в «Журнале Мин. Народ. Просв.» за 1901 год.

жебные князья, не говоря уже о других землевладельцах, не обладали полнотой суверенных прав: монета чеканилась не ими, а удельными самостоятельными князьями, и, кроме того, у них не было права войны, иностранных сношений, права на непременное участие в законодательных с'ездах и суда пэров, а между тем все эти права составляют непременную принадлежность феодального порядка в развитом, сложившемся виде. Феодальных отношений в удельной Руси не было, были на лицо только их элементы, не вышедшие из первоначальной стадии развития.

Таковы были юридические отличия служилых людей удельного северовостока России от людей черных. Нельзя, конечно, признать эти отличия настолько развитыми и сложившимися, чтобы сомкнуть обе эти общественные группы в определенные сословия. Сословный строй только слабо намечался. Эта незаконченность особенно ясно выступает на вид, если мы обратим внимание на основное юридическое сходство между обеими группами, на личную свободу членов каждой из них: боярин и вольный слуга обладал правом от'езда от одного князя к другому, а черный человек столь же свободно пользовался правом перехода или „выхода" от одного землевладельца к другому. Мы не останавливаемся здесь пока на зародышах новых социальных отношений, которые начали слагаться к концу удельного времени и знаменовали собою уже переход к следующему периоду.

В общем надо признать, что и хозяйство и социальный строй проникнуты были одним основным, вотчинным принципом: хозяйство организовывалось хозяином-вотчинником земли, в социальных отношениях главную роль играла неразлучимость политических прав с правом собственности на землю. Понятно, что при таких условиях управление княжеством рассматривалось как простой вид хозяйственной деятельности князя, который и в этой сфере старался всюду проникнуть своим хозяйским глазом, стремился вникнуть во все подробности подчиненного управления. Так об'ясняется состояние административной техники в северовосточной Руси XIII, XIV и XV веков. Каждая подробность, каждая частность административно-технической организации служит подтверждением этого.

И прежде всего это надо сказать о технике внешних сношений, дипломатических переговоров и заключении договоров с иностранными государствами. Характерно тут то, что даже в XV и XVI веках московские князья шагу не давали ступить самостоятельно своим послам, давали им инструкции, предусматривавшие все самые мелкие подробности. Напр., в „памяти" Тимофею Васильевичу Заболоцкому-Бражникову, посланному в Литву в 1533 году, значится: если о чем-либо спросят, то сказать, что ни о чем другом наказу от государя говорить ему не дано, а потом следуют подробнейшие указания на частности [1]). При том в Москве всегда устраивали так, чтобы все важные переговоры велись не за границей, а именно в Москве; это делалось с целью предоставить возможность московским боярам по поводу каждой мелочи обратиться к верховной власти за указанием; и этой возможностью обыкновенно пользовались очень часто [2]). Нечего и говорить о том, что князья XIII и XIV

[1]) Акты Западной России, том II, № 175 стр. 227—228.
[2]) Акты Западной России, том II, № 175.

веков предоставляли еще меньше свободы своим посланцам. Они не редко и сами вступали в переговоры. Поездки князей в Орду, конечно, вызывались далеко не всегда требованиями ханов, но также собственным стремлением князей лично вести дела, бросить и на отношения к татарам свой хозяйский взгляд. Впрочем все-таки сравнительно с древнейшей Россией князья удельного времени реже выступают во внешних сношениях в роли, приличествующей подчиненным органам, и—что главное—эти подчиненные органы не отправляют уже в делах иностранной политики, как то было прежде, функций, свойственных верховной власти.

Мы видели, что в финансовой своей деятельности князь древнейшей России исполнял все обязанности от высших до низших, не только устанавливал налоги, но и сам их собирал, отправляясь на полюдье. В удельный период полюдье исчезает, князь передает сбор налогов подчиненным органам и себе оставляет только нормативно-финансовую деятельность,—установление податей и повинностей, дарование финансовых льгот, пожалование земель, определение вознаграждения должностным лицам и т. д. Это—несомненный признак зарождающегося выделения сферы верховного управления. Не следует однако преувеличивать такое выделение, нельзя предполагать, что оно было проведено хоть сколько-нибудь систематически, планомерно. Напротив, надо думать, что князь принимал постоянное, ежедневное участие в текущих делах финансового управления, даже самых мелких, что ни один расход не производился без ведома князя, и, вероятно, о всяком поступившем доходе ему докладывали. Вообще и в финансах, как и в иностранной политике, верховная власть и органы высшего управления нередко вторгались в сферу деятельности чисто-исполнительной, подчиненной. Так от начала XVI века до нас дошла любопытная грамота рязанского великого князя Ивана Ивановича об отводе земли, пожалованной одному служилому человеку; оказывается, что эта грамота адресована „бояром нашим Федору Ивановичу Сунбулову с товарыщи“, т.-е. боярской думе [1]): верховное учреждение здесь отводит пожалованную землю, т. е. исполняет обязанность подчиненного органа.

Законодательства в собственном смысле этого слова в XIII, XIV и в течение большей части XV в. не было, и зародыши его, какими в известной степени можно считать жалованные грамоты князей отдельным лицам и указанные их грамоты областным властям, имели характер хозяйственных распоряжений, не представляли собою формулировки общих юридических норм. В этом отношении недалеко ушел вперед и Судебник Ивана III; представлявший собою исключительно кодекс процессуального права. В сущности удельный князь каждым своим правительственным актом законодательствовал для данного отдельного случая. Исполнительная деятельность, свойственная органу подчиненного управления, перемешивалась с законодательной и, можно сказать, подавляла последнюю.

Та же чрезвычайная обширность функций, тот же захват верховной властью и органами высшего управления в свои руки ряда обыденных дел наблюдается и в суде. Можно прямо сказать, что не было такого судебного дела, по которому нельзя было бы обратиться непосред-

[1]) Акты г. Юшкова, № 47.

ственно к князю, в первой инстанции. На этот счет не существовало никаких не только законодательных постановлений, но и обычаев: все зависело от удобства и от усмотрения тяжущихся. И так было даже в конце удельного периода. В 1506 г. углицкий удельный князь Дмитрий Иванович решил поземельный спор Троицкого Сергиева монастыря с Семеном Бородатым: князь сам „обыскал своим обыском“ и „по тому обыску“ монастырского посельского „оправил“, а Бородатого обвинил [1]). В 1519 г. поземельную тяжбу Спасо-Евфимиева монастыря с Матвеем Судимантовым разбирали бояре в Москве (т.-е. боярская дума), „да сказали мне, великому князю, и аз велел бояром старцев Спаского монастыря в тех землях оправити, а Матвея Судимантова велел обвинити да и грамоту правую на Матвея в тех землях велел дати“ [2]). От XV века сохранилось много указаний на поземельные тяжбы, разбиравшиеся князьями в первой инстанции [3]). Наряду с этим однако такие же тяжбы разбирались тогда в первой инстанции [4]) и судьями, и писцами, составлявшими писцовые книги [5]), и наместничьими тиунами [6]). Во второй половине XV века великий князь Иван III сам разбирал дела о крестьянском выходе от одного землевладельца к другому [7]). В конце того же столетия рязанский великий князь Иван Васильевич разбирал в первой инстанции дело о подговоре обельных холопов к бегству от их господина [8]). В 1517 г. великому князю Василию III били челом по целому ряду дел о долгах и грабежах, и он сам их разбирал [9]). В начале XVI века, некоего Иванова по делу о бое и грабеже судила в первой инстанции боярская дума [10]). Эта путаница, сильно осложнявшая и затруднявшая деятельность верховной власти и высших учреждений, особенно с усложнением хозяйственных и социальных отношений, заставляла прибегать к некоторым поправкам и облегчениям. Иногда великие князья передавали уже жалобы, к ним обращенные, на рассмотрение областных правителей, но с непременной оговоркой о представлении рассмотренных дел на их собственное окончательное решение путем доклада. Типичным в этом отношении является наказ великого князя Василия Ивановича Карандушу-Свиньину о производстве раздела по межевому делу: „ты-б... к ним бы еси на ту землю ехал да того-б еси дозрил да обыскал, чия та земля. А о чем ся сопрут, и ты бы их судил, а суд свой скажи отцу моему великому князю“ [11]). Позднее, когда стали слагаться приказы, эта юрисдикция князя в первой инстанции начала мало-по-малу сокращаться, и следы ее сохранились только в пустой, лишенной реальной подкладки формуле: „по княжу слову“. Напр., в 1530 г. суд о денежном займе „судил дворецкой Иван Иванович Колычев“, „и по княж Андрееву слову Ивановича дворецкой ищею оправил, а ответчика обвинил... А на суде у дворецкого у Ивана Ивановича были дворцовой (дьяк) Жюк Прокофьев, да Серка Яковлев сын Лысцев, да

[1]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 145. [2]) Акты Исторические, т. I, № 126.
[3]) См., напр., Федотов-Чеховский, Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России, том I, №№ 2, 4, 10. Акты г. Юшкова, №№ 13, 104.
[4]) Акты Федотова-Чеховского, том I, №№ 5, 7, 15, 20, 21, 22, 23, 26, 29, 30, 34, 35, 38, 46, 47, 53, 54.
[5]) Там-же №№ 16, 19, 24, 25, 31, 51, 55, 56. [6]) Там-же №№ 45 и 57.
[7]) Акты Археографич. Эксп., т. I, №№ 73 и 83. [8]) Акты г. Юшкова, № 30.
[9]) Там-же, № 104. [10]) Там-же № 48.
[11]) Там-же, № 36; подобное же см. № 37.

подьячей Копыта Григорьев сын“ [1]). Но это уже—новообразование, переходная ступень к позднейшему времени.

Далее, мы ошиблись бы, если бы предположили, что существовал какой-либо установленный порядок инстанций и определенный круг дел или известные их свойства, делавшие необходимой передачу решения из подчиненных органов в руки высших учреждений или князя. Это как нельзя лучше видно даже из такого позднего памятника, как Судебник 1497 года, где прямо сказано: „а которого жалобника а не пригоже управити, и то сказати великому князю“ [2]). Мало того, когда судья чувствовал себя не в силах решить дело, затруднялся решением, он не знал, к кому собственно он обратится с „докладом“ по делу; в этом отношении характерно одно замечание в уцелевшем судном деле XV века: „судья рекся доложити государя великого князя или человека старейшего“ [3]). И действительность оправдывала подобные колебания: нередко, обращаясь с докладом к князю, судьи оказывались лицом к лицу с другим должностным лицом, которому они и докладывали дело. Так в конце XV века, разбирая дело о пожне между Ферапонтовым и Кирилловым монастырями, „судьи реклись доложити великого князя“, но, как видно из пометы на обороте, доложили Афанасия Курицына [4]). Лишь в некоторых особых случаях личный суд князя был обязателен, неизбежен и не мог быть заменен судом другого лица. Так, в первой половине XV века, великому князю принадлежал обязательный третейский суд в случае, если его судья и судьи удельного князя „ся сопрут“, т.-е. не сойдутся в решении каких-либо дел и не придут к соглашению о выборе третейского судьи [5]). Привилегированные землевладельцы и их приказчики были также подсудны непосредственно князю [6]). Наконец, существовал обычай, по которому дела о местничестве ведались также верховной властью.

Выше было уже указано, что жалованные грамоты на землю часто обозначали собою не акт пожалования, а нотариальные укрепления владельческих прав, которые существовали уже у землевладельцев до времени выдачи жалованной грамоты. Такой характер жалованных грамот с особенною ясностью выступает в жалованных подтвердительных грамотах, которые часто выдавались каждым новым князем монастырям на их земельные владения. При вотчинном характере княжеской власти, при взгляде на правительственные функции, как на предмет частной собственности, естественно представление о том, что со смертью старого князя теряют свое значение его обязательства охранять чужую собственность, и новый князь должен выдать новое подобное обязательство. Таким образом, носитель верховной власти выступал в роли простого нотариуса, брал на себя исполнительные функции простого, незначительного подчиненного органа. Нотариальное укрепление различных сделок князем вообще было обычным явлением в удельной Руси. Так, напр., в 1487 г. Василий Андреев занял у Федора Васильевича 5 рублей, и акт этот был „доложен“ рязанскому великому князю Ивану Васильевичу [7]); в 1492 г. ему же доложили о займе в 1 рубль [8]). Завещание вдовы

[1]) Там же № 128. [2]) Акты, Историческое, т. I, № 105.
[3]) Акты Федотова-Чеховского, т. I, № 20.
[4]) Там же, № 5, ср. № 14. [5]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 29.
[6]) См. все жалованные грамоты в Актах Арх. Эксп., Актах Историч., Актах г. Юшкова и т. д.
[7]) Акты г. Юшкова, № 32. [8]) Там же, № 35.

нижегородского князя княгини Марии было утверждено великим князем Иваном III лично, как видно из приписки, что великий князь утвердил этот документ, „коли был в Суздале". Впрочем, к концу удельного времени мало-по-малу начинает устанавливаться обычай передавать гражданские сделки для их нотариального укрепления какому-либо боярину, заменявшему здесь князя, так что начинает в данном случае отделяться подчиненное управление от верховного. Примеров много: так, в 1498 г. доложили о займе в 4 рубля „великого князя Ивана Васильевича боярину Ивану Ивановичу Измайлову" [1]); ему же в 1500 г. сделан был доклад о займе в 2 рубля [2]); в 1510 г. „доложа великой княгини Ографены боярина Федора Ивановича Сунбула", Афимья, жена Дмитрия Федоровича, заняла 5 руб. под заклад вотчины [3]); в 1515 г. „доложа великого князя Иван Иванович боярина Ивана Дмитриевича Кобякова", Подивников занял у Кожи 2 рубля [4]) и т. д. [5]).

Относительно порядка назначения разного рода должностных лиц по управлению надо повторить то, что было сказано по этому вопросу о древнейшей России: такого порядка в сущности не было; предоставляя важнейшим лицам, служившим ему по управлению, дворецкому, казначею, начальникам дворцовых „путей", наместникам, волостелям—выбирать себе в помощники „своих людей" в качестве тиунов, доводчиков, праветчиков, пошлинников, приставов, князь удельного времени сплошь и рядом не только в областях, находившихся под непосредственным его ведением, держал и назначал сам таких „своих людей", но и производил назначение на все должности высшие и низшие во всех областях, назначал наместников, [6]) волостелей, [7]) „раз'ещиков" (т. е. межевщиков) [8]), сборщиков разных податей и пошлин [9]).

Чтобы закончить характеристику административно-технической стороны верховного управления в удельной северовосточной Руси, остается отметить взаимоотношение между князем и боярской думой того времени. Никто не оспаривает того, что дума имела лишь совещательный, а не решающий голос. Что касается состава думы, то в этом отношении существуют некоторые разногласия: одни исследователи полагают, что удельная дума состояла по преимуществу из княжеских приказчиков, заведывавших казной, дворцом и разными дворцовыми „путями" [10]); по мнению других, состав думы был вообще неопределенный, менялся по усмотрению князя [11]). Надо заметить, что, конечно, мелкий удельный князь, политический кругозор которого был очень узок именно вследствие ничтожных размеров его княжества, ни к кому другому не мог обращаться, как именно к своим ближайшим помощникам по дворцовому хозяйству. Но по мере собирания Руси являлась нужда и в советах других лиц. Общая черта, об'единяющая эти два момента в истории думы удельного периода, состоит в том, что все время постоянного, неизменного числа советников не было; совещания князя с думой слагались по типу не постоянной функции, а временного личного со стороны князя поручения

[1]) Акты г. Юшкова, № 41. [2]) Там же, № 44. [3]) Там же, № 77.
[4]) Там же, № 93. [5]) Там же, №№ 78, 90, 94, 98, 101, 102, 103, 106, 107.
[6]) См., напр., акты г. Юшкова, № 105.
[7]) Акты г. Юшкова, №№ 56, 59, 60, 61, 63, 64, 72, 74, 82 и др.
[8]) Там же, № 86. [9]) Там же, №№ 73, 85, 135.
[10]) Ключевский, Боярская дума древней Руси, изд. 2-е, стр. 128—129.
[11]) Сергеевич, Русские юридические древности, том II, вып. I.

отдельным лицам принять участие в даче советов по делам управления. Это принципиально не отличается от советов „сам третей у постели“ при Василии III. Таким образом, и здесь точка зрения князя-хозяина оставалась проведенной до конца.

Последний вывод, равно как и другие наблюдения, выше изложенные, позволяют нам, наконец, характеризовать удельное княжество и с политической стороны: это было типическое вотчинное государство, в котором верховная власть не только принципиально, но и фактически не отделялась от землевладения, носитель верховной власти был таковым именно по той причине, что он обладал землей, верховные права являлись не чем иным, как одним из хозяйственных аттрибутов земельного владения, в роде отдельных земельных угодий.

IV.

История северовосточной удельной Руси и в частности история в ней верховной власти и высшего управления находит во многом поучительную параллель себе в соответствующих и при том одновременных явлениях жизни Руси западной.

Хозяйственное положение западной Руси в XIII, XIV и XV веках характеризуется так же, как и положение удельного северо-востока, преобладанием земледелия. Уже в XIII веке в Берестейской земле дань князю вносилась отчасти продуктами земледелия и скотоводства [1]). В актах XV века постоянно встречаются „земли пашные“, „сеножати“, луга, выгоны, иногда и „хмелища“. Мало того: пашня обыкновенно выдвигается на первый план, и нередки случаи, когда вся хозяйственная ценность имения покоится на пахотных и сенных угодьях [2]). В „книге данин“ великого князя Казимира упоминается, между прочим, „пшеничная земля“ [3]), т. е. такая, с которой владелец получал от крестьян пшеницу,—несомненное свидетельство о развитии земледелия. Еще с конца XIV века в собственной Литве стала собираться новая денежная подать—серебщина, и замечательно, что она собиралась с сохи [4]), т.-е. окладная единица приобрела чисто-земледельческий характер. В 1496 г. „великий князь казал Высокодворцам, ходити на работу, орати на паренину два дни, а на яр бороновати день, жита жати два дни, а яр жати два дни“ [5]): здесь чисто-земледельческая организация работ. В 1497 г. в Лидском повете „дякло“, т.-е. дань землевладельцу, платилось почти исключительно хлебом, житом и овсом [6]). Исключение представляет только часть югозападной Руси, где добывающая промышленность оставалась господствующей [7]).

---

[1]) Летопись по Ипатскому списку, стр. 521.

[2]) Акты Зап. Рос., том I, №№ 26, 30, 84, 1, 168, 171, 178; Леонтович, Акты Литовской Метрики, т. I, вып. I, №№ 474, 503, 520, 525, 538, 543, 558 и др.; Довнар-Запольский, Акты Литовско-русского государства, №№ 22, 23, 48, 63 и др.

[3]) Документы Московского Архива Министерства Юстиции, т. I. № 1.

[4]) Довнар-Запольский, Государственное хозяйство великого княжества Литовского при Ягеллонах. том I, Киев, 1901, стр. 717 и сл.

[5]) Леонтович, Акты Лит. Метрики, т. I, вып. I, № 276.

[6]) Довнар-Запольский, Акты Литовско-русского государства, № 58.

[7]) См., напр., Акты Зап. Рос., т. I. № 161; Довнар-Запольский. Госуд. хоз., стр. 224; Ясинский, Уставные земские грамоты Лит. государ., стр. 158 и т. д.

Существенным отличием от северовостока являлся только более быстрый темп хозяйственного развития, скорее приближавший западную Русь к периоду денежного хозяйства [1]). Понятно, что при таких условиях в формах землевладения и хозяйства и в хозяйственной технике наблюдаются в западной Руси также знакомые уже нам явления, только быстрее приближающиеся к порядкам, свойственным более позднему времени; обезземеление крестьянства сопровождалось установлением вотчины поместья, при чем последнее быстро стало сближаться с вотчиной путем распространения „выслуги“, называвшейся также „даниной на вечность“ или „вечистой даниной“, которая, будучи по происхождению своему временным и условным владением, обыкновенно отчуждалась и передавалась по наследству с согласия великого князя [2]); господство аренды за натуральный оброк осложнялось уже особенно к концу периода примесью барской запашки и барщины [3]); наконец, к переложной системе все более стало примешиваться трехполье [4]).

Параллельно всему этому появилось классовое расчленение общества на землевладельцев, безземельных земледельцев и к концу периода — городских торговцев и ремесленников. Так как в хозяйственной области к старым натурально-хозяйственным порядкам примешивались все сильнее элементы денежного хозяйства, то естественно, что довольно резко, резче, чем на северовостоке, обособились сословия, особенно служилое и крестьянское. Паны и шляхта стали обладать весьма значительными привилегиями, во всей своей полноте свойственными высшему слою дворянства: личным наказаниям и конфискации имущества их можно было подвергать не иначе, как по суду и на основании закона; суду подчиненных властей дворянство подлежало только по некоторым делам, как насильственное нападение, насилие над женщиной, поранение шляхтича, разбой; по прочим делам они только собирали данные и разбирали дело, приговор же постановлялся господарем с радой. Затем, служилые люди имели право судить и брать поборы в свою пользу с крестьян и всех вообще лиц, живших на владельческих землях. Наконец, западнорусское дворянство приобрело также и важные корпоративные права, именно право собираться на сеймы, занимать высшие должности или „вряды“, избирать господаря и посредством местных дворянских „сеймов“ принимать деятельное участие в областной администрации и суде [5]).

Крестьяне в западной Руси были первоначально свободны, свободно переходили от одного землевладельца к другому. При уходе они должны были только уплатить „сходельное“ и в случае получения пособия („рукоема“) проценты на это пособие — „остатнее“. Но уже влияние земледелия, требовавшего капитала, приводило, как и на северовостоке, к задолженности крестьян землевладельцам, а зарождавшиеся элементы денежного хозяйства обострили потребность крестьян в капитале, увеличили тем задолженность и вместе вызвали потребность в постоянном контингенте рабочих, которые регулярно отправляли бы барщину на постепенно

---

[1]) См. подробности в Обзоре рус. истории, ч. 2-я, вып. 2-й, стр. 10—18.
[2]) Обзор русской истории, ч. 2-я, вып. 2-й, стр. 21—24.
[3]) Там же, стр. 24—25. [4]) Там же, стр. 25—26.
[5]) Любавский, Областное деление и местное управление Литовско-русского государства, стр. 861—878; Лаппо, Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория, стр. 515—556; Любавский, Литовско-русский сейм, стр. 428—508.

увеличивавшейся барской запашке. Таким образом, значительная масса задолжавших и обязанных барщиной крестьян надолго, часто на всю жизнь и даже в нескольких поколениях связывалась с определенными землевладельцами. Давность этой связи послужила юридическим основанием для первых элементов крепостного права. Уже в удельное время наблюдаются таким образом „отчичи“, „люди засядлые“ или „заседелые“, „непохожие“. Первая форма прикрепления носила условный характер: крестьянин мог уйти, но под условием оставить на свое место другого. Но уже в 1457 г. сделан был второй шаг: было запрещено принимать в господарские волости из частновладельческих имений всех людей „данных, извечных, селянитых“, и тем был проведен законодательным путем принцип прикрепления на основе давности [1]).

Таким образом, экономический быт и социальный строй западной Руси отличались уже не чисто-вотчинным характером, свойственным эпохе натурального хозяйства при господстве земледелия: развитие шло дальше, к денежному хозяйству и связанному с первой ступенью его развития сословному строю.

Обращаясь к изучению техники высшего управления в Литовско-русском государстве и останавливая прежде всего внимание на технике законодательства, необходимо отметить, что поскольку деятельность господаря в области создания юридических норм не выходила из рамок вотчинного управления, она была на практике единоличной, и если и призывались советники, то этот призыв не отличался систематичностью и постоянством. Технически он не был всегда необходим: князь-хозяин в несложных случаях не нуждался в помощниках. Однако, новые хозяйственные и социальные условия давали себя чувствовать особенно к концу периода и призвали к деятельному участию в законодательной деятельности раду, совет великого князя литовского и русского. Так с участием совета составлялись и утверждались общеземские привилеи [2]), уставные земские грамоты [3]), грамоты на магдебургское право [4]). Один раз мы встречаемся даже с законодательной деятельностью сейма, раньше занимавшегося только вопросом об избрании господаря и внешней политикой [5]); в 1468 году великий князь Казимир „урядил“ свой Судебник „с князьями и паны-радою нашею великого княжества Литовского и со всим посполством согадавши“ [6]).

Наши источники содержат много фактов, доказывающих, что даже к концу удельного времени к господарю стекались не только в высшей инстанции, но и в первой, самые разнообразные, нередко ничтожные судебные дела. Сюда относились поземельные тяжбы и споры о межах.

---

[1]) См. Леонтович, Крестьяне юго-западной России по литовском праву XV и XVI ст. в «Киевских университетских известиях» за 1863 год; Новицкий; Очерк истории крестьянского сословия юго-западной России; Любавский, Областное деление и местное управление Литовско-русского гос., стр. 373 и сл.

[2]) См. напр., Леонтович, Акты Лит. Метрики, т. I, вып. I, №№ 1. 6 и др.; Акты Зап. Рос., т. I, № 61 и др.

[3]) Ясинский, Уставные земские грамоты Литовско-русского государства, стр. 196—199.

[4]) См., напр., Довнар-Запольский, Акты Литовско-русского государства, №№ 1, 3, 7, 8, 59 и др.

[5]) Любавский, Литовско-русский сейм, стр. 28, 29, 35, 65, 111, 119, 120, 123, 125, 130, 133, 134, 137, 142.

[6]) Акты Зап. России, т. I, № 67.

Вот типические примеры, взятые из целого ряда других: в 1488 г. поземельная тяжба была разобрана и решена великим князем Казимиром [1]); в 1492 г. подобное же дело рассмотрел и решил великий князь Александр [2]). Дела о холопстве также часто направлялись к господарю, как к судье первой инстанции: факты относятся, напр., к 1494 [3]), 1495 [4]), 1496 [5]), 1497 [6]), 1498 [7]) годам и т. д. Споры о долгах и вообще денежные тяжбы великий князь тоже нередко судил, как обыкновенный судья: таковы дела 1494 [8]), 1496 [9]), 1497 [10]) и др. годов. Сюда относились также дела о грабежах [11]). Споры о бесчестьи нередко разбирал в первой инстанции сам великий князь: напр., в 1496 г. это сделал Александр по делу о родовой чести между смоленскими боярами Плешкиным и Олтуфьевым, из которых первый назвал второго „коробейником, купцом“ [12]), Наконец, тоже надо повторить о делах, касающихся незаконных поборов, производимых должностными лицами: так было, напр., в 1496 г., когда жмудский тивун неправильно потребовал с шляхтича дякла [13]). Вторжение органов верховного управления в сферу действия подчиненных властей по тем же самым судебным делам подтверждается многочисленными фактами, устанавливающими участие рады в господарском суде: нередко великие князья вместе с радой судили в первой инстанции поземельные и межевые дела [14]), о холопстве [15]), долгах [16]) и т. д. Эти данные важны для нас еще в том отношении, что намечают процесс, уже известный нам из наблюдений над техникой законодательной работы: великий князь постепенно все более склонялся к решению различных тяжб не единоличною своею властью, а посредством совместной работы с радой, которая таким образом приобретала значение все более важного колеса в государственной машине.

Широко развита была в западной Руси XIII, XIV и XV веков и нотариальная деятельность господаря; он укреплял всевозможные акты гражданского права: купли-продажи [17]), наследования [18]), мены [19]). При этом и здесь нередко рада принимала участие в господарских действиях [20]).

Далее: все финансовые дела доходили до великого князя. Ему представлялись все данные и отчеты о доходах и расходах казны, напр., король Казимир „брал-личбу з мытников киевских и путивльских“ [21]); в 1495 г. „ключник берестейский господару личбу делал з восковых грошей“ [22]), в 1497 г. „в Берестьи, как тыми разы был господар его милость, дек 22 ден, делал его милость личбу с ключником берестейским Левком Боговитиновичем и з Немирею, што держали от его милости мыто берестейское к верной руце“ [23]); в 1499 г. „брал его милость личбу у мытников путивльских в Городне“ [24]); в том же году „пан Литавор Хребътович, маршалок, наместник новгородский и слонимъский, выдал господару его милости великому князю личбу з минцы“ [25]). Впрочем, иногда господарь по-

---

[1]) Леонтович, Акты Литовской Метрики, том I, вып. 1-й, № 56.
[2]) Там же, № 69. [3]) Там же, № 94. [4]) Там же, № 172.
[5]) Там же, № 319. [6]) Там же, № 345. [7]) Там же, № 366.
[8]) Там же, № 89. [9]) Там же, № 278. [10]) Там же, №№ 351, 416.
[11]) Там же, №№ 220, 255. [12]) Там же, № 330. [13]) Там же, № 236.
[14]) Там же, №№ 145, 151, 157, 161 и др. [15]) Там же, № 472 и др.
[16]) Там же, № 416 и др. [17]) Там же, №№ 198, 208, 210, 219 и др.
[18]) Там же, № 220 и др. [19]) Там же, № 216 и др.
[20]) Там же, № 340 и др.
[21]) Довнар-Запольский, Акты Литовско-русского государства, стр. 49.
[22]) № 26. [23]) Там же, № 52. [24]) Там же, № 60. [25]) Там же. № 67.

ручал это дело кому-либо из своих ближайших помощников, напр., в 1496 г. „господар его милость великий князь Александро казал личбу вделати маршалку его милости пану Григорю Станьковичу Остиковича а мне писару его милости Ивашку Владыце в мытьников менских в Евлашка а у Федора з мыта менского“ [1]). Это уже несомненное начало выделения рассматриваемой функции из непосредственного ведения верховной власти в ведение подчиненных органов; не удивительно поэтому, что встречаются случаи приема отчетов подчиненными властями без специального поручения от господаря: в 1494 г. „пан Андрей подскарбий а Ивашка Владыка писар брали личбу у ключника киевского у Сенька Полозовича а в Самоделчина сына“ [2]); в 1497 г. „пан Литавор маршалок а Федко писар брали личбу в ключника киевского в Сенька Полозовича и в мытников киевских в Санка и в Цибули“ [3]).

Повидимому, далее, сбор податей производился по специальному всякий раз распоряжению великого князя, а с другой стороны, ни один даже и незначительный расход нельзя было произвести, не испросив его разрешения. Это видно, напр., из приходо-расходной записи писаря господарского Ивашки Яцковича в 1496 году [4]), где сказано, между прочим: „его милость велелъ ми в Берштахъ дань побрати на людехъ на волостныхъ Задвинъскихъ волостей“, а затем: „а тивунщины 3 рубли отдал есми Мити Ремейковичу, бо господар велел ему отдати“.

Раздача мыт в аренду и дача разрешений на устройство торжков и ярмарок производились также верховной властью [5]), часто с участием рады [6]).

Понятно, почему в финансовой области великие князья литовские так ревниво относились к каждой мелочи, старались не упустить ее из своих рук: здесь, на материальных интересах, особенно сильно отражались вотчинные начала.

Надо, наконец, заметить, что господарь сам непосредственно назначал разных должностных лиц, без различия рангов: наместников [7]), старост [8]), волостелей [9]) и т. д. И здесь влияние шляхетского сословия сказывалось, однако, уже сильно: в областных привилеях (Витебском, Полоцком, Жмудском) господарь обязуется: „також им нам давати воеводу постарому, по их воли; а который им будет нелюб воевода, а обмовят его перед нами, ино нам воеводу им иного дати, по их воли“ [10]).

Предшествующее изложение дает нам возможность характеризовать Литовско-русское государство XIII, XIV и XV веков и с политической стороны.

Политическое значение великокняжеской власти до 1492 года было так же велико, как широк был круг дел, выполняемых непосредственным, личным действием господаря: великий князь был юридически неограниченным собственником всего государства и политическая роль рады и сейма была незначительна, ограничивалась подачей великому

---

[1]) Там же, № 49. [2]) Там же, № 26, стр. 59.
[3]) Там же, № 54. [4]) Там же, № 38.
[5]) Леонтович, Акты Лит. Метр., №№ 179, 180, 195, 197, 201 и др.
[6]) Там же, № 378 и др.
[7]) Довнар-Запольский, Акты Литовско-русского государства, № 16.
[8]) Там же. [9]) Там же, стр. 48.
[10]) Ясинский, Уставные земские грамоты Литовско-русского государства, стр. 118—119.

князю советов, не связывавших его воли. Такие отношения и понятия являлись отражением вотчинного принципа, проникавшего удельный строй во всех отношениях. Мы, однако, сильно ошиблись бы, если бы признали эту характеристику полной. Новые хозяйственные, социальные и административно-технические порядки могущественным образом воздействовали на политическую сторону верховного управления и видоизменяли реальное соотношение сил в этой области. Это особенно заметно потому, что в XIV и XV веках на первый план выступают областные привилеи или уставные грамоты, с одной стороны, и сословные привилеи — обще-земские или земские (т. е. шляхетские) и мещанские (на магдебургское право), с другой. Эти два вида привилеев — областные и сословные—вызвали своим появлением и развитием большой спор в специальной литературе: одни исследователи, придавая первостепенное значение областным привилеям, утверждают, что Литовско-русское государство отличалось федеративным характером [1]), другие, с ударением отмечая сословные привилеи, склонны признавать в этом государстве преобладание территориально-сословного типа [2]). Нельзя не признать, что федерацией в строгом юридическом смысле Литовско-русское государство названо быть не может: политическая особность была не менее свойственна и отдельным частям удельного северо-востока; кроме того, федерация немыслима без органического закона, связующего союзные государства; наконец, уставные грамоты или областные привилеи с юридической точки зрения являются не договорами великого князя с населением, а односторонними актами великокняжеского пожалования. Точнее будет признать поэтому Литовско-русское государство унией отдельных литовских и западно-русских земель и при том унией не личной, а реальной [3]), потому что удельные князья, потом наместники и воеводы, вошли в состав господарской рады. Что касается сословных привилеев, то они формировали известным образом социальный строй, но отсюда еще далеко до вывода из одной их наличности особого понятия о суб'екте власти. Другое дело их содержание: несомненно, что последний из земских привилеев удельного периода — привилей Александра 1492 года, обязавший великого князя без рады не посылать послов, не отнимать должностей, не раздавать в держанье пограничных замков, не производить государственных расходов и не судить [4]), установил, что суб'ектом, носителем верховной власти, является не один господарь, но и шляхетский „народ", дворянство. Этим, вместе с тем, сглажены были областные различия, и уния превращена была из реальной в полную. Таков был конечный результат политического развития Литвы и западной Руси, в удельное время.

V.

Мы видели, что политическая сторона верховной власти и высшего управления в России до конца XV века, являясь органически связанной

[1]) Любавский, Областное деление и местное управление Литовско-русского государства, стр. 2 и сл.

[2]) Леонтович, Сословный тип территориально-административного состава Литовского государства и его причины,—в «Журн. Мин. Нар. Просв.».

[3]) Ср. Bluntschli, Allgemeines Staatsrecht, zweite Auflage erster Band, München, 1854, S. 210—211.

[4]) Любавский, Литовско-русский сейм, стр. 136.

с административной техникой, вместе с этой последней представляла собою естественное дополнение к тем экономическим и социальным отношениям, которые свойственны были исследованным периодам исторической жизни русского народа. Таким образом, методологическая точка зрения, намеченная в предисловии, получает свое оправдание и должна быть сохранена в дальнейшем исследовании. Но, кроме того, предшествующее изложение приводит к нескольким общим выводам по существу изучаемого вопроса. Выводы эти можно формулировать следующим образом:

1. В древнейшей России — до XII в., при полной неорганизованности хозяйства и общества, выражавшейся в господстве добывающей промышленности при натуральном хозяйстве, в преобладании вольного землепользования, домашней формы хозяйства, экстенсивной техники производства, в отсутствии классов и сословий, верховная власть и высшее управление и технически, и политически были также бесформенны: государство того времени было неорганизованным двоевластием веча и князя.

2. С XIII по XV век наблюдается три типа общественного развития: один представлен вольными городами — Новгородом и Псковом, другой северо-восточной Русью—Владимирской, потом Московской, третий Русью западной—Литовской.

В вольных городах, при преобладании внешней торговли в высших слоях общества и равновесии добывающей промышленности и сельского хозяйства, в народных массах, сопровождавшемся переходом земли в руки боярства, развитием аренды за оброк натурой, менее экстенсивной техникой, началом классового и сословного расчленения общества, начинает организоваться и верховная власть, и высшее управление: к сфере последнего относится, хотя еще не всецело, нормативная, законодательная деятельность государства, суд, главным образом в высшей инстанции, но довольно еще часто и в инстанции низшей, вмешательство во многие, еще не вполне переданные подчиненным органам дела текущего управления; с политической точки зрения государство здесь является аристократической муниципальной республикой.

3. В северосточной Руси XIII, XIV и XV веков господство земледелия при сохранении натурального хозяйства, служилого землевладения—вотчинного и поместного,—натуральной аренды, менее экстенсивной, чем в древнейшей России, техники и зарождение деления на классы и сословия сопровождались выделением в исключительное ведение верховной власти нормативных функций государственного сокза при постоянном вмешательстве ее во все самые мелкие судебные и административные дела; с политической точки зрения это было типическое вотчинное государство, в котором государственные функции рассматривались как простые хозяйственные аттрибуты земельного владения.

4. Западная Русь характеризовалась преобладанием земледелия при весьма быстром темпе экономического развития, приближавшем страну к периоду денежного хозяйства, развитием поместья и особенно вотчины, натуральной аренды с примесью барщины, распространением переложной и трехпольной систем земледелия, довольно резким классовым делением и обособлением отдельных сословий; параллельно этому в законодательстве, суде и разных отраслях управления мы видим постепенную смену единоличной деятельности князя-вотчинника его совместной работой с коллегиальными учреждениями—радой и сеймом,—отражавшими господство

определенного класса—дворянства, и широкое вмешательство органов верховного управления в функции подчиненных органов; Литовско-русское государство было реальной унией литовских и западнорусских земель, развивавшейся в направлении ослабления власти великого князя и уничтожения особенностей разных областей в пользу образования унитарного государства с ограничением власти государя дворянскими представительными учреждениями.

Ясно, таким образом, что самодержавия в России до XVI века не существовало: его появлению не содействовали ни хозяйственный быт, ни социальные условия, ни административная техника.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Основные черты хозяйства и социального строя в Московском государстве XVI и первой половины XVII века.

I.

Никто не оспаривает и не будет оспаривать того, что одной из основных черт народного хозяйства в Московском государстве XVI и первой половины XVII века является первенствующая роль сельского хозяйства, в частности земледелия. Это положение настолько общепринято, что совершенно не нуждается в доказательствах.

В другой работе [1]) пишущий эти строки доказывал, что вторая половина XVI века в истории России была временем, когда в недрах натурального хозяйства стало зарождаться хозяйство денежное, основанное на товарном обращении. Эта черта хозяйственного быта Московской Руси не менее, если не более, важна, чем господство земледелия, и так как столь общепринятой, как последнее, ее считать нельзя, то необходимо сейчас в сжатом виде повторить главные наблюдения, подтверждающие факт зарождения, первоначального развития денежного хозяйства в изучаемое время.

Денежное хозяйство в строгом смысле слова это—такое хозяйство, когда каждый отдельный производитель в стране вовлечен в торговый оборот, когда каждый с продуктом своего труда является на рынок, отчуждает этот продукт в виде товара, т. е. превращает его в деньги, с тем, чтобы в свою очередь эти деньги посредством той же операции товарного обмена превратить в предметы собственного потребления. Если понимать денежное хозяйство в таком строгом, исключительном смысле, то придется признать, что денежное хозяйство у нас в России местами еще и теперь не существует или существует не вполне, потому что товарное обращение захватило еще не всех без исключения производителей хозяйственных благ в России и многих из тех, кто даже подвергся этой участи, захватило не целиком, не заставило их работать всецело для рынка.

---

[1]) Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в., стр. 271—290.

Но для всякого ясно, что Россия страна денежного хозяйства, несмотря на эти ограничения. Ясно и то, что она приобрела эту экономическую особенность не вчера, что денежное хозяйство в России развивалось путем длинной эволюции, охватывающей не одно столетие. Чтобы правильно определить ход этой эволюции, ее отдельные стадии или ступени, необходимо придать термину „денежное хозяйство" известную растяжимость, эластичность. Денежным с этой точки зрения надо признать не только такое хозяйство, при котором все производители превращают целиком весь свой продукт в товар, но и такое, когда товарное обращение начинает проникать в глубины народной жизни, когда оно захватывает уже не одни высшие классы, а отчасти и низшие. Так именно надо характеризовать первую ступень развития денежного хозяйства, на которую Россия поднялась в XVI и XVII веках.

Доказательства того, что вторая половина XVI века была временем зарождения денежного хозяйства, делавшего первые робкие шаги вперед в XVII столетии,—довольно многочисленны и разнообразны. Прежде всего у нас нет недостатка в прямых свидетельствах об оживлении в это время внешних и внутренних меновых сношений. Новгород продолжал быть важным пунктом внешней торговли России. В 50-х годах XVI века завязываются постоянные и при том очень важные торговые сношения с Англией через Белое море, и таким образом на севере, в Холмогорах, потом в Архангельске и других городах, лежавших на пути к Москве, образовались новые рынки для внешней торговли, не уступавшие Новгороду, скоро даже превзошедшие его по своему значению. Можно наблюдать довольно сильное торговое оживление целого ряда городов, лежавших на дороге с севера в центр, особенно Вологды, Ярославля и самой столицы государства—Москвы. О росте внешней торговли Московского государства со второй половины XVII века свидетельствуют разнообразные источники,—напр., сочинения англичан, посещавших Московскую Русь, Ченслера, Климента Адамса, Дженкинсона, Флетчера, Уложение 1649 года, но особенно так называемые Торговые книги, содержащие сведения о заграничных и русских ценах и стоимости провоза целого ряда разных продуктов, закупавшихся скупщиками из богатого купечества на московском рынке в очень значительном количестве и доставлявшихся к Белому морю для сбыта заграницу.

Уже это оживление внешней торговли и расширение охватываемого ею района, содействовавшие образованию и развитию нескольких новых крупных торговых центров, не могли не сказаться на общем строе экономической жизни Московского государства во второй половине XVI и в XVII веке. Коренные устои натурального, безобменного хозяйства начали подгнивать и колебаться под влиянием роста заграничной торговли. Но у нас нет недостатка и в указаниях на значительное оживление внутреннего обмена, и опять-таки замечательно, что такие указания начинаются со второй половины XVI века, что служит очевидным признаком зарождения денежного хозяйства в стране именно около этого времени. С этого именно хронологического термина в писцовых книгах и актах начинают постепенно мелькать описания отдельных торжков, местных рынков и ярмарок, иногда охватывавших своими торговыми оборотами значительную территорию. Уже на севере в конце XVI века Вологда, Тотьма и Устюг были очень важными хлебными рынками. Рязан-

ская область снабжала хлебом нижнее Поволжье, с одной стороны, и Москву, с другой. То же приходится повторить о Ярославле и Нижнем-Новгороде с их уездами. Целая сеть торговых дорог по всем направлениям покрывала страну. Она достигла особенной густоты в центре: достаточно сказать, что таких больших дорог, проложенных к столице государства, было не менее семи: по крайней мере две—ярославская и углицкая—вели на север, к Вологде, Белозерску и Холмогорам; на северо-запад шла торговая дорога из Москвы в Тверь, Вышний-Волочек и Новгород; существовала также дорога на восток, к Нижнему; но наибольшее количество путей вело на юг, в плодородные степные уезды: здесь шла дорога на Серпухов и Боровск, сближавшая столицу с заоцкими городами; другая дорога направлялась на Тулу и далее к югу, в Северскую землю и Польшу; наконец, третья южная дорога прошла на Коломну и Рязань по Москве реке и Оке. По словам англичан, из одного Ярославского края ежедневно по дороге в Москву проезжало по 700—800 возов с зерном, предназначенным для продажи. Мы имеем, наконец, ряд указаний на существование во второй половине XVI века обширных и чрезвычайно-оживленных ярмарок в Старом Холопье городке на Мологе, в Кирило-Белозерском монастыре, Балахне, знаем о конных ногайских ярмарках в Москве и Казани, о зарождающейся Макарьевской ярмарке, двухнедельной Петровской ярмарке в пригороде Пскова, Острове, куда с'езжались купцы из Москвы, Новгорода, Пскова, Литвы и Ливонии, и пр., и пр. Сказанного достаточно, чтобы внушить убеждение в многочисленности и разнообразии прямых свидетельств источников об оживлении торгового оборота в Московском Государстве второй половины XVI века. Таково первое доказательство зарождения денежного хозяйства в России в это время.

Второе доказательство—иного рода: оно заключается в наблюдениях за характером владельческого оброка с крестьян. Во второй половине XVI века легко заметить рост денежного оброка насчет натурального: тогда как до этого времени в Вотской пятине Великого Новгорода 6—9% всех крестьянских хозяйств платили оброк деньгами, в 1568 г. процент таких хозяйств повышается до 16-ти, а в 1581 году черная волость знала здесь только один денежный оброк; в Бежецкой пятине уже в 1545 году более 26% всех крестьян сидели на оброке деньгами, а в Обонежской в 1565 году таких крестьян было даже около 76%; наконец, во всех вотчинах Троицкого-Сергиева монастыря, расположенных в центральных уездах, в последнее десятилетие XVI века совсем уже не существовало натурального оброка, а все монастырские крестьяне, сидевшие на оброке, вносили последний деньгами. Совершенно понятно важное значение этих наблюдений: денежный оброк был бы немыслим, если бы не зародилось денежное хозяйство, так как без торгового оборота продуктов сельской промышленности крестьяне не были бы в состоянии приобрести необходимую для уплаты оброка денежную сумму.

На том же основании переход натуральных государственных повинностей в денежные налоги, ясно обозначившийся как раз с половины XVI века, следует считать третьим доказательством зарождения денежного народного хозяйства. Факт такой серьезной перемены в финансовой системе не подлежит сомнению, хорошо обоснован в новейшей литературе по истории русского государственного хозяйства и представляется

в главных чертах в следующем виде. В первой половине XVI века на земле лежали следущие государственные финансовые обязанности: 1) население платило казначеевы, дьячьи и под'яческие пошлины; это был уже тогда денежный налог, хотя и незначительный по размерам: 2) корм наместников и волостелей, обыкновенно поступавший натурой, в виде разного рода припасов; 3) дань; 4) ямские деньги, сделавшиеся, как и дань, денежной податью, но не исключавшие и особой натуральной ямской повинности; сверх того возникли еще: 5) полоняничные деньги, не превратившиеся пока в регулярную подать и собиравшиеся в различных размерах в отдельные годы, смотря по количеству выкупаемых из Крыма и Казани русских „полоняников" или пленных; 6) натуральные военные повинности—посошная и городовое дело, т.-е. починка и постройка укреплений. Во второй половине XVI века—с 1551 года—в податную систему внесены были важные изменения: во-первых, введены были новые военные денежные налоги—пищальные и ямчужные деньги, предназначенные на приобретение и выделку пищалей, или ружей и пушек, и ямчуги, т.-е. селитры и пороха; затем налоги за городовое и засечное дело, т.-е. за починку и постройку укреплений и „засек", или застав, образованных посредством вырубки леса и свалки его в кучи, мешавшие проходу и проезду и укрывавшие за собой сторожевые военные посты; во-вторых, полоняничные деньги превращены были в регулярную подать; наконец, в-третьих, старые натуральные повинности—посошное и городовое дело—стали также переводиться кое-где временами на деньги. Если к этому прибавить, что корм чем позднее, тем чаще переводился на деньги, что с введением земских учреждений царя Ивана Грозного он был заменен денежной суммой, вносимой в определенные сроки в государеву казну общиной, получившей земское самоуправление, что, наконец, к концу XVI века оклады прямых денежных податей возросли в $3^1/_2$ раза сравнительно с половиной столетия, то станет очевидным, каким важным свидетельством в пользу зарождения денежного хозяйства в Московской Руси является история государственного хозяйства и в частности прямого обложения.

Наконец, существует еще и четвертое, не менее, если не более, серьезное доказательство описываемой экономической перемены: именно—изменение ценности денег. Оживленное товарное обращение, проникающее в народные массы, всегда увеличивает количество денег в стране, а с увеличением количества денег ценность последних уменьшается. В этом отношении XVI век принадлежит к любопытнейшим эпохам русской истории. Изучение стоимости русского рубля того времени по хлебным ценам приводит к убеждению в быстром и неуклонном ее понижении: тогда как в конце XV века и в начале XVI рубль стоил на наши деньги приблизительно 94 рубля,—в 30-х и 40-х годах XVI столетия ценность его понизилась уже до 75 рублей на наши деньги, а во второй половине того же века даже только до 25 рублей [1]). Такое быстрое удешевление денег резко подчеркивает совершившийся в значительных кругах населения переход к денежному хозяйству.

[1]) О ценности денег в XVI в. см. «Сельск. хоз. Моск. Руси в XVI в.», стр. 202—210, 218. Один из критиков нашей книги указывал, что следовало сравнивать цены на хлеб XVI века не с хлебными ценами 1882 г., а со средними ценами за ряд годов. Мы произвели такое вычисление, и результаты его мало разнились с раньше полученными нами выводами.

Итак, предшествующее изложение ставит вне сомнения тот факт первостепенной важности, что вторая половина XVI века—время зарождения денежного хозяйства в России[1]). Но, выставляя это положение, мы должны сделать одну совершенно необходимую оговорку: зарождение денежного хозяйства в России очень существенно отличается от соответственного процесса в экономической жизни Западной Европы. Дело не в том одном, что в России описанная перемена совершилась гораздо позднее, чем в западно-европейских странах, которые уже отчасти в XII и во всяком случае в XIII веке знакомятся с зачатками денежного хозяйства; гораздо более замечательно, что самый экономический тип зарождающегося в XVI веке денежного хозяйства существенно отличался от типа западно-европейского денежного хозяйства XIII столетия. Превосходная схема экономического развития стран Западной Европы выведена из наблюдений над соответствующими фактами остроумным и проницательным немецким экономистом Карлом Бюхером в его известной книге „Происхождение народного хозяйства". Бюхер [2]) ставит, как известно, в промежуток между периодом домашнего, безобменного хозяйства и периодом хозяйства народного, денежного, рассчитанного на обширный, даже мировой рынок, еще третий период—городского хозяйства, имеющего в виду узкий местный рынок, с ограниченным кругом производителей и потребителей, ютящихся в городе и его окрестностях на 10—15 верст во все стороны. Каждый из таких изолированных, обособленных рынков, на которые раздробились с XIII века западно-европейские страны, представлял собою совершенно самостоятельное хозяйственное целое, стоявшее вне какой бы то ни было экономической связи с другими, подобными ему рынками. И России, конечно, не была чужда эта изолированность рынков, но она, подобно многим другим явлениям, достигшим полного развития на западе Европы и оставшимся лишь в зародыше у нас, не имела общего значения и не выразилась в столь резких формах, как на Западе. Равнинность страны, обилие рек и, главное, продолжительность снегового покрова создавали сравнительно удобные пути сообщения, которыми сглаживались местные различия и ослаблялась хозяйственная изолированность отдельных областей: зимой, по английским известиям [3]), товары могли быть доставлены на громадное расстояние от Архангельска до Москвы в каких-нибудь 14 дней. Таким образом, русское денежное хозяйство, зародившееся во второй половине XVI века, отличалось тою особенностью, что оно было не городским, а народным, или, по крайней мере, каждый рынок охватывал очень значительный район. Это доказывается многими наблюдениями. Так, во второй половине XVI века Соловецкий монастырь покупал хлеб, коноплю, лен, масло, кожи и другие товары в Новгороде, Бежецком Верху, Вологде и Устюге [4]). 14 июля 1582 г. Троицкому Сергиеву мо-

[1]) См. подробности со ссылками на источники и литературу в «Сельском хозяйстве Моск. Руси в XVI в.», стр. 271—290, 202—219, 220—242.

[2]) «Возникновение народного хозяйства», 4-е русск. издание.

[3]) Середонин, Известия англичан о России. «Чтение в Общ. Ист. и Древностей Росс.» за 1884 г., кн. IV, стр. 13.

[4]) Досифей, Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря, ч. 3-я, № VII; Ключевский, Хозяйственная деятельность Соловец. монастыря,—в «Моск. Унив. Изв.» за 1866—67 г., № 7, стр. 574; Моск. Арх. Мин. Юст., грам. кол. эк., Устюжский у., № 13170.

настырю в Тотемском уезде, на реке Сухоне, на устье Толщмы, в Пьянкове слободе было разрешено построить амбар, чтобы покупать здесь на монастырь хлеб и другие товары [1]). В 30—60-х годах XVI в. Троицкий Сергиев монастырь покупал рыбу у устья Шексны и привозил туда для продажи из Дмитрова рожь и соль [2]). По Герберштейну [3]) и Гваньини [4]), Пермь закупала хлеб на центральных рынках. В 1584 г. Свияжский Богородицкий монастырь закупал в Астрахани соль и рыбу и, продавая их в Нижнем, покупал здесь хлеб, масло, сукна, шубы и овчины [5]). С Соликамском и Чердынью с их уездами еще в начале XVI в. торговали новгородцы, тверичи, усольцы, устюжане, вычегжане [6]). По свидетельству Дженкинсона [7]), русские привозили в Астрахань кожи, бараньи шкуры, хлеб и свинину. Из Рязанского края хлеб в большом количестве шел в Москву [8]). Из Смоленска производилась с центральными областями торговля скотом, а Вязьма торговала с ними пенькой [9]), Ярославль поставлял в Москву громадное количество зернового хлеба, закупавшегося здесь, между прочим, жителями севера, жившими верст за 500 от Москвы [10]). В Пошехонском уезде в половине XVI в. жил священник, который имел обыкновение „от далных стран скот приводити и отводити ее от человек ко иным человеком“ [11]). Некоторые жители бежецкой вотчины Троицкого монастыря в XVII в. торговали с Новгородским уездом и ездили для торговли в Архангельск [12]).

Кроме этих прямых свидетельств о том, что отдельные рынки в России XVI — XVII веков захватывали обширные пространства в 200, 300, 500 верст в окружности, мы имеем возможность сослаться и на другие факты, подтверждающие положение, что Россия того времени становилась страной денежного хозяйства, рассчитанного на обширный сбыт. За это говорят данные о ценах на хлеб и о развитии деятельности скупщиков. В громадном большинстве случаев хлебные цены в одно и то же время в разных местностях колебались не очень сильно, что, несомненно, указывает на живую экономическую связь между этими местностями: так, в 50-х годах XVI века цены на рожь равнялись 40 копейкам за нынешнюю четверть и в Белозерском и в Суздальском уездах, в 60-х годах, стоимость четверти ржи колебалась в разных местах между 20 и 30 коп., в 70-х—между 20 и 25 коп., в 90-х—между 40 и 66 коп. Типической можно считать разницу между довольно отдаленными рынками в $1^1/_2$ раза [13]).

---

[1]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 315.
[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., грам кол. эк., Дмитровский у., № 3763; Акты Археогр. Эксп., том I, № 272.
[3]) Rerum Moscovitarum scriptores varii, стр. 62. [4]) Там же, стр. 167.
[5]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 322.
[6]) Дмитриев, Пермская Старина, вып. 1, стр. 41—42.
[7]) Середонин, Известия англичан о России,—в «Чтениях в Общ. Ист. и Древн. Росс.» за 1884 г., кн. IV, стр. 40.
[8]) Платонов, К истории городов и путей на южн. окр. Моск. гос.,—в «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1898 г., март, стр. 84. (Перепечатано в его Очерках по истории смуты).
[9]) Флетчер, О государстве русском, стр. 7.
[10]) Середонин, Известия англичан о России,—в «Чтениях» за 1884 г., кн. IV, стр. 5; «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1838 г., октябрь, стр. 57.
[11]) Румянц. музей, рукописи Ундольского, № 273, лл. 21 об.—22.
[12]) Готье, Замосковный край в XVII в., М. 1906, стр. 527—528, ср. еще стр. 537.
[13]) Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в., стр. 286.

Известны скупщики московские, новгородские, пошехонские, онежские, бежецкие [1]) и т. д. Еще в начале XVI века, по словам Герберштейна [2]), калужские деревянные изделия — мебель и посуда — развозились скупщиками по всему Московскому государству и вывозились за границу. В Вязьме в 1646 г. среди посадского населения встречаем, между прочим, „скупщика животины“ и людей, которые „торгуют о т е з ж а я мяхкою рухлядью“ и „всяким товаром“ [3]).

II.

В другом исследовании [4]) пишущий эти строки старался доказать и об'яснить еще одну важную особенность хозяйственного быта Московского государства,—особенность, заключавшуюся в весьма резко выраженном экономическом кризисе, постигшем в последние 30 или 35 лет XVI века две главных области страны — центр и новгородско-псковский край. Этот кризис заключался в понижении техники земледельческого производства, сопровождавшемся отливом массы населения на вновь колонизуемые окраины. Смутное время, как показывают наши источники, продлило, затянуло и усилило кризис. Достаточно раскрыть любую писцовую книгу 20-х годов XVII века, чтобы убедиться в этом. Напр., по писцовой книге Дмитровского уезда 1626—28 годов в поместных землях Повельского стана было всего 7 сел и деревень и 96 пустошей, при чем пашни было 201 четверть в каждом из трех полей, а перелогу 3030 четвертей [5]). Подобную же, иногда и еще более выразительную картину разорения представляли собою в то же время уезды Верейский [6]), Владимирский [7]), Рузский [8]), Калужский [9]) и другие [10]).

Кризис закончился, повидимому, не позднее сороковых годов XVII в. Чтобы убедиться в этом, стоит только заглянуть в любую из переписных книг 1646—48 годов. Для примера укажем на переписную книгу по Калуге и Калужскому уезду, предупредив читателя, что она типична для всей центральной России того времени. По этой книге [11]) мы видим на посаде довольно густое и многочисленное для тех времен население: здесь числилось всего 643 двора, с населением в 1822 человека. В уезде совершенно нет пустошей.

Причин этого, столь длительного кризиса, захватившего несколько десятилетий, надо искать в общих экономических условиях и их соотношении с формами землевладения. Переход от натурального хозяйства к денежному всегда труден, мучителен, болезнен, потому что приходится перестраивать все хозяйственные отношения на новую основу. В России он был тем болезненнее, что здесь скоро стал складываться обширный

---

[1]) Синодал. библиотека, № 91, л. 354; Рум. музей, рук. Ундольского, № 273, лл. 21 об.—22; № 276; л. 127; Г о т ь е. Замосковный край в XVII в., стр. 527—528.
[2]) Rerum moscovitarum scriptores varii, стр. 50.
[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 10814, лл. 20, 5 и 13 об.
[4]) Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в., стр. 60—83, 104—109.
[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 627, лл. 1—39.
[6]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 11833.
[7]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 12604, лл. 978—1892.
[8]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 425, лл. 1—770.
[9]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 161, лл. 3—114.
[10]) Г о т ь е, Замосковный край в XVII в., стр. 208—212, 236—244, 432—434.
[11]) Моск. Арх. Мин. Юст., пис. кн. 162.

рынок для сбыта продуктов, так что получился резкий экономический перелом. Юридические формы не поспели за общими хозяйственными изменениями, и потому попрежнему оставались господствующими старые формы землевладения—поместье и монастырская вотчина: в новгородских пятинах конца XVI в. от 75 до 94% территории находилось в поместном владении; в Казанском уезде поместья занимали 65% всей площади, в Коломенском—59%, в Вяземском—97%, в Московском, хотя под поместьями значилось 34% всей территории уезда, но 35% приходилось на монастырские вотчины, так что на долю всех других видов земельного владения оставалось гораздо менее трети всей площади [1]). Поместье было временным и условным, непрочным владением, приспособленным к условиям натурального хозяйства и переложной системы земледелия: вышахав одно имение, помещик бросал его и переходил на другое [2]). Монастырские вотчины были чрезвычайно обширны и разбросаны, а также часто раздавались во временное и условное владение, подобное поместному, и в результате оказались те же хозяйственные последствия этого, что и на поместной земле [3]). Кроме того, юридическая природа обеих господствовавших тогда форм землевладения отличалась одним общим существенным признаком: и поместье и монастырская вотчина—неотчуждаемы: первое—вследствие условности и временности владения, вторая—в силу канонического правила о вечности и нерушимости церковного имущества, о его неприкосновенности; правило это, как известно, принято было за основу имущественных прав церковных учреждений Стоглавом [4]). Неотчуждаемость поместья и монастырской земли стоит в прямом противоречии с зарождающимся денежным хозяйством, потому что денежное хозяйство, даже и в зачаточном состоянии, превращает землю в товар, обращающийся на рынке, требует некоторой, хотя бы очень ограниченной, свободы гражданского оборота земли: при новых рыночных условиях настоятельно необходима возможность обращения недвижимости в денежный капитал и наоборот—денежного капитала в недвижимость, а также необходим и переход земли из рук в руки. Таким образом, причины кризиса заключались в переходе от натурального хозяйства к денежному с обширным рынком и в несоответствии старых, унаследованных от прошлого форм землевладения новым условиям экономического развития страны.

К сороковым годам XVII в. переход к денежному хозяйству в его начальной стадии развития завершился. В то же время наблюдаются серьезные перемены в относительном значении и даже в юридической природе поместного и монастырского землевладения. 11 мая 1551 года состоялся соборный приговор, которым был запрещен под угрозой конфискации вклад земли в монастыри без доклада государю [5]); в 1572 году запрещение принимать вклады землей было выражено в еще более кате-

[1]) Сельское хозяйство Моск. Руси в XVI веке, глава VII.

[2]) Ср. Inama-Sternegg, Deutsche Wirtschaftsgeschichte, где на стр. 161 I тома (изд. 1879 г.) указано, что владельцы бенефициев в Меровингскую эпоху заботились о правильной хозяйственной эксплуатации имений; на стр. 23—2226 II тома (изд. 1891 г.) Инама-Штернег говорит об «Abschwächung der Intensität der nationalen Production» после прекращения династии Каролингов в Германии, особенно на рубеже XII и XIII веков.

[3]) Сельск. хоз. Моск. Руси в XVI в., гл. VII.

[4]) См. Стоглав в казанском издании. [5]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 227.

торической форме по отношению к богатым монастырям; что же касается небольших и бедных монастырей, то непременным условием приобретения ими земельных имуществ по прежнему оставался доклад государю [1]); в 1581 г. и бедные монастыри лишены были безусловного права принимать вклады землею [2]). Впрочем, на деле монастыри получали вкладные вотчины и после изложенных законодательных мер, но лишь до выкупа этих вотчин родственниками вкладчика или государем. Уложение 1649 г. окончательно запретило прием земельных вкладов монастырями [3]). Параллельно такому юридическому ограничению монастырского землевладения шло фактическое сокращение его размеров. Свидетельства писцовых книг конца XVI века и других документов XVII столетия убеждают в том, что неотчуждаемость монастырских земель, возведенная в принцип Стоглавом, часто обращалась в юридическую фикцию: под давлением начавшего свое развитие денежного хозяйства монастырские власти нередко прибегали к залогу вотчин, превращая недвижимость в столь необходимый при новых хозяйственных условиях денежный капитал. Залог в древней Руси был в большинстве случаев вещным договором, т.-е. сопровождался немедленной и обязательной при получении ссуды передачей закладываемого недвижимого имущества залогопринимателю. Таким образом, часть монастырской земли переходила в руки светских лиц, совершалась мобилизация церковной поземельной собственности, усложнявшаяся притом еще вмешательством правительственной власти, которая, признавая незаконным отчуждение церковной земли, не возвращала однако последнюю церкви, а конфисковала в пользу государства и раздавала в поместья, так что возврат заложенной монастырями земли в монастырскую собственность окончательно пресекался. Вот несколько примеров, иллюстрирующих описанный процесс: в начале 80-х годов XVI века в Бежецкой пятине Великого Новгорода была целая „волостка Соружа в Облутне", состоявшая из 30 деревень и включавшая в себе до 775 десятин пахотной земли во всех трех полях; эта волостка прежде принадлежала Спасскому Нередицкому монастырю, потом монастырские власти заложили ее некоему Михаилу Петрову, а в 1581 г. она, „по государеву наказу", была роздана по частям в поместья [4]). В то же время в Обонежской пятине князь Путятин получил поместье из земель, принадлежавших некогда Павлову монастырю и бывших затем в закладе за дьяком Меншиком Дурбеневым, а Козодавлеву досталась в поместное владение земля, отписанная на государя у Василия Хлопова, получившего ее в свою очередь в залог от Аркажа монастыря [5]).

Мало того, нередко в XVII веке монастыри прямо продавали свои земли служилым людям: так, Троицкий Сергиев монастырь в 1627 г. продал князю А. Ю. Сицкому пустошь Клобукову в Дмитровском уезде [6]); в 1624 году тот же монастырь продал под'ячему Овдокимову свою вотчину в Шацком уезде, село Гавриловское [7]) и т. д.

[1]) Акты Историч., т. I, № 154, XIX.
[2]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 308. [3]) Уложение, XVII, 42.
[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 962, лл. 765—769 об.
[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 965 лл. 12 и 76 об.
[6]) Моск. Арх. Мин. Юст., книга записная вотчинная Поместного Приказа 5969—1, л. 561. [7]) Там же, л. 121.

Гораздо менее податливым в смысле юридических изменений оказалось в изучаемое время поместье: до половины XVII века утвердился только окончательно обычай передавать поместья после смерти владельцев их сыновьям, и стала входить в практику мена поместных земель на вотчинные. Однако, и это было уже очень знаменательно, тем более, что вторая половина XVII века решительно сблизила поместья с служилой вотчиной путем допущения сдачи поместий, иногда и за деньги, и дозволения обращать поместья на удовлетворение имущественных исков [1]).

Повлияв на юридическую природу поместного землевладения, денежное хозяйство повело и к сокращению размеров поместной земли посредством обильного и входившего все более в обычай пожалования поместий в вотчину в награду за службу и заслуги. В царствование Михаила много поместной земли было роздано во владение на вотчинном праве, т.-е. в собственность, служилым людям в награду за участие в защите столицы государства в смутное время от нападения Тушинского вора— это так называемое „осадное сиденье при царе Василии"—и во время похода на Москву Владислава—„осадное сиденье королевичева приходу". В XVII веке ни один удачный поход не обходился без обращения части поместной земли его участников в их вотчину. Установилась и обычная норма такого пожалованья: обыкновенно в награду за службу с каждых 100 четвертей поместного оклада 20 четвертей обращались в вотчинное владение. Неудивительно поэтому, что в XVII веке размеры поместной земли сокращаются и абсолютно и относительно, и на ее счет увеличивается вотчинное землевладение служилых людей. Вот несколько характерных примеров. В Тульском уезде конца XVI века всего каких-нибудь 1500 десятин пахотной земли находилось в вотчинном владении, что составляло всего 2% распахиваемой площади уезда, тогда как поместья занимали около 76000 десятин во всех трех полях, или почти 92% [2]); по писцовой книге 1628 года, вотчины заключали в себе уже около 14000 десятин пахотной земли, т.-е. увеличились абсолютно в 9 раз; чрезвычайно быстро шел рост и относительных размеров вотчинного владения, так как оно составляло в то же время уже около 17% всей площади уезда; на долю поместий приходилось 64000 десятин или 77% уездной территории (остальная земля в XVI и XVII веках была занята монастырскими и церковными владениями) [3]). В Казанском уезде в 50-х годах XVI столетия совсем не было служилых вотчин [4]), а около ста лет спустя они являлись очень видным элементом в составе земельного владения [5]), В Рузском уезде в 1624—26 годах вотчинное землевладение уже очень немногим уступало по размерам поместному: тогда как на первое приходилось до 25 тысяч десятин во всех трех полях, второе занимало 26 тысяч десятин [6]).

---

[1]) Неволин, Полное собрание сочинений, т. IV, Спб. 1857, стр. 212 и след.

[2]) Сельское хозяйство Моск. Руси в XVI в., стр. 371.

[3]) Щепкина, Тульский уезд в XVII в., М., 1892, стр. 92 и 93.

[4]) Сельское хозяйство Моск. Руси в XVI в., стр. 373.

[5]) Перетяткович, Поволжье в XVII и начале XVIII в, Одесса, 1882, стр. 60, 140 и др.

[6]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 425, л. 763 об.

III.

Описанные хозяйственные перемены отразились на формах хозяйства и на распределении хозяйственных благ.

Когда с развитием денежного хозяйства образовался рынок для сбыта земледельческих продуктов, выгодно стало расширение барской, владельческой запашки. Уже в XVI веке нередки были случаи, когда барская запашка [1]) составляла 16, 35, 38, даже 56% распахиваемой площади. В монастырских землях конца века процент пашни, распахиваемой на монастырь, чаще всего равнялся 12, 15, 18, 20-ти и доходил даже иногда до 41-го [2]). В XVII столетии наблюдаются подобные же явления: в Повельском стану Дмитровского уезда у помещиков считалось собственной запашки, по писцовой книге 1626—28 г., 104 четверти в каждом из трех полей, а крестьянской пашни было 83 четверти [3]), так что на помещичью приходилось 55,6%, а на крестьянскую только 44,4%. Типичным в этом отношении является, напр., хозяйство помещика Марка Позднеева в Московском уезде в 1626 году: в поместье этом, состоявшем из деревни и пяти пустошей, был двор помещика и двор крестьянина Степана Овдокимова; „к нынешнему ко 134-му году сеяно на помещика ярового хлеба у деревни две чети ячменю, да две чети овса, гороху полдесятины, лену осмина с четвериком, ячменя десятина, да по конец ярового поля овса да ячменю десятина с четвертью десятины, да крестьянского хлеба Степанки Овдокимова в том же поле ржи да овса десятина, четь пшеницы, четь ячменю, четь ярицы полдесятины, ржи, полдесятины ржи ж да ярицы, да гороху же да лну полдесятины, да ярицы да гречихи десятина. Да у деревни у Шатуровой сеяно ржи к нынешнему к 134-му году десятин с десять да на отвершках полдесятины пшеницы, полдесятины лну в том же в озимом поле, да ко 135-му году въспахано на помещика паренины десятин з десят“ [4]). Или в 1634 году в том-же Московском уезде в вотчине Ивана Желябужского считалось 7 дес. барской пашни и 12¾ дес. крестьянской [5]).

Расширенная барская запашка требовала усиленного приложения рабочих рук. Вотчинники и помещики XVI и XVII веков употребляли все средства, чтобы найти эти рабочие руки в достаточном количестве.

Прежде всего они заставили работать на барской пашне своих холопов—полных и кабальных. В XVI в. такие холопы обыкновенно жили на дворе помещика и именовались „деловыми людьми“; но уже тогда некоторые из них получали еще отдельные участки для собственной запашки, селились своими дворами вне двора владельца или, как тогда говорили, „за двором“ его и потому назывались „задворными людьми“ [6]). В XVI в. холопы на пашне составляли 5,10, редко 15% всего земледельческого населения [7]). В XVII ст. количество деловых и особенно задворных людей, обрабатывавших владельческую пашню, несомненно,

---

[1]) Сельское хозяйство Моск. Руси в XVI в., стр. 129—130.
[2]) Там же, стр. 135—137.
[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 627, лл. 1—39.
[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., отказная книга № 9830, лл. 48—56 об.
[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., отказн. кн. № 9831, лл. 826—827.
[6]) Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Д., по Новгороду кн. № 8, лл. 118 об.—119.
[7]) Сельское хозяйство Моск. Руси в. XVI в. стр. 133, 139—143, 186—190.

возросло. Так, напр., в Дмитровском уезде 1626—28 г.г. в каждом почти имении значились холопы в количестве, редко уступавшем числу крестьян: напр., в поместье Сафонова было 4 холопа и 5 крестьян [1]), у князя Шаховского на его дворе жило 4 деловых человека, а крестьян было трое [2]), в вотчине Батюшкова было 2 деловых человека и 4 крестьянина [3]) и т. д. В Тульском уезде в 1628 г. считалось 387 холопов и 2366 крестьян [4]), а в 1646 г. первых было 475, вторых 7243 [5]). В Московском поместье Поздеева в 1626 г. было несколько деловых людей и всего один крестьянин [6]). В 1628 г. в поместье Коржебора в том-же Московском уезде крестьян совсем не было, а были только 2 двора людских, где жили приказчик и деловые люди [7]). Подобное-же можно наблюдать в Калужском [8]) и Рузском [9]) уездах двадцатых годов XVII в. и т. д.

Труда холопов, однако, было недостаточно для обработки всей барской пашни, и потому земледельцы стали облагать живших на их земле крестьян барщиной, которая иногда совмещалась и с денежным оброком. Это заметно было уже в XVI веке [10]) и продолжало развиваться в XVII, как показывают, напр., порядные грамоты [11]), а также и другие источники [12]), напр., отказные книги. Приведем несколько характерных примеров из этих последних, так как они не изданы. Так, крестьянин Степан Овдокимов в Московском поместье Поздеева, в 1626 г. „пашни пашет на помещика по полдесятине, сена косит шесть остромков...., а деньгами никаких доходов не давал“ [13]). В 1628 г. „по сказке княж Васильевых крестьян Урмаметева оброку де они помещику князю Василью Урмаметеву не плачивали никаково, только де пахали на него пашню десятины по две да важивали к Москве сено да дрова“ [14]).

Наконец, когда не хватало ни холопских, ни крестьянских рук, помещики и вотчинники прибегали к труду бобылей. Бобылями в XVI в., как известно, назывались, вообще, люди, не имевшие своей пашни, занимавшиеся ремеслами, мелкой торговлей и работой по найму [15]). В XVII в. особенно умножилось,—очевидно под влиянием экономического кризиса,—число этих бобылей, не имевших собственной запашки. Их поряжали к себе землевладельцы и заставляли обрабатывать на себя пашню. Таких бобылей, сидевших на барской пашне, было очень много, судя по писцовым книгам 20-х годов и по переписным 40-х. Так, в 1626 — 28 г.г. в Дмитровском поместье Ельчанинова считалось 17 крестьян и 11 бобылей [16]),

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 627, лл. 19—20 об.
[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 627 лл. 25—26 об.
[3]) Там-же, лл. 49 об.—51.
[4]) Щепкина, Тульский уезд в XVII в., стр. 92 и 93.
[5]) Там же, стр. 156—157.
[6]) Моск. Арх. Мин. Юст., отказ. кн. № 9830, лл. 49—51.
[7]) Там-же, л. 264 и об.
[8]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 161.
[9]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 425.
[10]) Сельское хозяйство Моск. Руси в XVI в., стр. 153—155, 180—187. 190—191 и др.
[11]) См., напр., у Дьяконова, Акты, относящиеся к ист. тягл. насл., вып. 1.
[12]) Ср. Готье, Замосковный край в XVII в., стр. 488—500.
[13]) Моск. Арх. Мин. Юст., отказ. кн. № 9830, л. 52 и об.
[14]) Там же, л. 284 об.
[15]) Дьяконов, Очерки из истории сельского населения в Моск. гос., очерк четвертый; наши Исторические и Социологические очерки, часть 2-я, стр. 280—283. [16]) Моск. Арх., Мин. Юст., писц. кн. 627, лл. 1—2.

в поместье Шокуровых было 11 крестьян и 9 бобылей [1]), у Толбузина 4 крестьянина и 4 бобыля [2]) и т. д., почти во всех имениях. В Тульском уезде 1628 г. было всего 1.223 бобыля на 2.366 крестьян [3]), а в 1646 году здесь считалось 1.149 бобылей при 7.243 человек крестьян [4]). Само собою разумеется, что бобыли были наемными людьми не в современном, нашем смысле слова: они работали за прокорм и за пользование усадьбой, огородом и т. д., платили даже оброк; получая для собственного хозяйства, как то иногда бывало, землю, бобыли постепенно сближались в хозяйственном отношении с крестьянами, чем подготовлялось в будущем и юридическое об'единение этих двух общественных групп.

Влияние перехода к денежному хозяйству и экономического кризиса на распределение хозяйственных благ хорошо известно: эти новые экономические явления сильно понизили уровень благосостояния народной массы и, оставляя в руках крестьян несравненно меньшее, чем прежде, количество реальных хозяйственных благ, усилили экономическое неравенство [5]).

IV.

Переход от натурального хозяйства к денежному и притом рассчитанному на обширный рынок, устранение экономического кризиса, приспособление форм землевладения к новым хозяйственным условиям, организация барщинного труда, обеспечение массе населения необходимого минимума средств существования — вот те трудные и важные задачи, которые стояли на очереди перед русским обществом и государством XVI и первой половины XVII века. В разрешении этих задач первая роль принадлежала тому классу, хозяйственное значение которого было особенно велико, — именно классу средних и мелких землевладельцев, а также классу городских торговцев-скупщиков. Крупное землевладение не могло в то время играть определяющую роль, потому что рынок был еще не настолько обширен, чтобы создать капиталистическое хозяйство, а народные массы были настолько принижены экономически и настолько малосознательны, что не могли являться активной общественной силой первого ранга. Понятно, что и социальные отношения сложились более всего в интересах среднего и мелкого дворянства и зажиточных посадских людей.

История социальных отношений в Московском государстве хорошо разработана в специальной литературе. Нам остается только резюмировать достигнутые результаты исследования, делая в то же время дополнительные замечания, касающиеся, главным образом, связи общественного строя с экономической жизнью.

Начнем с происхождения крепостного права на крестьян. Крестьяне еще в удельное время стали мало-по-малу ограничиваться в своей свободе перехода.

Господство земледелия над другими отраслями производства сыграло в этом отношении определяющую, главную роль. Самые условия поле-

---

[1]) Там же, лл. 5—6. [2]) Там же, л. 12.
[3]) Щепкина, Тульский уезд в XVII в., стр. 92 и 93.
[4]) Там же, стр. 156—157.
[5]) Сельское хозяйство Моск. Руси в XVI в., стр. 258—265.

вого хозяйства вызывали необходимость некоторых ограничений в праве перехода; для обеих договаривающихся сторон — и для землевладельца, и для земледельца — неудобно нарушение установленных порядной грамотой отношений в любое, произвольно выбираемое той или другой стороной время, потому что в таком случае все сложное, с таким трудом налаженное хозяйственное целое разрушалось без всякой выгоды для кого бы то ни было. Отсюда вытекала необходимость установления однообразного, постоянного срока перехода. Такой срок и устанавливался в порядных, при чем для разных местностей был различен. Однако, преобладающим для бассейна Оки и верхней Волги сроком перехода был так называемый Юрьев день осенний (24-го ноября), когда кончались все полевыя работы, и ликвидация хозяйства отдельного крестьянина была наиболее легка. Вот почему Судебник Ивана III и установил, что крестьяне могут выходить из-за землевладельцев, на земле которых они живут, только раз в год,—в Юрьев день осенний и за неделю до него. При выходе крестьянин производил „отказ", т. е. делал землевладельцу формальное устное заявление о своем уходе.

Но земледелие обусловливает потребность крестьянина в хозяйственных и жилых постройках, — в доме, дворе и надворных строениях. Отсюда вытекали два весьма важных последствия, сильно ограничивавших свободу крестьянского перехода. Если крестьянин садился на застроенный уже участок, т. е. получал готовые, господские постройки, он обязан был при уходе заплатить „пожилое" или „похоромное"—плату за пользование двором, установленную Судебником 1497 года в 1 рубль за 4 года в местах полевых и в полтину в местах лесных (не менее 94 и 47 рублей на наши деньги). Таково было одно последствие потребности в хозяйственных постройках. Другое имело место тогда, когда крестьянин садился на пустой участок и обязывался его застроить. В этом случае он получал от землевладельца льготу, т. е. облегчение в уплате оброков, в отбывании барщины и во взносе государевых податей. Льгота давалась на известный срок и, конечно, обязывала крестьянина не уходить в течение довольно продолжительного времени с арендованного участка. Часто для приведения хозяйства в исправное состояние, „на дворовое строение и для пашни", крестьянин получал также „подмогу" от землевладельца, т. е. определенную денежную сумму, которая, может быть, сначала и не подлежала возврату, погашалась фактом возведения должных построек, но, во всяком случае, до окончания этих строительных работ привязывала крестьянина к землевладельцу, ограничивала свободу его перехода.

Экономическая природа земледелия простирала еще дальше свое воздействие на свободу крестьянского перехода. Кроме обстройки участка крестьянин для ведения полевого хозяйства нуждался еще в других предметах, требовавших затраты капитала. Не имея последнего, он прибегал к займам у того же землевладельца. О заемном жите, т. е. хлебе, и „серебре", т. е. деньгах, на крестьянах очень часто читаем в духовных грамотах XV века. Ряд актов того же столетия говорит, кроме того, об „издельном серебре", „деньгах в селех и ростех" и „ростовом серебре". Исследователи справедливо проводят разграничительную черту между разными видами займа. Дело в том, что „заемное жито и серебро" сплошь и рядом было, выражаясь термином того времени, „ссудой",

т.-е. срочным беспроцентным займом, иногда даже „безкабальным", т.-е. не закрепленным „заемной кабалой", документом, по нашему векселем: по истечении срока, на который давалась ссуда, крестьянин возвращал только занятый капитал, не уплачивая процентов. Лишь при просрочке уплаты ссуда превращалась в процентный долг. Термины „ростовое серебро", „деньги в селех в ростех" указывают на другой вид займа,—на заем, сопровождающийся уплатой процентов. Особой разновидностью процентного займа является та, которая характеризуется выражением „изделное серебро". В толковании этого последнего термина не все исследователи сходятся: по мнению одних, это—неуплаченный своевременно крестьянином и потому подлежащий отработке оброк; по другому об'яснению, это—заем под будущую работу вместо процентов. Верно именно второе толкование, потому что в одном документе 1450 года сказано, что „на то серебро делают дело", да и другое название такого серебра—„деньги в пашне". И ссуда, и процентный долг, и изделное серебро, несомненно, привязывали крестьянина к его кредитору—землевладельцу, мешали первому уйти от последнего, потому что, по свидетельствам источников, крестьяне, отказываясь из-за землевладельцев, должны были „серебро заплатить". Мало того: неисправность в уплате долга могла привести крестьянина в более сильную зависимость от землевладельца. Судебник 1497 года предписывал выдавать неисправного должника кредитору „головою до искупа", т.-е. до отработки долга. И это, действительно, применялось на практике по отношению к неисправным должникам крестьянам, как показывает одно дошедшее до нас „судное дело" 1530 года.

Задолженность крестьян землевладельцам уже во второй половине XV века вызвала к жизни новую форму крестьянского перехода, — так называемый крестьянский „вывоз", состоявший в том, что какой-либо землевладелец, обладавший значительными денежными средствами, платил за крестьянина, по соглашению с последним, его долги тому лицу, на земле которого крестьянин сидел, и увозил крестьянина на свою землю, при чем, разумеется, перевезенный обязывался вернуть или отработать новому своему кредитору уплаченные им за него деньги: „занял есми у такого то лица столько то денег и те есми деньги платил старому своему государю, а за рост мне у него (т.-е. у нового кредитора) работать".

Стеснения крестьянского перехода в северо-восточной Руси в удельное время не ограничивались приведенными сейчас случаями. Эти случаи обнимают собою все главные, основные условия закрепления. Но к числу условий, содействовавших закрепощению крестьян, принадлежали еще „старина", приписка к тяглу и, наконец, специальные, частные ограничения и стеснения, исходившие от правительственной власти. Необходимо анализировать и такие вторичные, менее важные условия.

Старина, или старожильство, как основание стеснения крестьянского перехода, стала признаваться правительством только к концу удельного периода: в первой половине XV века еще позволялось перезывать в другие имения „тутошних старожильцев". Признаками старины признавались прежде всего давность жительства крестьянина за известным землевладельцем, а также рождение за кем-либо в крестьянстве и переход от одного владельца в собственность другого на основании какой-либо сделки,—данной, купчей, меновой, рядной записи (акта передачи в приданое), наконец по наследству. В XIII, XIV и XV веках мало-по-

малу устанавливается мысль, что крестьяне составляют необходимую принадлежность имения. Утверждению такой мысли содействовала, главным образом, задолженность крестьян; вследствие их задолженности имения отчуждались вместе с крестьянским серебром, т.-е. с долгами, лежавшими на крестьянах, а следовательно, и с самими должниками, „со крестьяны“, как прямо говорят акты отчуждения земель. Когда таким образом жизнь выработала понятие о крестьянах старожильцах, как необходимой принадлежности имения, землевладельцы на суде при исках о крестьянах стали указывать на незаконность вызова старинных крестьян, стали требовать их возвращения себе. И требования эти обыкновенно удовлетворялись. Так принцип давности, проистекавший из той же задолженности, влек крестьянина в крепостное состояние.

В духовных и договорных грамотах князей XIV и XV веков постоянно попадаются условия, касающиеся людей черных, данных, письменных, численных, или числяков, и тяглых. Все это—выражения синонимические. Князья обязываются в древнейших грамотах этих людей „блюсти сообща“, потом „промежи себя не приимать в свои уделы“ и „в службу не приимати“. Таким образом, письменные или данные люди, приписанные к тяглу, т.-е. платящие подати и отбывающие повинности, не лишаются прямо свободы перехода, но эта свобода стесняется посредством взаимнаго уговора князей не принимать их в свои уделы из чужих. Этого мало: обыкновенно и в пределах каждого отдельного княжества совершались частичные стеснения перехода тяглых людей: правда, весьма часто землевладельцам разрешалось перезывать на свои земли всех крестьян, и тяглых и нетяглых; но нередко встречались в этом отношении важные ограничения,—именно запрещалось перезывать к себе данных и письменных людей. В сущности, эти постановления касались тех же старожильцев, потому что записанными в тягло оказывались в подавляющем большинстве случаев именно они. Следовательно, основным источником прикрепления на основе приписки к тяглу в конце концов надо считать опять-таки задолженность крестьян землевладельцам, под влиянием которой, как мы видели, сложилась и идея старожильства.

Наконец, в виде совершенно исключительных льгот князья жаловали иногда землевладельцам право не выпускать крестьян из-за себя: по грамотам второй половины XV века такое право было, напр., дано великим князем Василием Темным Троицко-Сергиеву монастырю по отношению к его вотчинам в двух уездах—Бежецком и Углицком.

В предшествующем изложении перед нами последовательно и постепенно выступили на вид все отдельные новообразования, постепенно подготовлявшие закрепощение крестьян. Сводя в одно целое эти новообразования, отыскивая их генетическую основу, ту главную силу, которая их создала, мы видим, что этой силой является господствовавшая на северо-востоке удельной Руси отрасль промышленности—земледелие—при сохранении натурального хозяйства.

К этой силе в XVI и XVII веках присоединились еще новые, действовавшие в том же направлении и исходившие из той же области хозяйственных отношений.

Задолженность крестьян землевладельцам увеличилась в чрезвычайной степени, так как, кроме старой потребности в земледельческом капитале,

она питалась еще переходом к денежному хозяйству, особенно обострившим нужду в деньгах, которых вообще было мало, и повергавшим нередко крестьянина в крайне бедственное, критическое положение, потому что приходилось перестраивать всю хозяйственную жизнь на совершенно новые основания, а маломощному хозяину выполнить эту задачу совершенно невозможно без посторонней помощи. В том же направлении действовало и другое обстоятельство—необходимость платить денежные государственные налоги и денежные владельческие оброки.

Уже все это делало крестьянскую задолженность чрезмерной, непосильной, крайне обременительной. Но этого мало: она стала совершенно безнадежной, крестьянин сделался неоплатным должником вследствие того, чло произошел известный уже нам экономический кризис, повлекший за собой крайнее разорение крестьян, невыгодное для них распределение хозяйственных благ. Крестьянину нечем стало расплатиться и фактически он лишился возможности свободно уйти от землевладельца, у которого он жил.

Землевладелец между тем был весьма сильно заинтересован в том, чтобы превратить крестьянина в постоянного работника на своей барской пашне: ведь эта пашня расширялась параллельно развитию денежного хозяйства, росту спроса на продажный хлеб на рынке, и для ее обработки необходим был постоянный рабочий контингент. Отсюда обострилось у землевладельцев желание не только фактически, но и юридически прикрепить к себе крестьян.

Идея юридического прикрепления окончательно созрела и воплотилась в действительность благодаря влиянию кабального холопства. Материальное положение крестьянина и кабального холопа было тождественно: и тот другой были неоплатными должниками. Оставалось сблизить их юридически: так как кабальный холоп, вследствие безнадежной задолженности, терял свободу, то, очевидно, и крестьянин, такой же неоплатный должник, должен был сделаться крепостным.

И вот в договорах крестьян с землевладельцами (порядных грамотах), начиная со второй четверти XVII века, появляются условия о прикреплении. Эта практика гражданских договоров, спорадически устанавливавшая крепостное право на отдельных крестьян, была санкционирована и возведена в общую норму в Уложении 1649 года [1]).

Так как ясно, что безнадежная задолженность крестьян, и потребность в рабочих для обработки барской пашни, и кабальное холопство были созданы общими экономическими условиями XVI—XVII веков, то и необходимо признать теснейшую связь положения крестьянского сословия с этими экономическими условиями, характеризованными выше, именно с развитием денежного хозяйства, с ростом барской запашки, с экономическим кризисом, с неблагоприятным для крестьянства распределением хозяйственных благ.

Без сомнения, при этом сказались также и интересы землевладельческого класса—дворянства. Но нельзя забывать и того, что в одном отно-

---

[1]) Ср. Ключевский, Происхождение крепостного права в России—в «Русск. Мысли» за 1885 г., №№ 8 и 10; Дьяконов, Очерки из истории сельского населения в Моск. гос.; Лаппо-Данилевский, Розыскания по истории прикрепления владельческих крестьян в Моск. гос. XVI—XVII вв.; наше Сельское хозяйство Моск. Руси в XVI в.

шении крепостное право шло навстречу настоятельной потребности крестьянской массы,—потребности в материальной поддержке, которая спасла бы крестьянство от голодной смерти в годы неурожаев и вообще помогла бы ему пережить тяжелый переходный момент перестройки всего своего быта с натурально-хозяйственной основы на основу денежно-хозяйственную, по крайней мере отчасти. Ведь владелец крепостных крестьян был заинтересован в сохранении их жизни и минимума средств существования, потому что нуждался в рабочих и в доходах со своей земли. Потому он и оказывал своим крестьянам необходимую для них материальную поддержку.

Чтобы закончить об'яснение генезиса крепостных отношений, остается указать, что хозяйственными условиями об'ясняется и самая юридическая природа крестьянской крепости в России. Тогда как западно-европейский виллан XIII—XV веков был крепок земле, т.-е. ни он сам не мог уйти со своего участка, ни землевладелец не мог оторвать его от этого участка, перевести в другое место или продать, заложить и т. д. без земли,—наш русский крестьянин был прикреплен к личности землевладельца, т.-е. землевладелец мог переводить крестьян в дворовые, переселять их с одних земель на другие и продавать и закладывать без земли [1]). Это глубокое и важное различие об'яснимо лишь экономически. Европа XIII—XV веков переживала период денежного хозяйства, с небольшим, местным, узким рынком, так что каждая страна разбилась на экономически замкнутые небольшие области. Если бы можно было переводить из одной области в другую или продавать и закладывать крестьян, то возникла бы большая опасность для всей области: не хватило бы рабочих рук, и грозил бы голод и мор, так как экономического общения с другими областями почти не было. Отсюда и являлась необходимость прикрепления к земле. Напротив, у нас такое прикрепление к земле непременно дурно отразилось бы на экономических интересах страны: оно сделало бы население неподвижным, лишило бы возможности приспособляться к требованиям на рабочие руки в разных местах, а подвижность и возможность такого приспособления вызывалась тем, что денежное хозяйство в России XVI—XVII веков было рассчитано на обширный рынок.

V.

Не одно крестьянство, все другие группы русского общества XVI и первой половины XVII века испытывали на себе тяжесть отмеченных выше хозяйственных задач: всем надо было перейти хотя отчасти к денежному хозяйству с обширным рынком, приспособить к новым порядкам формы землевладения, развить барщинное хозяйство, избавиться от кризиса. Невозможно было выполнить все это, действуя врозь и обходясь без помощи государственного аппарата. Отсюда и произошли два важных последствия: во-первых, сословная организация общества, — каждое сословие должно было об'единять усилия отдельных своих членов в обеспечении их классовых интересов, во-вторых, устройство прочного государственного союза для содействия отдельным сословиям в их работе, при

[1]) Ключевский, Происхождение крепостного права в России—в «Рус. Мысли» за 1885 г., № 8, стр. 7—8.

чем все сословия должны были для упрочения государства, столь для них необходимого, исполнять по отношению к нему известные обязанности, весьма тяжелые, должны были сделаться крепостными государства, без чего последнее не могло бы выполнить лежавшую на нем задачу, продиктованную опять-таки классовыми интересами господствовавших общественных групп.

Так получились сословность и крепостничество—две отличительных черты социальных отношений в Московской Руси. Специальная литература хорошо выяснила эти черты [1]), и нам остается только воспользоваться ее приобретениями, чтобы иллюстрировать высказанное общее положение.

Дворянство было заинтересовано в том, чтобы иметь землю и владеть крепостными крестьянами. То и другое были необходимыми условиями его существования. То и другое и было приобретено и удержано им с помощью государства. Но чтобы эта помощь имелась на лицо, необходимо было организовать государство, создать для него материальную силу. Часть этой задачи—военную защиту государства—дворянство взяло на себя, и с этою целью были созданы уездные корпорации дворянства, выбиравшие окладчиков, которые, под председательством назначенного из Москвы разборщика, верстали дворян на службу, назначали им оклады, производили смотры, делили служилых людей на статьи сообразно достатку, назначали каждой статье определенное вооружение и т. д. Замечательно, что эта корпоративная организация служила интересам по преимуществу среднего и мелкого дворянства: для него было особенно важно, чтобы богатые бояре и окольничие не наваливали всей тяжести военной службы на дворянскую массу; окладчики и должны были предотвратить это.

Той же потребностью зажиточного посадского населения избавиться от крайней эксплуатации со стороны богатейшего купечества в смысле неравномерного распределения „тягла“, т.-е. податей и повинностей, об'ясняется институт выборных посадских старост и целовальников, обязанных раскладывать и собирать налоги и наблюдать за правильным исполнением повинностей. Неся тягло в пользу государства, посадские люди получали право и возможность, благодаря помощи со стороны последнего, развивать более или менее широкие торговые сношения, расширять свою коммерческую деятельность.

Все изложенное в настоящей главе может быть формулировано таким образом в следующих общих выводах:

1. В Московском государстве XVI и первой половины XVII века начало утверждаться денежное хозяйство с обширным рынком.

2. В то же время наблюдается резко выраженный экономический кризис в главных областях государства.

3. Для того, чтобы преодолеть этот кризис и успешно справиться с переходом от натурального хозяйства к денежному, русское общество XVI—XVII веков сомкнулось в крепостные сословия.

4. Крепостничество приняло особенно резкие формы по той главным образом причине, что русское денежное хозяйство того времени рассчитано было на крупный рынок, на обширный сбыт продуктов.

---

[1]) Чичерин, О народном представительстве; Градовский, История местного управления в России, и др.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Организация подчиненного управления в Московском государстве XVI и первой половины XVII века.

I.

Подчиненное управление—областное и центральное—уже в конце удельного периода стало подвергаться крупным изменениям, и эти изменения усилились в изучаемое нами время.

История местного управления в Московском государстве привлекала к себе большое внимание исследователей и принадлежит поэтому к числу наиболее разработанных вопросов в русской истории. Резюмируя результаты научной работы и делая к ним некоторые дополнительные замечания и поправки, мы характеризуем последовательную смену административных форм и укажем роды дел, подведомственных разным должностным лицам.

Необходимо при этом вернуться к удельному времени и остановиться на ведомстве важнейших органов областного управления—наместников (в уездах) и волостелей (в волостях).

Обратим прежде всего внимание на финансовую компетенцию наместников и волостелей. В нашей исторической литературе до недавнего времени большой популярностью пользовалось мнение, что наместники удельного периода пользовались в пределах территории, им подчиненной, всею полнотою княжеской власти [1]). Но несомненно, что такой полнотой власти наместники не обладали. Это прежде всего и, быть может, даже в наибольшей мере относится к финансовой компетенции наместников. Нам уже известно, что нормативно-финансовая деятельность—установление новых налогов и пошлин и дарование податных льгот—выходила уже из круга ведения областной администрации. Далее, еще в конце XI века, т.-е. в киевский период, существовали на Руси особые „данники“, собиравшие прямые налоги того времени; следовательно, уже исторические предшественники удельных наместников, посадники, были отстранены от одной из важнейших функций финансового управления; это же приходится повторить и о наместниках, так как и в удельный период мы постоянно встречаемся с особыми „данщиками“ [2]), тожественными, очевидно, с более древними данниками. Наконец, как будет сейчас указано, распределение населения по окладным единицам и раскладка податей производились также еще в начале удельного периода особыми специальными органами управления. Спрашивается: что же остается из всей обширной области государственного хозяйства на долю наместников? Древнейший ответ на этот вопрос дан в духовной грамоте московского великого князя Семена Гордого 1353 года в следующих выражениях: „а хто моих бояр иметь служити у моее княгини, а волости имуть ведати, дают княгине моей прибытка половину“ [3]). Итак, полу-

[1]) См., напр., Дмитриев, Сочинения, том I, М. 1899, стр. 10—14.
[2]) Акты Археогр. Экс., том I, №№ 196 и 204; Доп. к Актам Историч., т. I, № 33. [3]) Собр. Госуд. Грамот и Договоров, том I, № 24.

чение „прибытка“ и передача половины этого прибытка князю—вот в чем состояли финансовые функции наместника в XIV веке. Прибыток, как показывают позднейшие уставные грамоты, а также и только что изложенные соображения, слагался, во-первых, из корма наместника, получаемого им прямо от населения, во-вторых, из некоторых торговых пошлин, в-третьих, из пошлин судебных и, наконец, в-четвертых, из свадебных пошлин [1]). За недостатком данных, трудно судить, насколько до конца XV века были точно фиксированы размеры всех этих доходов; вероятнее всего, корм не был точно определен—не даром и позднее при вступлении наместника в должность давали „кто что принесет“, — но судебные, торговые и свадебные пошлины, надо думать, рано получили числовое определение, потому что следы этого можно наблюдать уже в киевский период, напр. в „Русской Правде“. Впрочем, взимание доходов по „списку“ вообще уже установилось в XV веке [2]). Известно также, что в XV и XVI веках кормы наместников собирались не ими непосредственно, а старостами, которые и передавали их по принадлежности. Так как старостам в более древнее время соответствовали сотские, несомненно, как скоро увидим, имевшие отношение к сбору налогов, то следует думать, что это ограничение наместничьей власти не было позднейшим фактом, а относилось и к началу удельного периода.

Таким образом, уже в начале удельного периода и тем более в его середине, до XV века, финансовая компетенция наместников не была всеобъемлюща, можно даже сказать, что пределы ее не были особенно широки.

Несомненно, обширнее была судебная власть наместников. Говоря вообще, можно признать эту власть в известной территории совершенно неограниченной: наместник судил в городе и станах, к нему тянувших, по всем делам без исключения, гражданским и уголовным, даже, вероятно, и по тем преступлениям, которые теперь называют государственными. До конца XV века незаметно ограничений судебной власти наместников в этом отношении. Так называемый „доклад“ князю, т.-е. перенесение дела по собственной воле наместника на княжеский суд, был вовсе не обязателен, и не был определен сколько-нибудь точно круг дел, подлежавших докладу: все зависело тут от усмотрения самого наместника. Конечно, одна из тяжущихся сторон могла принести по всякому делу жалобу князю на приговор наместника и даже начать всякое дело непосредственно перед князем, минуя наместника, потому что не был установлен порядок инстанций. Чтобы завершить характеристику судебной власти наместников, надо прибавить к сказанному, что в волостях, где управляли волостели, в дворцовых селах, где были свои дворцовые волостели и посельские, и в вотчинах привилегированных землевладельцев—духовных и светских—наместникам принадлежал суд обыкновенно только по самым важным, так называемым „губным“ делам (от слова „губить“), именно по делам о душегубстве (убийстве), разбое и татьбе с поличным (т.-е. краже, при которой вор пойман на месте преступления). Иногда здесь юрисдикция наместников была даже уже, касалась только дел о душегубстве. Сами волостели, посельские, землевладельцы и их приказчики были изъяты из подсудности наместников и

[1]) Акты Археогр. Экс., т. I, №№ 123, 134, 144, 181, 230; Акты Ист., т. I, №№ 105 и 135.

[2]) Акты, изд. г. Юшковым, №№ 73, 85, 135.

судились непосредственно у самого князя, или у кого он прикажет в каждом данном случае [1]).

Второстепенное значение имеют другие функции наместников. Сюда относятся, во-первых, некоторые дела, получившие впоследствии название „разрядных", и, во-вторых, немногочисленные и несложные полицейские обязанности. Что касается разрядных дел, то прежде всего надо указать здесь на снаряжение людей на военную службу, а затем на назначение наместниками тиунов, доводчиков, праветчиков, пошлинников и пятенщиков [2]). Все эти лица, значение которых будет скоро выяснено, были „людьми" наместника, т.-е. назначались им из числа его собственных холопов и действовали по его поручениям. Они служили не государству, а своему господину. Из полицейских обязанностей существовали только такие, которые возникали по специальному каждый раз распоряжению князя; таковы: починка строений на ямах, т.-е. почтовых станциях, отмерка земли к тем же ямам [3]), чистка дорог и починка и постройка мостов [4]), исполнение судебных решений князя и его ближайших помощников [5]). Ни одного из этих дел наместник не предпринимал по собственной инициативе. Это была самая слабая и наименее развитая, вполне рудиментарная отрасль его деятельности.

Волостель был совершенно подобен наместнику, только его власть распространялась на одну лишь волость, в которой при том, как было сказано выше, губные дела ведал не волостель, а наместник.

Ближайшими помощниками наместников и волостелей были их тиуны, вершившие по их поручению суд и получавшие с населения корм и известную долю в судебных пошлинах.

Судебно-полицейское значение имели доводчики и праветчики или пристава, иногда называвшиеся также подвойскими. Доводчики ставили к суду ответчиков или давали их на поруки, т.-е. обязывали явиться на суд и требовали поручительства нескольких лиц в этой явке. Праветчики, пристава или подвойские наблюдали за порядком во время судоговорения и исполняли судебные решения. Они получали поборы, соответствовавшие по значению кормам наместников, волостелей и тиунов, особые пошлины за исполнение своих специальных обязанностей— „хоженое", если поручение им давалось в городе, и „езд", если приходилось ехать в уезд, стан или волость и, наконец, долю в некоторых судебных пошлинах [6]).

Помощниками наместников и волостелей в финансовых делах были назначаемые ими из своих людей пошлинники и пятенщики; первые собирали все вообще пошлины, поступавшие в пользу областной администрации, вторые собирали специальную пошлину, взимавшуюся при продаже лошадей,—так называемое „пятно", получившее свое название от того, что продававшуюся лошадь „пятнали", т.-е. налагали на нее клеймо. Кто стремился обойти это правило и уклониться от уплаты пятна, тот подвергался особому штрафу, называвшемуся „пропятенье" и собиравшемуся также пятенщиком [7]).

[1]) Акты Арх. Эксп., т. 1, №№ 123, 134, 144, 187, 230; Акты Истор., т. I, №№ 105, 153.
[2]) Там же. [3]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 156. [4]) Там же.
[5]) Доп. к Актам Историч., т. I, № 51, II и III.
[6]) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 143, 150, 183, 324, Акты Ист., т. I, № 137.
[7]) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 123, 144.

Нам нечего прибавлять к сказанному о ведомстве и значении данщиков и мытников.

Чтобы заключить речь о характерных, типичных чертах областного управления в удельной северо-восточной Руси, остается сказать несколько слов об участии в этом управлении выборных от населения, — старост или сотских, десятских и добрых людей. Сотских, которые хронологически предшествовали старостам, некоторые исследователи склонны выводить из татарского влияния, которому приписывают также при этом и образование волостной тяглой организации—волости или сотни [1]). Едва ли, однако, можно согласиться с таким взглядом, потому что сотские и десятские существовали и в киевской Руси и в Новгороде совершенно независимо от татарского влияния и гораздо раньше татарского ига. Они были представителями верви, волости, мира, общины. Мы видели уже, что сотские или старосты и добрые люди раскладывали и собирали наместничьи, волостелинские и тиуновы кормы, а также поборы праветчиков и доводчиков; они же производили раскладку и сбор других податей. Они, несомненно, участвовали также в суде наместников и волостелей, были свидетелями всего, здесь происходящего, следили за правильностью процесса и интересами сторон, были носителями юридического обычая. Что так было с начала удельного периода—это видно из упоминания о них в одном судном деле XIV века. Наконец, сотские или старосты и десятские ведали некоторые полицейские дела: они вывозили крестьян в черные волости с соблюдением установленных условий [2]), оберегали население „от лихих людей, татей и разбойников“ и т. д.

Характер кормления, столь свойственный наместникам и волостелям, постепенно переставал соответствовать интересам общества и государства: общество, по мере усложнения житейских отношений, стало нуждаться в таких органах власти, которые ближе входили бы в интересы населения, а не обращали бы все свое внимание на собственные доходы; правительство, с ростом государственных потребностей, не могло удовлетвориться кормленщиками, которые „с в о е г о прибытка смотрели“, почти не заботясь о прибытке государственном. И вот с конца XV века власть и значение наместников и волостелей подвергаются постепенному ограничению, местами даже и вполне уничтожаются. Прежде всего правительство рядом уставных грамот точно определяет, подвергает утверждению размеры кормов и поборов, идущих с населения в пользу наместников и волостелей: так, наместник стал получать в виде корма на Рождество Христово с каждой сохи полоть мяса или 2 алтына, 10 хлебов или 10 денег, бочку овса или 10 денег, воз сена или 2 алтына, на Петров день—барана или 8 денег и 10 хлебов или 10 денег, на Пасху—полоть мяса и 10 хлебов [3]). Вслед за ограничением произвола кормленщиков в их поборах с населения правительство сделало второй шаг в деле лишения их прежней полноты власти: оно разделило всех наместников на два разряда,—одни остались при прежних обширных судебных полномочиях или, как говорили тогда, имели „суд с правдою“, „держали кормление с боярским судом“, другие были сильно ограничены в своих

[1]) М и л ю к о в, Спорные вопросы финансовой истории Московского госуд. стр. 20—21.

[2]) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 123, 134, 144, 181, 230; Акты Истор., т. I, №№ 105 и 153. [3]) Там же.

судебных функциях,—имели „суд без правды“, „держали кормление без боярского суда“. В нашей исторической литературе не достигнуто согласие в об'яснении этих выражений, обыкновенно, впрочем, суд с правдою не отожествляют с боярским судом и кормление без боярского суда не сближают с судом без правды, а боярский суд понимают в смысле суда по делам о холопстве [1]). Если бы даже и эти толкования были верны, все-таки не подлежало бы, значит, сомнению сокращение судебной компетенции некоторых наместников. Но, как показывает Судебник Ивана III, боярским судом назывался не только суд о холопстве, но суд по всем делам, производившийся боярами, находившимися в Москве, т. е. лицами, принадлежавшими к составу центральной администрации; это видно из сопоставления того места Судебника, где говорится: „а с великого князя суда и с детей великого князя суда имати на виноватом по тому же, как с боярского суда, с рубля по 2 алтына, кому князь великий велит“,—со словами: „а имати боярину и дьяку в суде от рублевого дела боярину на виноватом 2 алтына, а дияку 8 денег“ [2]). Бояре и дьяки в Москве судили по всевозможным делам. Следовательно, и наместники с боярским судом судили по всем делам. Если в Судебнике особо упоминается о подсудности только им, а не наместникам без боярского суда, дел о холопстве, то лишь потому, что по этому пункту существовало особое сомнение в практике. Наместники с боярским судом имели право не только производить следствие и вести судоговорение, но и постановлять приговор и выдавать „правые грамоты“, документы, обеспечивавшие права той стороны, которая оказалась на суде правой, и дававшие ей право требовать исполнения приговора: это и называлось „судом с правдой“ [3]). Напротив, наместники без боярского суда не судили ни по каким делам, производили лишь следствие, а дела разбирались и вершились до конца в Москве: это и называлось „судом без правды“. Так сильно к концу XV в. ограничена была судебная компетенция некоторых наместников и волостелей: отживавшие учреждения постепенно теряли свое значение.

Дело не ограничилось всем этим: в первой половине XVI века сделаны были две важных попытки дальнейшего стеснения власти всех наместников и даже частичного их уничтожения. Мы разумеем здесь появление городовых приказчиков и учреждение губных старост с целовальниками. В XVI веке в целом ряде городов все чаще и чаще по мере приближения к половине столетия встречаются вместо наместников городовые приказчики. Как показывает самое название, это были органы хозяйственного происхождения, совершенно подобные приказчикам и посельским, ведавшим всегда отдельные княжеские имения и села. Городовые приказчики представляли собою, следовательно, орган хозяйственного управления, перенесенный в более обширное, чем прежде, территориальное целое [4]). Оригинальной чертой их было то, что они выбирались детьми боярскими известного уезда из своей среды. Нас не должна, однако, смущать эта примесь выборного начала; она вовсе не превращала

---

[1]) Дмитриев, Сочинения, том I, стр. 18—19; Ключевский, Боярская дума древней Руси, изд. 2-е, стр. 120—123.

[2]) Акты Историч., т. I, № 105.

[3]) Акты г. Юшкова, №№ 56, 59, 60, 64, 72, 74, 87, 95, 99, 122, 123, 125, 147.

[4]) Чичерин, Областные учреждения России в XVII в., стр. 49, 51.

городового приказчика в орган местного самоуправления, потому что он зависел всецело не от избирателей, которые ни в чем его не могли контролировать, а от центрального правительства; выбирая городового приказчика, дети боярские известного уезда исполняли ту же наложенную на них правительством функцию, какую выполняли крестьяне, выбирая своих земских старост,—они просто ручались за благонадежность выбранного. В вознаграждение за свою службу городовые приказчики получали уже не корм, а поместья. Ведомство их, прежде всего, касалось финансов: они разверстывали повинности по сохам, правили подати; подобно наместникам, городовые приказчики ведали и суд [1]). Несостоятельность системы кормлений еще сильнее и резче выразилась при введении губных учреждений. Губные грамоты, т.-е. правительственные акты, учреждавшие губных старост с целовальниками в различных отдельных областях, становятся нам известными с 1539 года [2]) и констатируют факт умножения разбоев, убийств и краж, бессилия наместников, волостелей и специально посылаемых из Москвы „обыщиков“ справиться с ними и ходатайств со стороны населения о позволении поставить из своей среды особых выборных лиц для полицейского надзора и суда по важнейшим уголовным („губным“ от „губить“) делам. Органами губного управления были губные старосты, губные целовальники (=присяжные: они „целовали крест“, т. е. присягали), сотские, пятидесятские и десятские. Старосты выбирались непременно из дворян и детей боярских, остальные из всех классов общества, но выборы всех органов губного управления производились всем местным населением. Сотские (над каждыми 100 дворами), пятидесятские (над 50-ю) и десятские (над 10-ю) ведали исключительно полицейский надзор: осматривали и записывали всех приезжих, „обыскивали в правду“ о их состоянии и благонадежности и т. д. На обязанности старост и целовальников лежали следствие, суд и наказание разбойников, убийц и воров („татей“). Делопроизводством заведывал особый выборный секретарь—губной дьяк. Таким образом, самая важная отрасль судебной деятельности отошла из ведомства кормленщиков [3]).

Вторая половина XVI века принесла с собою новые изменения в областном управлении, опять-таки тесно связанные с хозяйственными условиями времени и с соотношением общественных сил.

В обществе, живущем при условиях натурального хозяйства, борьба за существование направлена главным образом к победе над природой и в меньшей степени касается отношений между людьми и общественными группами. Когда начинает выступать на первый план денежное хозяйство, дело существенным образом меняется: обостряются классовые противоречия, и вопрос об обладании материальными благами и о борьбе за эти блага становится основным, кардинальным. Соответственно этому увеличивается число преступлений против имущественных прав, и формируются новые, более сложные гражданско-правовые отношения. Отсюда является, особенно у правящих классов—землевладельцев и капиталистов, настоятельная потребность в развитии административно-судебных органов,

---

[1]) Дьяконов, Городовые приказчики.—в «Журнале Мин. Народ. Просв.» за 1900 г., № 1.

[2]) Акты Арх. Эксп., т. 1, № 187.

[3]) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 187, 192, 194, 224, 330; Доп. к Акт. Ист. т. I, № 31.

которые в достаточной мере ограждали бы их права, и особенно имущественные, от покушений со стороны неимущего, угнетенного меньшинства. Суд и полиция должны быть поставлены на страже интересов господствующих классов.

Усложнившиеся задачи управления требуют больших материальных, главным образом, уже денежных средств. Необходимо усиленное развитие государственного хозяйства, а следовательно, и организация финансовой администрации. Все это осложняется еще обостренной потребностью землевладельцев-дворян в денежных средствах, которые они пытаются также получить отчасти через посредство государства, как вознаграждение за отправляемую ими государственную службу.

Из этих условий последовательно и постепенно и вышли реформы местного управления в Московском государстве второй половины XVI века и первой половины XVII столетия.

Первая из этих реформ—так называемое земское самоуправление царя Ивана Грозного. Исследователи справедливо полагают, что первое проявление идеи земского самоуправления, заменяющего кормления, надо искать в земском соборе 1550 года [1]). Повидимому, тогда решено было испытать на практике, в жизни, применимость этой идеи, не придавая ей общего характера, не распространяя начала самоуправления на всю страну. До нас дошли две уставных земских грамоты, представляющие собою уцелевшие остатки тех частичных опытов, которые производило тогда правительство: это Плесская грамота 28 февраля 1551 г. [2]) и Важская грамота 21 марта 1552 г. [3]). В 1552 г. боярской думе было поручено рассмотреть вопрос о кормлениях, и 8 ноября 1552 г. „кормлениями государь пожаловал всю землю“, а в 1555 г. был издан окончательный указ об этом, который, впрочем, повидимому, не распространял реформы принудительно на все государство, а предоставлял отдельным местностям на выбор оставаться при старых порядках или переходить к самоуправлению. Это видно из того, что никогда земское самоуправление царя Ивана Грозного не имело повсеместного распространения в России.

Уставные земские грамоты не оставляют никакого сомнения в том, что земское самоуправление введено было под влиянием тех именно хозяйственных и социальных причин, о которых говорено выше; они отмечают, что новые учреждения вводятся, потому что [4]) посады и деревни „запустели“ от поборов наместников, волостелей и подчиненных им людей [5]), они „запустели“ также „от лихих людей, от татей, и от разбойников, и от костарей“ [6]), наместникам и волостелям „посадские и волостные люди под суд и на поруки не даются и кормов им не платят и их бьют“ [7]). Несомненно таким образом, что правительство вынуждено было оградить безопасность населения, избавить общины от излишних расходов по содержанию кормленщиков и сгладить ту вражду, которая естественно возникала при старых порядках между правителями и управляе-

---

[1]) Дьяконов, Дополнительные сведения о московских реформах половины XVI в., в «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1894 г. апрель, стр. 192.
[2]) Там же стр. 191. [3]) Акты Арх. Экс., т. I, № 234.
[4]) Никоновс. лет., под 7064 г.
[5]) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 234, 242, 243, т. III, № 126.
[6]) Там же. [7]) Там же.

мыми. Нельзя при этом не признать справедливым и то, что правительство имело в виду также свой собственный финансовый интерес: оно хотело добыть деньги для вознаграждения служилых людей за их службу.

Это последнее особенно заметно из того, что, не уничтожая других податей, сборов и пошлин, правительство обязывало самоуправляющуюся общину вносить в государственную казну особый оброк „за наместничьи и за тиунов корм, и за присуд, и за праветчиков, и за доводчиков побор, и за все наместничьи пошлины, и за всех пошлинных людей поборы", [1]) при чем этот оброк платился непременно деньгами и шел на жалованье служилым людям.

В ведомстве излюбленных голов или излюбленных старост или земских судей с целовальниками, выбиравшихся населением и утверждавшихся органами центрального управления, заметными становятся стороны, почти совершенно остававшиеся в тени у наместников, волостелей и городовых приказчиков: они ведают не только финансы и суд, но и полицию, наблюдают за безопасностью от лихих людей, производят следствия, призывают крестьян на поселение [2]). Характерно, что устанавливается довольно определенным образом и ответственность,—именно материальная ответственность за недоставку оброка казне и конфискация имущества за сокрытие лихих людей, несправедливости [3]) и пр.

Земские учреждения XVI в. не сохранились в XVII-м, как самостоятельные органы областного управления. Причины этого кроются в тех же хозяйственных и социальных условиях, о которых шла речь выше. Развитие денежного хозяйства требовало сильной и единой власти на местах и административной централизации. Ничего подобного не представляло собою управление государством в XVI веке. Чтобы убедиться в этом, достаточно напомнить о крайней пестроте, о чрезвычайном разнообразии областных учреждений: наряду с уцелевшими еще во многих местах наместниками и волостелями существовали излюбленные головы, кое где стали появляться воеводы и дьяки [4]), иногда управление областью ведали городовые приказчики, наконец, кое-где губные старосты выступали в роли высших областных правителей. С другой стороны, социальные отношения в Московском государстве складывались по принципу крепостничества, основывались на начале обязанности, прямо противоположном принципу права, составляющему основной признак всякого самоуправления. Крепостное общество было неспособно к самоуправлению, и земские учреждения Ивана Грозного потеряли свое прежнее значение.

Сильная власть на местах и административная централизация были проведены в жизнь через посредство назначавшихся царем высших правителей уездов—воевод, которые получили повсеместное распространение в первой половине XVII века. Власть воеводы охватывала все отрасли государственной деятельности—суд, полицию, финансы и военное дело [5]). Воевода действовал при помощи целого ряда подчиненных ему органов,

---

[1]) Акты Арх. Эксп. т. I, №№ 234, 242, 243 т. II, № 52, т. III, №№ 37, 126.
[2]) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 234, 250; т. II, № 52; т. III, № 37.
[3]) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 234, 242, 243, 250; т. III, № 126; Акты Историч., т. I, № 163.
[4]) См., напр., Акты Арх. Эксп. т. I, № 235; Акты Истор. т. I, № 146, Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 323, 327, 331, 334, 337 и др.
[5]) Чичерин. Областные учреждения России в XVII в., стр. 105—253.

к числу которых принадлежали между прочим и губные и земские старосты с целовальниками и, наконец, земские судейки — остаток излюбленных голов, — нередко встречавшиеся особенно на севере и северо-востоке удельной Русси и временами сохранившие здесь самостоятельность.

II.

Ликвидация старинных органов областного управления и усложнение государственных задач под влиянием экономических и социальных новообразований отразились и на организации центрального управления, в котором видную роль начинают играть приказы.

Первые определенные известия о приказах относятся к княжению Василия III,[1]) но приказы, несомненно, возникли еще в XV веке. Следы их существования заметны уже в Судебнике 1497 г. Здесь говорится о суде бояр и окольничих с дьяками, т.-е. о суде коллегиальном по составу. Что эти коллегиальные судебные присутствия были именно центральными учреждениями, приказами,—это видно из двух мест Судебника: во-первых, из того, где сказано: „а которого жалобника, а непригоже управити, и то сказати великому князю“,—сказати великому князю мог только боярин или окольничий, живший в Москве; во-вторых, то же видно из слов, что ведомого лихого человека надо „велети казнити смертною казнью тиуну великого князя московскому“ [2])—московский тиун мог получить приказание казнить преступника лишь от бояр, живших в Москве. Итак, приказы существовали еще в XV веке. Как же они возникли и какие из них существовали до половины XVI века?

До XV века отдельные поручения по делам центрального управления давались различным дворцовым слугам, ведавшим особые отрасли княжеского дворцового хозяйства, главным образом, дворецкому и казначею. По мере скопления в их руках массы поручений им оказалось трудно с ними справляться, и потому для помощи им даны были дьяки (секретари) и подьячие (писцы). Повторяемость известных поручений повела к образованию обычного круга дел, ведаемых дворецким и казначеем с находившимися при них дьяками и подьячими. Так образовались в своем составе и ведомстве два древнейших приказа—Дворцовый, названный потом приказом Большого дворца, и Казенный. Первое упоминание о Большом дворце в дошедших до нас документах относится к 1512 году [3]), а о Казне к 1537 г. [4]), но оба приказа упоминаются под этими годами, как уже давно сложившиеся учреждения. Большой дворец ведал в изучаемое время только те дворцовые села и волости, которые входили в состав старинной вотчины московских князей. Дворцовые земли вновь присоединенных уделов ведались особыми дворцовыми приказами для каждого из них: таковы приказы Тверского дворца, Дмитровского дворца [5]), Новгородского дворца [6]), во главе которых стояли особые дворецкие. Казенный приказ ведал всю денежную и не денежную казну, сбор налогов, даже, повидимому, раздачу земель в поместья [7]). Суд не

[1]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 155. [2]) Акты Историч., т. I, № 105.
[3]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 155. [4]) Там же, № 183.
[5]) Там же, № 201. [6]) Там же, № 327.
[7]) Там же, № 230; Акты Ист., т. I, № 147; Акты Арх. Эксп., т. I, № 251 Акты Истор., т. I, № 134, III, VII, IV, № 147; Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 234, 242.

был сосредоточен в одном приказе, а входил в функции всех их, отчего происходила, конечно, большая путаница в подсудности, так что полной определенности ведомства приказов не существовало.

Но мало-по-малу скоплялось все большее число новых государственных дел, требовавших решения. Необходимо было поручить разработку этих дел и собирание потребных сведений и справок особым административным органам. Так как ближе всего к этим делам стояли дьяки, присутствовавшие в боярской думе, то под их начальством и образовались некоторые новые приказы. Трудно сказать, какие именно приказы этого рода сложились до половины XVI века; мы имеем совершенно определенные сведения только об одном из них—Разряде, первое известие о котором относится к 1535 году [1]). Разряд или Разрядный приказ ведал военное дело, всех служилых людей и был, кроме того, канцелярией боярской думы и государя.

Наконец, преобразования в областном управлении — именно учреждение губных старост — повели к появлению первого судебного приказа—Разбойного; уже в 1539 году упоминаются „бояре", которым разбойные дела приказаны" [2]). Разбойный приказ ведал контроль органов губного управления, проверял присылаемые из губных учреждений протоколы следствия и суда, а также списки, точно обозначавшие доходы губных старост. Сюда шел доклад по делам, которые не могли решить губные старосты с целовальниками. Наконец, некоторые дела поступали из губных учреждений в Разбойный приказ на ревизию, т.-е. губные старосты с целовальниками производили только следствие, записывали в протокол показания сторон и свидетелей, а приговор постановлялся уже самим приказом [3]).

С половины XVI до половины XVII века наблюдается развитие появившихся раньше приказов и появление новых. Так сильно развивается дворцовое управление. В приказе Большого дворца сливаются все старые дворцы, заведывавшие дворцовым хозяйством бывших удельных княжеств. В то же время Большой дворец развивает подведомственные ему учреждения: во второй половине XVI века впервые упоминаются дворы: сытный, кормовой и хлебный [4]), которые сохраняются и в XVII столетии. Еще в 1540 г. встречаем впервые Конюшенный приказ [5]), продолжавший существовать и позднее. В начале XVII в. в первый раз упоминаются приказы: Ловчий, Сокольничий и Золотого и серебряного дела [6]), которые, впрочем, могли возникнуть и раньше. Так как вторая половина XVII в. прибавила немного нового в организацию центральных дворцовых учреждений—появились лишь Царская и Царицына мастерские палаты и Панихидный приказ [7]),—то в общем можно признать систему дворцовых приказов законченной уже в изучаемое нами время.

---

[1]) Древняя Русс. Вивлиофика, т. 20-й. [2]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 187.
[3]) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 187, 192, 194, 224, 330; Доп к Арх. Ист., т. I, № 31. [4]) Акты Историч., т. I, № 171.
[5]) Лаппо-Данилевский, Организация прямого обложения в Московском государстве, стр. 444, прим. 3.
[6]) Акты Историч., т. II, № 355.
[7]) См. Древняя Росс. Вивлиофика, т. 20-й; впрочем, повидимому, мастерские палаты существовали уже в первой половине XVII в.: см. Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Оруж. палаты, №№ 33, 37 и 41. Панихидному приказу предшествовал в первой половине XVII в. подьячий, сидевший «у панихидного дела»: там же, № 58.

К 1555—56 г. относятся первые следы существования Поместного приказа, ведавшего служилое землевладение. Понятна потребность, вызвавшая к жизни это учреждение: дело было не только в том, чтобы обеспечить служилых людей землей в интересах государственной службы, но и в том, чтобы удовлетворить различным нуждам и разрешить разные вопросы, касающиеся форм землевладения и связанной с ними мобилизации земельной собственности, постепенно увеличивавшейся по мере развития денежного хозяйства; более прочные хозяйственные и юридические отношения человека к земле также требовали точного определения, и это содействовало тоже появлению и организации Поместного приказа.

Одновременно с этим усложнились дела внешней политики, и около того же 1566 года появляется, повидимому, Посольский приказ, предназначенный для заведывания иностранными делами.

Новые хозяйственные условия подчеркивали необходимость введения и развития денежных государственных налогов, чему содействовало также расширение сферы деятельности государства, сопровождавшееся ростом государственных потребностей и сопряженных с ними расходов. Немаловажную роль сыграла в данном отношении и попытка замены кормлений земским самоуправлением, с чем соединено было поступление особого денежного оброка за наместнич доход. По всем этим причинам во второй половине XVI в. и в начале XVII-го наблюдается широкое разветвление центральных финансовых учреждений. В прибавок к старой Казне или Казенному приказу, превратившемуся затем в Казенный двор [1]), вновь появляется приказ Большого прихода (в 50-х годах XVI века) [2]), четверти или чети и финансовые приказы,—соответствовавшие им по своему значению (сюда относятся: Новгородская четверть [3]), Галицкая [4]), Костромская и Устюжская четверти [5]), Казанский дворец [6]) с выделившимся из него впоследствии Сибирским приказом, Новая четверть [7]), и, наконец, существовавшая в начале XVII в. и потом, повидимому, исчезнувшая Владимирская четверть [8]); далее появляется приказ Большой Казны [9]); Доимочный приказ [10]), приказ сбору пятинных и запросных денег [11]) и, наконец, Купецкая палата или Казенная соболиная палата [12]).

Подробности происхождения некоторых из этих финансовых приказов, доказывающие справедливость сделанного выше общего замечания о хозяйственных, социальных и государственных силах, вызвавших к жизни новые органы центрального управления, не возбуждают сомнения: совершенно понятно, например, что большое количество недоимок по сборам

---

[1]) Акты Ист., т. II, № 355; Котошихин, стр. 59—61.

[2]) Дьяконов, Дополнительные сведения о московских реформах половины XVI в., «Жур. Мин. Нар. Просв.» за 1894 г., № 4, стр. 196—197.

[3]) Милюков, Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в., изд. 2-е, стр. 22—23.

[4]) Акты Арх. Эксп., т. II, № 39. [5]) Акты Историч., т. II, № 355.

[6]) Милюков. Государств. хозяйство, стр. 22.

[7]) Лаппо-Данилевский, Организация прямого обложения в Моск. госуд., стр. 476.

[8]) Акты Историч., т. II, № 355.

[9]) Древняя Росс. Вивлиофика, том 20-й.

[10]) Лаппо-Данилевский, Организация прямого обложения, стр. 490.

[11]) Там же, стр. 481.

[12]) Попов, Вопрос о приказе купецких дел, — в «Журнале Мин. Нар. Просв.» за 1889 г., февраль, стр. 248.

податей повело к учреждению Доимочного приказа [1]), что потребность в специальном обложении для военных нужд создала Приказ сбору пятинных и запросных денег [2]), что Купецкая или Казенная соболиная палата были вызваны к жизни необходимостью правильно организовать прием, оценку, хранение, покупку, продажу и раздачу мягкой рухляди, т.-е. мехов [3]).

Можно думать, что приказ Большой казны выделился из Казенного двора: в известном документе о московском управлении, составленном в 1610—13 г., упоминается об отсылке в Большую казну соболей и лисиц из Казанского дворца, а приказа Большой казны нет, есть только Казенный двор [4]).

Спорным является вопрос о происхождении самых важных финансовых приказов—Большого прихода и четвертей. Старое об'яснение, сводящееся к тому, что четверти были не чем иным, как остатком старых удельных дворцовых приказов, территориальными приказами, унаследованными от удельного времени [5]), в настоящее время безусловно и вполне справедливо отвергнуто. Неосновательным надо признать также мнение, что четверти образовались под влиянием опричнины [6]): против этого говорит как тот факт, что в 1576 г. Щелкалов, дьяк из земщины, управлявший Разрядом, ведал также и чети [7]), так и в особенности то обстоятельство, что и Большой приход и четверти возникли задолго до опричнины [8]). В сущности единственным основанием для мнения о связи четей и Большого прихода с опричниной является существование в конце XVI в. приказов, имевших названия: Дворовый большой приход и Дворцовый четвертной приказ [9]). Однако, и этот факт не говорит в пользу разбираемого взгляда: дело в том, что с учреждением опричнины и ее развитием появились на ряду с приказами в земщине соответствующие им приказы в опричнине, при чем, вопреки существующему мнению [10]), последние составляли не простые отделения последних, а были самостоятельны и находились не в Москве, а в Александровой слободе [11]). Такими опричными приказами и являлись, очевидно, Дворовый большой приход и Дворцовый четвертной приказ, что не мешало одновременному существованию в земщине особых Большого прихода и четвертей, возникших раньше соответствующих приказов в опричнине.

По другой теории, приказ Большого прихода и четверти выделились из ведомства приказа Большого дворца вследствие того, что от дворцовых доходов отделились государственные, которые перешли к Большому приходу, а из государственных доходов, в свою очередь, выделились доходы местные, которые и стали ведаться четвертями. При этом четверти

---

[1]) Лаппо-Данилевский, Организация прямого обложения, стр. 490.
[2]) Там же, стр. 481.
[3]) Попов, Вопрос о приказе купецких дел,—в «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1889 г., февр., стр. 248—249. [4]) Акты Ист., т. II, № 355.
[5]) Градовский, История местного управления в России.
[6]) Середанин, Сочинение Джильса Флетчера.
[7]) Платонов, Как возникли чети, — в «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1892 год, № 5, стр. 168.
[8]) Дьяконов, Дополнительные сведения о моск. реформах, в «Журн. Мин. Нар. Просв. «за 1894 г., апрель, стр. 196—197.
[9]) Акты Арх. Эксп., т, I, №№ 318 и 312.
[10]) Платонов, Очерки по истории смуты, стр. 154—155.
[11]) Так, напр., в одной жалованной грамоте Кириллову Белозерск. монастырю встречается ссылка на царскую грамоту, «что прислана от нас из Александровские слободы»: Моск. Арх. Мин. Юст., грам. кол. эк., Белозерск. у., № 835.

первоначально зависели от Большого прихода, что доказывается следующими соображениями: 1) в 1597 г. Новгородская четь и четь Ивана Вахромеева получают деньги на расход из Большого прихода, 2) начальник Казанского дворца, дьяк Петелин, сам, собственною властью не налагает прибавки податей на имение В. Щелкалова, и просит сделать это дьяка Большого прихода, 3) чети долго остаются под начальством простых дьяков и лишь потом получают начальников из думных людей, 4) в древнейшей из записных книг Разряда денежные ассигновки, впоследствии дававшиеся на чети, идут в Большой приход [1]).

По поводу первого и четвертого из этих соображений надо заметить, что расходование сумм из разных приказов даже во второй половине XVII в. производилось „куда доведетца", „куда царь укажет" и т. д. [2]), так что в XVI в. не может быть и речи о сколько-нибудь установившихся в этом отношении порядках. Второе соображение также не доказывает зависимости четвертей от Большого прихода, а свидетельствует лишь о том, что дела о прибавке податей ведались не четвертями, а Большим приходом. По поводу третьего соображения надо заметить, что и самостоятельные приказы нередко управлялись в Московском государстве простыми, недумными дьяками: так, в 40-х годах XVII века Поместным приказом управлял простой дьяк Федор Елизаров [3]), лишь позднее дослужившийся до думного дьячества и потом до думного дворянства [4]). Справедливо указано также, что уже в 60-х и 70-х годах различались платежи в четвертной приказ и в Большой приход, так что различались и самые учреждения [5]). Нельзя не согласиться и с замечанием, что идея о разделении кассы поступлений общегосударственных и местных была не по плечу московскому правительству XVI в. [6]). Наконец, в сущности не приведено ни одного доказательства выделения Большого прихода из Большого дворца. Таким образом, и разбираемая теория не выдерживает критики.

Гораздо правильнее сближение перемен в центральном финансовом управлении с известными уже нам реформами в областных учреждениях второй половины XVI в.,—именно с попытками земского самоуправления, приведшими к введению „кормленного окупа", особого денежного оброка за наместнич доход [7]), поступавшего на жалованье „четвертчикам", служилым людям высших чинов, получавшим ежегодное жалованье „из чети" и отличавшимся от низших чинов, получивших жалованье „с городом" не каждый год [8]). По этой теории, сначала существовал единый четвертной приказ, разделившийся в последней четверти XVI в. на несколько четвертей [9]), первоначально по именам дьяков, ими заведывавших, и потом по управляемым областям. Заметим, что такое разделение естественно

---

[1]) Милюков, Государств. хозяйство России, стр. 21—22.
[2]) Котошихин, стр. 80, 89, 92.
[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., книга записная вотчинная 5996/28.
[4]) Там же, кн. 5997/29, дело № 59; кн. 6000/32, дело № 2.
[5]) Платонов. Как возникли чети — в «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1892 год, № 5, стр. 165—166. [6]) Там же, стр. 160.
[7]) Там же и Дьяконов, Дополнит. сведения о моск. реформах, — в «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1894 г., апр., стр. 194—195,
[8]) Сторожев, К вопросу о четвертчиках,—в «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1892 г., январь, стр. 204—206.
[9]) Дьяконов, Дополнит. сведения о моск. реформах,—в «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1894 г., апрель, стр. 194—196.

диктовалось как особенностями отдельных частей государства, так и отчасти потребностью в ассигновании разных доходов на отдельные нужды путем приписки той или другой четверти к разным приказам или путем специальных назначений из доходов данной четверти на отдельные нужды; при отсутствии единства кассы деление на ряд приказов придавало финансовому управлению большую эластичность.

Однако и сторонники приведенного об'яснения не согласны между собою в вопросе о том, из какого приказа выделились четверти и какому приказу они были первоначально подчинены. Одни думают, что таким приказом был Разряд [1]), другие считают чети выделившимися из ведомства казначеев [2]). Подчиненность Четвертного приказа Разряду доказывается следующим образом: 1) в известном местническом деле Федора Зюзина с Федором Нагим разрядный дьяк А. Щелкалов, обязанный справиться у себя в приказе о жалованной грамоте на Галич и послать ее за своей приписью, поручил сделать эту справку четвертным дьякам во всех четвертях; 2) в 1514 г. грамота, дающая право кирилловским властям самим платить деньги в четверть на Москве, подписана Андреем Клобуковым, который был тогда разрядным дьяком; в 1577 г. разрядным дьяком был В. Щелкалов и явилась его четверть; 4) в 1578 г. упоминается четь Андрея Арцыбашева и Алексея Исакова, между тем как Арцыбашев был в это время разрядным дьяком; 5) естественно, что Разряд стал ведать сборы, заменившие кормление: ведь он же ведал служилых людей службой и кормлением [3]).

Оставляя совершенно в стороне последнее общее соображение, которое само по себе, взятое отдельно с других наблюдений, ничего не дает в пользу отстаиваемого взгляда, надо признать столь же мало основательными и все другие: поручение другим приказам сделать необходимую справку легко могло быть следствием того, что не нашлось материалов по данному вопросу в Разряде; грамота Кириллову монастырю была, вероятно, результатом решения боярской думы или самого государя, потому что, как увидим в свое время, всякого рода финансовые льготы исходили обыкновенно от верховных учреждений; не доказывают подчинения четей Разряду и третье и четвертое соображение: совершенно обычным, заурядным явлением было управление одного лица двумя и даже иногда более приказами.

Остается таким образом признать, что четверти выделились из ведомства казначеев, как вероятно, отсюда же выделился и приказ Большого прихода. Это подтверждается документально: по указу 1555 г. оброк за наместнич корм было предписано „сбирать к царским казнам", а „царския казны" ведались казначеями; по первым уставным земским грамотам, дьяки, получающие оброки за наместнич корм,— напр., Угрим Львов и Истома Новгородов, оказываются подчиненными казначеям; по уставной Двинской грамоте 1556 г. дьяк Путило Нечаев

---

[1]) Платонов, Как возникли чети,—в «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1892 г., № 5, стр. 168 и след.

[2]) Дьяконов, Дополнит. свед., в «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1894: апрель, стр. 195.

[3]) Платонов, Как возникли чети,—в «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1892 г., № 5, стр. 168—171.

ведает Двинскую землю уже один и без подчинения казначеям докладывает о всех делах государю [1]).

Сделанный сейчас разбор вопроса о происхождении финансовых приказов ставит, таким образом, вне сомнения правильность об'яснения организации центральных учреждений на основе хозяйственных и социальных явлений и перемен в областной администрации. Развитие государственных учреждений органически связывается с глубокими и важными процессами народной жизни. Незачем при этом предполагать сразу какой-либо особый переворот в умах, новую точку зрения на государство и его назначение: нет оснований думать, что установилось вполне ясно сознание о разнице между дворцовыми и государственными доходами: просто более поздние по своему происхождению налоги повели к созданию особого учреждения, их ведавшего,—Большого прихода, а новый доход за наместнич. оброк в связи с производством расходов на жалованье четвертчикам вызвал к жизни сначала один Четвертной приказ, а потом отдельные четверти, появившиеся под влиянием местных бытовых особенностей. Дело было вовсе не в работе теоретической мысли, а в стихийном воздействии новых общественных явлений, к которым правительство приспособлялось, как умело, создавая для каждой новой финансовой потребности особое учреждение.

Денежное хозяйство порождает более сложные и более тонкие и многообразные отношения в области гражданского и уголовного права; учащаются гражданские правонарушения и уголовные преступления. Таков же результат усложнившихся социальных отношений. И потому не удивительно, что в конце XVI в. становятся заметными специально-судебные приказы—Владимирский судный и Московский судный. Сюда же надо отнести с некоторыми оговорками еще два приказа—Холопий, который известен со второй половины XVI века, и Челобитный, упоминаемый под именем Челобитной избы в 1575—84 годах [2]). Холопий, как известно, лишь отчасти судил и наказывал холопов, главным же образом ведал регистрацию их и сделок с ними [3]). Челобитный, помимо исполнения некоторых специальных и, может быть, временных поручений [4]), являлся некоторым подобием канцелярии по приему прошений, подававшихся лично царю.

Гораздо позднее и гораздо в меньшей степени привлекает внимание правительства забота о благоустройстве и благосостоянии населения, и потому соответствующие приказы появляются позже приказов дворцовых, финансовых и судебных и развивают меньшую деятельность. Сюда относится Ямской приказ, в 70-х годах XVI в. выделившийся в самостоятельное учреждение из ведомства казначеев [5]) и заведывавший казенной почтой, т.-е. служивший непосредственно интересам одного только правительства, а вовсе не населения, что служит наглядным доказательством слабого значения рассматриваемой отрасли государственной деятельности. С чисто полицейскими функциями по отношению к Москве выступает не ранее конца XVI века Земский двор. Заботе о благосостоянии насе-

[1]) Дьяконов, Дополн сведения о моск. реформах,—в «Журн. Мин. Нар. Пр.» за 1894 г., апр., стр. 194, 195, 197, 198.

[2]) Акты Арх. эксп., т. I, № 289. [3]) Там же и Котошихин.

[4]) Оглоблин, К истории Челобитного приказа,—в «Журн. Мин. Нар. Пр.» за 1892 г. июнь.

[5]) Гурлянд, Ямская гоньба в Моск. государстве, стр. 297—298.

ления в собственном смысле слова посвящали свою, впрочем, весьма скромную деятельность, приказы Книжного и печатного дела [1]), Каменный [2]) и Аптекарский [3]).

Необходимость пополнить армию войском специальных родов оружия повела к учреждению новых военных приказов—Пушечного или Пушкарского [4]), Стрелецкого [5]), Иноземского [6]) и Казачьего [7]). К числу военных приказов первой половины XVII века относятся также приказы Сбора ратных и даточных людей [8]) и Панский [9]). Относительно последнего надо, впрочем, заметить, что он тождествен с Иноземским приказом, как показывает изучение его ведомства [10]).

Остается, наконец, отметить, что с начала XVII века наблюдаются зародыши учреждения, контролирующего администрацию, стоящего на страже законности. Таким учреждением впоследствии до известной степени был учрежденный при царе Алексее приказ тайных дел. Его предшественниками в изучаемое нами время являются прежде всего подьячие государственных тайных дел, бывшие уже в 1614 г. [11]), что, кстати сказать, опровергает неосновательное мнение, будто в происхождении данного учреждения определяющую роль играла личность Филарета [12]): Филарет был тогда еще в плену. Затем ту же роль административного контроля [13]) играли, повидимому, такие учреждения, как приказ приказных дел [14]), и приказ, что на сильных бьют челом [15])

III.

Характеризуя на предшествующих страницах происхождение и отчасти также ведомство различных приказов в Московском государстве с половины XVI до половины XVII века, мы имели в виду не подробное изображение их деятельности — об этом удобнее говорить позднее, в связи с деятельностью верховной власти и высших учреждений по отдельным отраслям управления, — а, во-первых, обоснование той мысли, что органы центрального управления в своем образовании и развитии теснейшим образом связаны не только с областными учреждениями, но и с социальными отношениями и явлениями, в области народного хозяйства, во-вторых, выяснение некоторой постепенности в развитии отдельных функций государственной власти. При всей неточности, неопределенности, спутанности ведомств отдельных приказов, можно, как мы видели, различить известную очередь, в какой организовались учреждения, чем отчасти устанавливается план дальнейшего изложения, в котором, впрочем, в виду многосложности дел, подведомственных отдельным приказам, придется деятельность каждого из последних разбить на части и изложить в разных главах.

---

[1]) Книги Разрядные, том I, стр. 1037. [2]) Там же.
[3]) Собр. Гос. Грам. и Дог., т. III, № 109.
[4]) Акты г. Юшкова, № 218; Акты Арх. Эксп., т. I, № 317.
[5]) Акты г. Юшкова, № 274, [6]) Акты Историч., т. II, № 355.
[7]) Акты Арх. Эксп., т. III, № 100. [8]) Древняя Росс. Вивлиофика, т. 20-й.
[9]) Книги Разрядныя, т. I, стр. 13.
[10]) Там же; ср. также Записные книги разрядного приказа в «Русской Историч. Библиотеке», т. X, стр. 346.
[11]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Московского стола Разряда, № 890, л. 23 об.
[12]) Гурлянд, Приказ великого государя тайных дел, стр. 96.
[13]) Там же, стр. 97 и сл. [14]) Русская Историч. Библиотека, т. IX, стр. 470.
[15]) Дворц. Разряды, т. II, 598.

Теперь же необходимо формулировать общие выводы, к каким приводит исследование вопросов, намеченных в настоящей главе:

1) В областном управлении система кормлений была сначала ограничена частичной примесью выборных учреждений со специальным назначением и применением по частям хозяйственного управления городовых приказчиков, и затем, заменена опытом земского самоуправления, применявшимся, однако, далеко не повсеместно, и, наконец, централизованной бюрократией, в лице воевод, сосредоточивавших в своих руках все отрасли областного управления.

2) Перемены в областном управлении продиктованы были развитием денежного хозяйства, с обширным рынком и сословно-крепостным общественным строем.

3) Параллельно реформам в областном управлении или вслед за ними совершалось развитие центральных органов управления—приказов, при чем наблюдается известная постепенность в организации отдельных отраслей правительственной деятельности: раньше и полнее всего организуется управление дворцовым хозяйством и заведывание службой, землевладением и внешней политикой; почти одновременно, но отчасти уже и позднее двинулось вперед центральное финансовое управление; затем следовала организация центральных судебных учреждений и военных приказов; еще позднее и меньше развивались приказы, ведавшие общественное благоустройство и благосостояние, и, наконец, совершенно отсталой по времени и по степени развития является контролирующая администрацию деятельность высшей власти.

4) Центральные учреждения подчинялись в своем развитии не только основному и главному влиянию новых хозяйственных и социальных явлений в жизни страны, но и воздействию тех перемен, которые совершились в областной администрации.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Управление разрядными делами до половины XVII века.

I.

К числу наиболее рано сложившихся отраслей управления в Московском государстве принадлежало, как мы сейчас видели, заведывание военной службой, или, как тогда выражались, разрядными делами. Эти дела сосредоточивались преимущественно в одном из важнейших центральных учреждений—Разряде или Разрядном приказе. Нам предстоит теперь определить, поскольку разрядные дела ведались верховной властью и органами верховного управления, и поскольку они перешли уже в руки подчиненных учреждений—центральных и областных.

Начнем с производства в разные „чины“, т. е. с распоряжений, касающихся распределения служилых людей Московского государства по ступеням сословной служебной лестницы, существовавшей в то время. Не подлежит ни малейшему сомнению, что производство во все чины—

от высшего до самого низшего—всегда совершалось при личном участии царя, которому докладывались все подобные дела и именем которого затем из Разряда об'являли — „приказывали государевым словом“ или „сказывали“ пожалования в высший чин. Мы имеем множество данных в наших источниках о том, что сам государь лично производил служилых людей в чины думные — в бояре [1]), окольничие [2]), думные дворяне [3]), думные дьяки [4]). Ему же принадлежало исключительное и постоянно применявшееся им на практике право пожалования в московские чины — стольники [5]), стряпчие [6]), жильцы [7]), дворяне московские [8]). Он, далее, назначал провинциальных дворян и детей боярских служить „по выбору“ [9]), „по дворовому списку“ [10]), перечислял из служащих „с городом“ в четвертчики [11]), жаловал из солдат в городовые дети боярские [12]), из подьячих в дьяки [13]). Не известно ни одного случая, который представлял бы исключение из этого правила, оставшегося все время неизменным, так что производство служилых людей

---

[1]) Дворцовые Разряды, т. I, 120, 170, 174, 206, 208, 299, 438, 505, 507, 532; т. II, 354, 360, 380, 382, 383, 575, 621, 650; т. III, 13, 15, 18, 18—19, 20, 31, 32, 33, 34, 42, 57, 77—78, 87, 108, 116, 117, 218, 225; Рус. Истор. Библ., т. X, 360, 421.

[2]) Дворцовые Разряды, т. I, 197, 299, 392, 410, 494, 508, 532—533, 760, 970; т. II, 294. 354, 360, 653, 743; т. III, 15, 18, 18—19, 20, 31, 32, 33, 34, 42, 49, 66, 74, 86, 87, 110, 116, 117, 118, 134, 145, 151, 181, 226; Рус. Ист. Библ., т. X, 424.

[3]) Дворцовые Разряды, т. I, 100; т. II, 380, 382, 383, 656, 698, 731, 741; т. III, 47, 218.

[4]) Дворцовые разряды, т. I, 100, 299; т. II, 294, 743; т. III, 55, 113, 236; Рус. Ист. Библ., т. X, 352, 432.

[5]) Рус. Историч. Библ., т. X, 115, 180, 182, 188, 203, 344, 357, 360 и т. д.; Московск. Арх. Мин. Юст., столбцы Московск. стола Разряда, № 205, л. 6 и об.

[6]) Рус. Ист. Библ., т. X, 128, 165, 180, 181, 189, 190, 203, 206, 214, 216, 354, 357, 358, 359, 367, 368 и т. д.; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда № 72, л. 57 и об., № 205, л. 5 и об.

[7]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда, № 890, лл. 27 об., 63 об., 67 об., 270 об., 274 об., № 6. л. 14 и об., № 204, лл. 1 и об., 2 и об., 3 и об., 4 и об., 6 и об., 7 и об., 166 и об., 329 и об., 336 и об., 426 и об., 548 и об., 579 и об., 627 и об. и др.

[8]) Моск. Арх. Мин. Юст. столбцы Моск. стола Разряда, № 6, л. 229 и об., № 47, л. 8 и об., 9 и об., 10 и об., 11 и об. и т. д., № 48, л. 9—10, 14 и об., 15 и об., 16 и об. и др.; 72, л. 20 и об., 22 и об., 24 и об., 25 и об., 26 и об., 27 и об. и др., № 120, л. 31 и об., 32 и об.; № 205, л. 1 и об., 3 и об., 10 и об., 15 и об., 21 и об., 22 и об. и др. Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., приказные дела старых лет, связка 117, № 26; Моск. А. М. Юст., ст. Новг. ст. Разр., № 65, л. 36 и об.

[9]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разряда, № 47, л. 148 и об., № 48, лл. 7 и об., 82 и об., 183 и об., № 72, л. 17 и об., 54 и об., 58 и об., № 59, л. 57 и об. и друг., № 80, л. 1 и сл., № 183, ст. 2, л. 45 и об., № 199, л. 3 и об., № 205, л. 2 и об., 23 и об., № 219, л. 6 и об., 7 и об., 86 и об., № 223, л. 3 и об.; столбцы Новг. ст. Разр., № 20, л. 20 и сл., 89 и об., № 55, л. 8—9, № 74, л. 122 и об., № 80, л. 264 и об., № 91, л. 47 и об; ст. Белгор. ст. Разр., № 134, л. 18 и об., № 156, л. 104 и об., № 288, л. 165 и об., № 312, л. 10 и об., № 319, л. 226 и об.; и т. д.

[10]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разряда, № 48, л. 184 и сл., № 72, лл. 1 и об., 51 и об., 55 и об., 59 и об. и др.; № 59, л. 47 и сл., 50 и сл., 52 и сл. и т. д.. № 80, л. 4 и сл., 6 и сл., 8 и сл. и др., № 183, ст. 2, л, 98 и сл., № 219, л. 20 и об., 200 и об., № 222, л. 68 и об., 69 и об.; столбцы Новг. ст. Разряда, № 20, лл. 3 и сл., 90 и об., № 69, л. 6 и сл., № 71, л. 48 и об., 49 и об., № 73, л. 19 и сл., № 80, л. 30 и об., № 86, л. 135 и об., № 91, л. 25 и об., № 93, л. 100 и об.; ст. Белгор. ст. Разряда, № 261, л. 486 и об., № 312, л. 6 и об., № 319, л. 260 и об. и т. д.

[11]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгородского стола Разряда, № 93, л. 19 и об.

[12]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгородского стола Разряда. № 73, л. 29 и сл.

[13]) Рус. Историч. Библ., т, X, 116, 123.

в чины составляло, несомненно, одну из неот'емлемых прерогатив верховной власти, которая имела здесь непосредственное отношение к каждой частности.

Иные явления наблюдаются, если обратить внимание на то, как и кем производилось зачисленяе или запись в службу. Известно, что уже в XVI веке разбор и верстанье новиков, т. е. поспешивших на службу, достигших 16-ти-летнего возраста дворян и детей боярских, производились особыми выборными от дворянского каждого уезда окладчиками, под председательством назначенного из Москвы разборщика, при чем результаты этой работы зарегистровывались, в так называемых десятнях [1]). На рассмотрение высшего правительства могли поступать только жалобы на неправильность разбора и верстанья. Таким образом, в этом отношении функции подчиненной администрации выделились из высшего управления и приобрели самостоятельный характер. Однако, незавершенность этого процесса не подлежит сомнению: дело в том, что записи в службу новиков и гулящих людей производилась разборщиками и окладчиками лишь в определенные периоды, между которыми были значительные промежутки; многие новики и гулящие люди, желая поступить в службу, подавали об этом челобитные до верстанья; в таких случаях их просьбы удовлетворялись обыкновенно с разрешения самого государя [2]). Впрочем, и здесь к концу изучаемого периода заметна тенденция в сторону развития самостоятельности подчиненных учреждений и передачи в их исключительное ведение всех дел о записи в службу; только в этих случаях дело передается центральному учреждению—Разряду. Так, в 1649 г. сын бывшего севского протопопа Руднев просил записать его на службу в дети боярские, и „государь пожаловал, велел указ учинить" думным дьякам Ивану Гавреневу да Семену Заборовскому, да дьяку Григорью Ларионову [3]), т. е. судьям Разрядного приказа. Заметны, таким образом, успехи административной техники, рост бюрократической самостоятельности.

Но, кроме служилых людей по „отечеству", были еще служилые люди „по прибору". Таковы были стрельцы, пушкари, затинщики, казенные плотники и кузнецы, казаки, драгуны, солдаты и т. д. Как они „прибирались" на службу? Повидимому, по крайней мере в половине XVII в., сложился обычай, по которому „прибор" производился подчиненными властями, напр., стрелецкими головами [4]) или приказом (Разрядом) [5]), без всякого участия царя и верховных учреждений. Однако, в тех случаях, когда приходилось набирать таких служилых людей из вольных гулящих людей, дело менялось; тогда все зависело от решения самого государя [6]).

---

[1]) См. Сторожев, Десятни, — в «Описании документов и бумаг Московского Архива Министерства Юстиции», книга IX и Десятни XVI в., в том же «Описании», книга VIII.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. стола Разряда, № 18, л. 1 и об., № 74, лл. 11 и об., 12 и об., 115 и об., 118 и об., 127 и об., 215 и об., 217 и об., № 91, л. 72 и об.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгородского стола Разряда, № 306, л. 967 и об.

[4]) Чичерин: Областные учреждения в России в XVII в., стр. 123.

[5]) Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дел, приказные дела старых лет, связка 177, № 14.

[6]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгород. ст. Разряда, № 279, л. 185 и об., № 294, л. 92 и об.

Временные отпуски служилых людей с военной службы во время походов или при охране границ государства от внешних врагов разрешались все время непременно самим царем [1]). Но когда служилые люди жили по службе в Москве, напр. при дворе, то они обыкновенно увольнялись в отпуски без доклада государю решением приказа, и это наблюдается в течение всей первой половины XVII века, не исключая и его начала [2]). Надо, однако же, заметить, что это не касалось жильцов: для того, чтобы получить отпуск, они испрашивали разрешение самого царя [3]). Без сомнения, это об'ясняется сравнительной важностью этого чина в лестнице чинов, а также и особым положением жильцов в придворной службе, засвидетельствованным у Котошихина [4]).

Известно, какую вообще важную общественную и государственную роль играла повинность военной службы в XVII в. Неудивительно поэтому, что всякого рода льготы и облегчения по службе делались не иначе, как по решению верховной власти: нужно-ли было облегчить тяготу службы отдельных разрядов служилых людей [5]), или временно освободить кого-либо от служебных обязанностей по случаю болезни [6]), или личную службу заменить доставкой даточных людей [7]),— все это делалось непременно самим царем. Всякого рода переводы по службе для удобства служащего обыкновенно также производились по решению государя: он разрешал быть на службе одновременно и вместе с родственниками [9]), переводил по службе из города в город [8]), из полковой службы в городовую (т.-е. гарнизон) [10]), разрешал итти на охрану границ не в той половине войска, которая дежурила сначала, а в той, которая шла потом, на смену первой или наоборот [11]). Однако и здесь бюрократии предоставлялась уже некоторая самостоятельность в менее важных делах: так, если кто-либо просил о переводе его из гар-

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. столбцы Моск. ст. Разряда, № 840, ст I, л. 236 и об., столбцы Белгор. ст. Разряда, № 225, л. 23 и об., № 305, л. 222 и об., столбцы Московск. стола Разряда, № 149, л. 38 и об., 163 и об., № 181, ст. 2, л. 1 и об., 2 и об., 3 и об. и др., № 186, лл. 1 и об, 2 и об., и т. д., № 199, л. 5 и об.

[2]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора ст. 2-го разр. Оруж. пал., 7139 ч. № 34, 7140 ч. № 9, ст. Оруж. пал., 7134 ч. № 150, 7139 ч., № 21, 7140 ч. № 136, 7112 ч., № 7, 7157 ч. №№ 12 и 45; Арх. Мин. Юст., столбцы приказного ст. Разряда, № 60, л. 290 и об.; столбцы Белгор. ст., № 294, л. 221.

[3]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы 1-го разр. Оруж. пал., 7158 ч. № 53; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разряда, № 18, лл. 1 и об., 2 и об., 4 и об., 5 и об., 6 и об., 7 и об., 12 и об., 13 и об., № 87, л. 28 и об.

[4]) Котошихин, стр. 21.

[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгородск. стола Разряда, № 191, л. 55 и об.; столбцы Моск. стола Разряда, № 10, л. 1 и сл., 2 и об. и др., № 115, л. 316—317, № 134, л. 47 и об.

[6]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новг. ст. Разряда, № 101, л. 25 и об., ст. Белгор. ст. Разряда, № 134, л. 222 и об.; ст. Новг. ст., № 74, л. 49 и об.

[7]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгородского стола Разряда, № 100, л. 2 и об.

[8]) Моск. Арх. Мин. Юст., ст. Новгор. ст. Разряда, № 101, л. 35 и об.

[9]) Моск. Арх. Мин. Юст., ст. Белгор. ст. Разряда, № 132, л. 110 и об., № 134, л. 14 и об., № 139, л. 191 и об., № 161, л. 21 и об., № 181, л. 29 и об., № 191, л. 87 и об., № 258, л. 313 и об., № 275, л. 57 и об., № 279, л. 99 и сл., № 281, л. 20 и об., 31 и об., № 289, л. 106 и об., № 294, лл. 55 и об., 64 и сл., № 305, л. 28 и об., 435 и об., № 303, л. 438 и об., № 336, лл. 120 и об., 185 и об. и т. д.

[10]) Моск. Арх. Мин. Юст., ст. Новгор. ст. Разряда, № 20, л. 97 и сл., ст. Моск. стола Разряда, № 6, л. 10 и сл.

[11]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгород. стола Разряда, № 119, л. 68, и об., 69 и об., 70 и об., 73 и об., 79 и об., 110 и об. и т. д., № 134, л. 96 и об.; столбцы Моск. стола Разряда, № 171, л. 164 и об.

низона в действующую армию, из городовой службы в полковую, то это разрешалось без доклада государю [1]); здесь ведь не было облегчения по службе, а напротив тяжесть служебных обязанностей увеличивалась в очень значительной степени.

Совершенно понятно также, что отставка от службы за старостью, болезнями, увечьем, вообще по какой-либо уважительной причине требовала непременно личного решения вопроса государем [2]); московский служилый человек обязан был служить до тех пор, пока к тому была хотя бы малейшая возможность.

Гораздо сложнее вопрос о назначении на должности. Можно вообще сказать, что постепенно все яснее намечалась и резче проводилась демаркационная линия, отделявшая функции подчиненных органов от деятельности верховной власти. На долю верховной власти оставались назначения только на более важные должности. Сюда относятся прежде всего назначение судей приказов и их товарищей, а также приказных дьяков, которые все время назначались самим государем [3]). Но уже многие низшие чиновники в приказах получали назначения от судей, стоявших во главе этих учреждений, без всякого доклада царю. Так, по крайней мере, было в 30-х и 40-х годах XVII века. От этого времени дошел до нас ряд фактов, свидетельствующих о таком способе назначения молодых подьячих в Устюжскую четверть: по приказу главного судьи на челобитных лиц, просившихся на эту должность, просто помечалось: „велеть быть", без доклада государю [4]). Правда, от 1612 г. сохранился факт, стоящий как будто в противоречии с этим: молодой подьячий Галицкой чети Богданов, назначенный было сидеть в чети дьяка Богдана Юдина, за прекращение деятельности этой последней просил вернуть его обратно в Галицкую четь, и оказывается, что он был возвращен по решению воевод князей Трубецкого и Пожарского [5]), которые стояли тогда во главе правительства. Однако, не надо забывать, что то было необычное время междуцарствия, что, кроме того, речь тут идет о подьячем уничтоженного приказа, оставшемся не у дел не по своей вине, а вследствие распоряжения высшего правительства, уничтожившего четь Богдана Юдина, что, наконец, это было в начале XVII века, и с тех пор многое могло и даже должно было перемениться.

Без государя, путем простого распоряжения лица, стоявшего во главе приказа, производилось назначение в пристава [6]) и недельщики [7])

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгородского стола Разряда, № 24, л. 173 и об.

[2]) Арх. Мин. Юст., столбцы Приказного стола Разряда, № 79, л. 101 и об.; столбцы Моск. ст. Разряда, № 840, ст. 1, л. 247 и об., № 205, л. 4 и об и др.; ст. Новг. стола Разряда, № 20, л. 43 и сл., № 71, л. 115 и об., № 74, л. 45 и об. № 75, л. 24 и об. № 80, лл. 28 и об., 93 и об., 148 и об., 154 и об., № 83, л. 1 и об., № 86, л. 68 и об., № 91, л. 74 и сл. № 93, л. 34 и об., № 100, лл. 60 и об., 78 и об.; ст. Белгородск. стола Разр., № 134, л. 10 и сл., № 230, л. 227 и об., № 236, л. 377 и об. № 319, л. 258 и об. и др.

[3]) Дворцовые Разряды, т. I, 385, 450, 936; т. II, 9, 16 и др.

[4]) См., напр., Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., св. 108, № 43, св. 133, № 36, св. 45, № 14.

[5]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. палаты, 7121 год, № 7.

[6]) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы Оруж. пал., 7154 г., №№ 1 и 123, 152 г. № 76.

[7]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д. прик. д. ст. л., св. 44, № 96; Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Оруж. пал., 7156 г., № 32, 7148 г., № 55.

в приказы, а также в сторожа [1]). Но переводчики и толмачи Посольского приказа получали назначение непосредственно от царя [2]) по вполне понятной причине: они играли очень важную роль в дипломатических отношениях, в делах внешней политики государства.

Когда московский государь уезжал из столицы, то „ведать Москву" оставалась обыкновенно особая комиссия, состоявшая по преимуществу из чинов боярской думы. Эта комиссия назначалась, конечно, самим государем [3]). Государь же назначал послов и посланников в иностранные государства [4]), определял состав „ответной палаты" [5]), т.-е. лиц, обязанных вести переговоры с иностранными послами, приезжавшими в Москву, назначал даже тех, кто должен был участвовать в торжественных встречах иностранных послов при въездах их в столицу, и приставов при послах [6]). Впрочем, в 1650 году видим, что назначением для торжественной встречи литовских послов распоряжаются судьи Разрядного приказа [7]): очевидно и здесь слагается мало-по-малу особое ведомство подчиненных учреждений, вполне самостоятельное, что свидетельствует о развитии административной техники.

В об'езжие головы в Москве назначение шло непосредственно от царя [8]); причина заключается в том, что, как мы будем еще наблюдать и как нам уже отчасти известно, полицейская деятельность государственной власти была вообще весьма слабо развита.

Неудивительно, что важнейшие поручения по организации служилого сословия, верстанью окладами, разбору и т. д., а также по постройке укреплений давались непосредственно государем: так, государь назначал разборщиков [9]), посылал „укреплять осаду" [10]) или „делать город" [11]), „дозирать засеки" [12]) и т. д.

Писцы, переписчики и дозорщики тоже назначались государем [13]).

Мы убедились таким образом, что уже в центральном управлении наблюдается некоторое выделение самостоятельной деятельности подчиненных учреждений в сфере назначения должностных лиц. То же самое можно вывести, изучая способы назначения областных администраторов разных рангов.

Полковые и городовые воеводы, [14]) их товарищи [15]), письменные

---

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. к., св. 41, № 70; Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Оруж. пал., 7153 г., № 72.

[2]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д. прик. д. стар. лет, св. 134, № 51, св. 161, № 14, св. 162, №№ 16 и 17, св. 11, № 18.

[3]) Дворц. Разряды, т. I, 140, 178, 410, 413, 453 и др. [4]) Дворц. Разряды, т. I, 187, 325, 366 и др. [5]) Дворц. Разряды, т. I, 203, 322, 461, 496 и др.

[6]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 45; Дворц. Разряды, т. I, 958—959, II, 25. [7]) Дворц. Разряды, т. III, 233—234.

[8]) Дворц. Разряды, т. II, 328, 370, 536, 603, 653 и др.; Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. стола № 51, л. I. [9]) Дворц. Разряды, т. I, 383, т. II, 248, т. III, 108. [10]) Дворц. Разряды, т. I, 299, 660. [11]) Дворц. Разряды, т. II, 530, 569. [12]) Дворц. Разряды, т. II, 609.

[13]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. дела ст. л., св. 161, № 15.

[14]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., приказ. дела старых лет, св. 18, № 3, св. 126, № 39, св. 147, № 25, св. 170, № 88; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгород. ст., № 541, № 914, л. 11; столбцы Моск. ст., № 74, № 176, л. 60 и др.; Дворцовые Разряды, т. I, 90, 91, 95, 107, 115, 123, 142, 162, 170, 172, 177, 181, 183, 186, 199, 200, 201, 205, 227, 228, 249, 256, 266, 272—273, 277, 304, 323, 341 388, 433, 436, 439, 440, 443 и т. д.; Моск. Арх. Мин. Юст. столбцы Белгород. ст., № 24, л. 387 и об., № 78, л. 53 и об.; ст. Новг. ст., № 89, л. 1 и 11, № 92, л. 4 и об. и т. д. [15]) Моск. Арх. Мин. Юст. столб, Моск. стола Разр., № 840, ст. I, л. 232 и об.; Дворц. Разр. т. I, 327, 629.

головы, [1]) вообще важнейшие должностные лица в области определялись указами царя. Подьячие с'езжей избы, напротив, обыкновенно назначались теми приказами, в ведении которых находился данный город [2]). То же надо повторить о недельщиках [3]), сторожах и рассыльщиках в с'езжих избах, а также о площадных подьячих [4]). Полковые воеводы собственною властью назначали войсковых судей [5]), сотенных голов [6]) и лиц, заведывавших раздачей денег служилым людям [7]). В общем, можно заметить, что разделение функций органов верховного и подчиненного управления в назначении областных чиновников и военных начальников было проведено к половине XVII века даже полнее, чем в назначении лиц, служивших по центральному управлению.

II.

Кроме назначений, увольнений, переводов, повышений, отпусков и облегчений по службе, к числу разрядных дел принадлежали еще верстанье окладами, придача к окладу и справка придачи.

Верстанье окладами лиц, начинавшнх службу в думных чинах, т.-е. принадлежавших к наиболее знатным фимилиям, производилось даже и в конце XVII века самим государем, по специальному каждый раз его указу [8]). То же надо повторить для первой половины XVII в. и о московских чинах, напр., стольниках [9]), жильцах [10]). Верстанье окладами переводчиков и толмачей Посольского приказа также входило в круг дел, обычно исполняемых царем лично [11]). То же самое наблюдается и в назначении погодного жалования подьячим, ранее его не получавшим [12]).

Гораздо более сложным является вопрос о верстанье окладами городовых дворян и детей боярских. Это сложное дело потребовало уже в XVI веке организации на местах под руководством центральных учреждений: комиссия окладчиков под председательством разборщика и ведала его, занося результаты своей работы в десятни. Повидимому, обычным порядком и являлось в XVI и XVII веках именно такое верстанье окладами, которое при том считалось и окончательным, не подлежавшим дальнейшему пересмотру в порядке ревизионном. Однако, возможные злоупотребления и ошибки можно было обжаловать, и тогда решение зави-

---

[1]) Дворц. Разряды, т. I.

[2]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 168, № 72, св. 38, № 6, св. 45, №№ 6 и 8, св. 59 № 80; Моск. Арх. Мин. Юст. столбцы Белгород. ст., № 118, л. 147 и об.; ст. Новгор. стола, № 80, л. 41 и сл.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. стола, № 80, л. 18 и об.: столбцы Белгород ст., № 294, л. 99 и об.

[4]) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы Оруж. палаты, 7153 г. № 28.

[5]) Дворц. Разряды, т. II, 681, [6]) Дворц. Разряды, т. I, 263.

[7]) Дворц. Разряды, т. I, 263.

[8]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда, № 762. ст. 3, л. 140, 141—143, № 943, л. 68, 149 и об.

[9]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. ст. Разряда, № 65, л., 7 и сл., ст. Белгород. стола Разр., № 119, л. 83 и об.

[10]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст, Разряда, № 839, № 840, ст. 1, л. 1 и об., № 856, л. 7—14, № 890, л. 33 и об. и др.

[11]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. дела ст. л., св. 5, № 6, св.. 18, № 40 св. 24, № 28, св. 46, № 24, св. 94, № 74.

[12]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгород. стола, № 115, л. 523 и об., № 123, л. 261 и сл., № 128, л. 789 и об. № 170, л. 226 и об.

село от государя. Вот характерный пример, доказывающий это положение. В 1631 г. Хотяинцов и Пушин били челом о следующем: Каширу велено было разбирать окольничему князю Волконскому и дьяку Костюрину; старые окладчики поверстали челобитчиков в первую статью, а один из новых окладчиков—Александров—по недружбе к Хотяинову и Пушину занес их во вторую статью; по этому поводу между окладчиками возник спор, и разборщик отписал к государю; челобитчики просят справиться о службе их отцов и записать их в первую статью. На челобитной помечено: „государь пожаловал, велел дат грамоту, а велет поверстат, кому они в версту“ [1]).

Мы имеем, однако, ряд фактов, относящихся и к началу XVII века и к сороковым и пятидесятым годам и свидетельствующих, что сам государь нередко верстал окладами городовых дворян и детей боярских [2]). Без сомнения, это делалось в промежутки между составлением десятен по одному и тому же уезду. Однако, характерно для истории административной техники в Московском государстве, что и в этих случаях верховная власть стала стремиться к самооблегчению, к передаче своих функций в руки подчиненных учреждений—приказов и воевод. И мы наблюдаем поэтому нередко в тридцатых и сороковых годах верстанье городовых дворян и детей боярских окладами, производимое Разрядным приказом без доклада государю [3]). Можно заметить даже, что это становится постепенно обычаем в силу повторения специальных поручений, даваемых царем приказу или воеводе. Так в 1640 году Карщиков, отец которого служил по Кашире, а сам он, неверстаный, служил в Туле в солдатах, просил поверстать его денежным жалованьем и поместным окладом по Туле, кому он в версту; из пометы на челобитной видно, что государь не определил сам оклада, а передал дело воеводе: „государь пожаловал, велел дат грамоту на Тулу велет поверстать“ [4]). Другой пример указывает на передачу дела царем приказу: на челобитной Любима Биглова 1651 года значится помета: „государ велел поверстат поместным окладом и денежным жалованьем думному дворянину Ивану Офанасьевичу Гавреневу да диаком думному Семену Заборовскому да Григорью Ларионову да Ивану Северову“, которые и положили резолюцию: „учинит оклад 300 чети, денег, з городом 12 рублев“ [5]). Любопытно при этом отметить в качестве переходного момента к полной самостоятельности подчиненных учреждений в деле верстанья окладами и жалованьем следующий документ: в 1640 г. ряжский воевода писал, что он, по грамоте из Разряда, поверстал окладом и жалованьем ряжского новика, сына священника Германова, при чем оклад ему учинил 200 четвертей, а жалованье с городом назначил 6 рублей; по этому

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. стола, № 51, лл. 107 и об.—108.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. стола Раряда, № 55, л. 16 и сл., 201 и об., № 73, л. 65 и сл., № 74, л. 63 и об. и др., № 80, л. 71 и сл., № 91, л. 94 и об. и др., № 93, л. 33 и об., № 100, л. 72 и об., № 101, л. 19 и сл., 78 и сл., № 102, л. и об., столбцы Белгор. ст., № 211, л. 55 и об., № 236, л. 960 и об., № 242, л. 213 и об., № 281, л. 25 и об., № 288, л. 199 и об., № 305, л. 90 и об., № 304, л. 329 и об., № 319, л. 252 и об. и др., столбцы Моск. ст. Разр., № 6, л. 191 и сл., № 161, л. 1 и сл., № 220 и др.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. ст. Разр., № 73, л. 104 и об., № 75, л. 114 и об. и др., № 83, л. 88 и об., 91 и об.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгород. стола Разр., № 119, л. 44 и об.

[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. стола, Разр. № 101, л. 39 и об.

поводу „государь пожаловал, велел оклад учинит 150 четьи, денег пят рублев, в Рязском писат верстаньем глупостью поповых детей в большую статью, и будет станешь впред так верстат, и тебе бы так не делат“ [1]). Стало быть, верстанье воеводы здесь подлежало пересмотру еще государя не превратилось в постоянную и самостоятельную административную функцию воеводской власти.

Отделение подчиненных учреждений от верховных в деле верстания окладами и жалованьем проникло и в сферу дворцового управления. И здесь разные мелкие служащие по дворцу получали жалованье по решению подчиненных органов, без доклада верховной власти, которая уже совершенно не вмешивалась в это дело. Этим об'ясняются такие факты, как назначение в 1639 г. жалованья портному мастеру мастерской палаты „по приказу стряпчева с ключем“ [2]), как определение Дворцом в 1637 г. сенному сторожу [3]) и истопнику царицы [4]) годового денежного жалованья. Царицыны дети боярские, как показывают факты 1627 и 1631 годов [5]), верстались окладами тоже не лично царем, а в приказе Большого дворца. Первый из этих фактов любопытен еще потому, что отмечает начало и способ передачи данной функции органам подчиненного управления: на челобитной сына боярского Богаткова, просившего поверстать его окладом, помечено: „государь пожаловал велел его поверстат. И по верстанью Федора Стеновича Стрешнева учинен ему оклад двесте пятдесят чети, денег девят рублев“; [6]) здесь государь едва ли не впервые поручает это дело подчиненному администратору, который и исполняет его вполне самостоятельно. Подобные факты являлись прецедентами для решения других таких же вопросов.

Параллельный и соответствующий только что рассмотренному случай представляет собою поверстание окладом государева „завязошника“ Андреева в 1626 г.: здесь „государь пожаловал, велел поверстать, примеряс к иным [7])“.

Понятное дело, что если приходилось иметь дело с служащими по дворцу, получавшими особые, специальные назначения, не совсем обычные в практике дворцового управления, то назначение им окладов и жалованья не могло состояться без царя. Вот почему сам государь назначил поденный корм принятому в 1650 году на службу французу Потивину, граверу, виноградарю, садоводу и „водовзводного дела“ мастеру [8]), и он же определил в 1649 году поместный и денежный оклад „самопального узорочного дела мастеру Вилиму Когему [9])“.

В Московском государстве установился обычай выдавать единовременное денежное вознаграждение русским пленникам, вернувшимся из плена, „за полонное терпенье“, иностранцам, поступившим в русское подданство,—„за выход“, тем, кто захватил во время войны „языков“, т. е. пленных, показаниями которых пользовались для военных целей („язычное жалованье“ или „язычные деньги“), тем, кто был ранен на войне и нуждался в лечении. Без сомнения, сначала все эти специаль-

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда, № 161, л. 6 и об.
[2]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Оруж. пал., 7147 г. № 17.
[3]) Там же, 7145 г., № 21. [4]) Там же, 7145 г., № 23.
[5]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Оруж. пал., 7139 г., № 111.
[6]) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы Оруж. палаты, 7135 г., № 67.
[7]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Оруж. палаты, 7134 г., № 34.
[8]) Там же, 7158 г., № 92. [9]) Там же, 7157 г., № 75.

ные единовременные выдачи производились самой верховной властью, от которой всецело зависело и определение их размеров. Но в XVII веке, особенно к тридцатым годам и позднее, наблюдается уже совершенно иной порядок: все решают подчиненные административные органы, которые и помечают на подаваемых челобитных: „дать ему государева жалованья выходнова“ столько-то [1]), „дать государево жалованье язычное по указу [2])“, „дат ему государева жалованья за полонное терпенье“ такую-то сумму [3]), „осматриван, дат на лечку 4 рубля [4])“.

В награду за службу, раны, плен („полонное терпенье“) служилые люди Московского государства получали обыкновенно прибавки или „придачи“ к окладу. До нас дошел от XVII века весьма обильный материал, свидетельствующий о том, какою властью производились такие придачи. Оказывается, что в первой половине века в большинстве случаев это было предметом деятельности самого царя, независимо от того, к какому чину принадлежал служилый человек, получивший придачу: так было с боярами, окольничими, вообще с думными людьми, с жильцами и другими лицами московских чинов, с дьяками и подьячими приказов, с толмачами и переводчиками, с провинциальными дворянами и детьми боярскими, со стрельцами и казаками, с царицыными детьми боярскими, со „ствольными мастерами“ и т. д. [5]). Приводим несколько типических в этом отношении примеров. Согласно просьбе „ружейного приказу ствольного мастера“ Афанасьева повысить ему годовое жалованье от 6 до 9 р., „государь пожаловал“, велел дать ему придачу [6]). В 1640 г. Фустов и подьячий Ломакин просили о поместной и денежной придаче за посылку в Крым; государь велел выписать и доложить себя, государя, а затем дал придачу обоим [7]). В 1633 г. поместную и денежную придачу воеводам за поход пожаловал государь личным своим распоряжением [8]).

Денежная и поместная придача к окладу была, как видно из предыдущего, не чем иным, как видом награды за службу служилого человека. Если сам государь награждал воевод за службу кубками, шубами, золотыми [9]), то понятно, что он же должен был давать им награды ну-

---

[1]) Моск. Гл. Арх.: Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 8, № 4, св. 33, №75; Моск. Арх. Мин. Юст., ст. Приказ. ст. Разр., № 20, лл. 6—7, 18 и сл., 19 и сл., 28 и сл., 35 и сл., № 24, л. 1 и сл., 7 и сл., 21 и сл., 165 и сл., и т. д.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. стола Разряда, № 68, л. 61 и сл., 87 и сл., и т. д., № 78, л. 12 и сл. и др.

[3]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 13, № 35; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. стола Разряда, № 71, л. 14 и сл.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. стола Разряда, № 70, л. 1 и 2; ср. л. 4 и об., 18 и об.; № 71, л. 19 и сл., 29 и сл. и т. д.

[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. стола Разряда, № 77, л. 38 и об. и др., № 91, л. 70 и об. и др., № 93, л. 35 и об. и др., № 100, л. 32 и сл., столбцы Белгород. ст. Разряда, № 105, л. 26 и об., № 242, л. 224 и об., № 264, л. 53 и сл. и др., № 267, л. 49 и сл., № 294, л. 33 и об., № 131, л. 54, № 134, л. 59 и об., № 188, л. 95 и об., № 291, л. 200 и об., № 303, л. 515 и об., № 317, л. 316 и об. и др., № 319, л. 521 и об. и др., Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 108, № 43, св. 120, № 73, св. 122, № 20, св. 143, № 13, св. 161, № 103, св 176, № 13, св. 186, № 90; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда, № 59, л. 415 и сл., 463 и об., № 113, л. 8 и сл. и др., № 184, ст. 1, л. 1 и об., № 183, ст. 2, л. 114 и об., № 205, л. 13 и об., № 223, л. 4 и об. и т. д.

[6]) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы Оруж. пал., 7158 г., № 106.

[7]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., приказ. дела старых лет, св. 120, № 69.

[8]) Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. стола Разряда, № 34, л. 32 и сл.

[9]) Дворцовые разряды, т. I, 103, 175, 180, 207, 209, 314, 353, 386, 408 и т. д.

тем назначения придач к окладам. Однако потребность в расширении бюрократической машины и облегчении хода ее работы, вызываемая обремененностью верховной власти множеством мелких дел, все более увеличивавшихся числом и усложнявшихся под влиянием житейских условий, заставила и здесь постепенно устанавливать в некоторых отношениях самостоятельное положение для подчиненных органов администрации. В 1636 г. служилым людям провинциальным за смоленскую службу придача дана была без государя [1]). В 1638 г. без специального государева указа был награжден придачей подьячий Устюжской четверти Марков [2]). В 1648 г. на челобитной головы усердских казаков о придаче читаем помету: „учинит государева жалованья придачи“ столько-то [3]). В 1640 г. „казначей Павел Иванович Волынской приказал молодому подьячему Павлу Григорьеву прибавит государева жалованья к прежнему ево окладу к дву рублем три рубли“ [4]). Этого мало: не позднее 1629 года молодым (т.-е. младшим) подьячим разных приказов по общему правилу стали давать придачи к окладам их начальники—приказные дьяки; это видно из следующей пометы на челобитной молодого подьячего Галицкой чети Редрикова: „по государеву указу вашей братьи прибавляют жалованья смотря по делу дьяки, которые вас у дела знают“ [5]). Наблюдаем опять выделение сферы подчиненного управления и в процессе происхождения: когда подьячий Галицкой чети Неверов просил поверстать его придачей, государь не решил дела, а передал его в приказ: „велел поверстать денежным и поместным окладом, кому он вверсту“ [6]).

Недостаточно было получить указ о придаче, надо было, чтобы она была зарегистрирована, „справлена“. Эта „справка придачи“ также требовала деятельности властей, и для нашей цели опять-таки имеет значение вопрос, как слагалась административная техника, какие власти ведали справку придачи в изучаемое нами время, особенно в 40-м и 50-м годах XVII века.

Справка предачи ведалась непосредственно царем весьма редко и то лишь в начале XVII столетия. Можно даже по некоторым данным заключить, что в это время она практиковалась самой верховной властью только в исключительных случаях. Это видно с особенной ясностью из того, что те немногочисленные факты, которые сюда относятся, все касаются справки придач, своевременно неисполненной, при том придач, данных в Смутное время и потому совершенно непроверенных. Вот почему в таких случаях, относящихся к 1616 и 1617 годам, дело восходило до государя, и он приказывал произвести справку „до болшово сыску“, до генеральной, общей проверки прав просителей на придачи [7]). Что эта специфическая особенность рассматриваемых дел (именно, полное отсутствие справки в прошлом и крайняя ее запоздалость) имели тут

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. стола Разряда, № 60, л. 14 и сл., № 65, л. 65 и сл.

[2]) Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Д., приказные дела старых лет, св. 108, № 43.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгород. стола Разряда, № 267, л. 40 и след.

[4]) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы Оруж. пал., 7148 г. № 17.

[5]) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы Оруж. палаты, 7137 л., № 67.

[6]) Там же, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7127 г., № 74.

[7]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда, № 883, л. 65—67, № 901, 41 и сл., 53—58.

определяющее значение в смысле направления их на усмотрение верховной власти,—это подтверждается тем, что в 1614 и 1615 годах, не говоря уже о более позднем времени, справки придач, не имевших указанных особенностей, производились без какого-либо участия царя, простым распоряжением Разряда [1]). Позднее же 1617 года мы не встречаем ни одного случая рассмотрения вопроса о справке придачи царем. В этом отношении окончательно установилось определенное и самостоятельное ведомство подчиненного учреждения.

III.

Мы убедились, таким образом, что многочисленные и довольно разнообразные дела, об'единявшиеся на московском государственном языке под общим названием „рязрядных" дел, к половине XVII века в довольно значительной степени перешли в ведение органов подчиненного, главным образом центрального управления. Правильность этого вывода и действительное значение совершавшейся постепенно перемены в административной технике выяснится еще с большей полнотой, если обратить внимание на то, что в ведомстве Разряда еще в первой половине XVII века сосредоточились некоторые другие, не указанные выше, разрядные дела, которые исполнялись этим приказом вполне самостоятельно без сношений с верховной властью, без ее указания, разрешения или утверждения. Сюда относятся, как показывают, напр., записные книги Разрядного приказа, выдачи наказов вновь назначаемым воеводам и грамот о росписке старым, сменяемым [2]). Без сомнения, то и другое было первоначально делом, не проходившим мимо царя и боярской думы, но в XVII столетии участия первого и второй в соответствующей работе Разряда уже совершенно незаметно. Не нужно было уже также в изучаемое время и особого специального указа государя о необходимости собрать в Разряде Пушкарском, Иноземском и других военных приказах сведения, касающиеся состояния военных сил государства. Те-же записные книги Разрядного приказа свидетельствуют, что составление „годовой сметы" числа служилых людей по данным разных приказов и сбор из Пушкарского приказа сведений о „наряде" и вообще боевых артиллерийских снарядах и запасах [3]), входили в круг постоянного и самостоятельного ведения Разряда.

Гораздо более многооб'емлющей, как это впрочем и естественно, оставалась непосредственная деятельность верховной власти и высших учреждений по большей части военных дел в ближайшем смысле этого слова.

Было бы большой ошибкой думать, что главнокомандующие в московском государстве являлись самостоятельными вождями и руководителями вверенных им армий. На самом деле армии в сущности им никогда не вверялись, и военные действия находились под бдительным и мелочным

---

[1]) См., напр., Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. стола Разряда, № 18, л. 170 и об., № 55, л. 248 и об., 249 и об.; столбцы Моск. ст. Разряда, № 890, лл. 1—3, 12—4, 17—18, 36—39, № 901, л. 70 и об. и мн. др.

[2]) Русск. Историч. Библиотека, т. X, 115, 130, 132, 133, 161, 166, 188, 205—206, 221, 224, 225, 235 и т. д.

[3]) Там же, 124, 126, 127, 128, 129, 131, 132, 134, 146, 147, 148, 149, 183, 185, 216, 217, 218 и т. д.

контролем, надзором и руководством царя и боярской думы. Полковые воеводы „отписывали“ царю обо всякой мелочи, о показаниях лазутчиков, о поимке „языков“, т. е. пленных из неприятельской армии или жителей местности, где происходила война, знавших о положении неприятеля, о ничтожных передвижениях и стычках и ждали постоянных указаний для того, чтобы хотя на шаг двинуться вперед. По всем подобным делам мы постоянно встречаем пометы о том, что дело слушали и решили государь и бояре [1]), государь и патриарх [2]), что отписка воевод „чтена“ царю [3]). что та или другая мелочь „перед государем чтена и то ведомо“ [4]) и т. д.

Не меньше внимания уделяла верховная власть различным подробностям, имевшим отношение к аккуратной явке служилых людей в полки и к пополнению армии добавочными людьми. Вот типические примеры, иллюстрирующие такую внимательность к военно-техническим деталям. В апреле 1628 г. воеводы князь Барятинский и Чемоданов и дьяк Волков из Вязьмы сообщили, что к ним приехало на службу столько-то служилых людей и в Разряде была сделана помета: „выписат тотчас в доклад“ [5]). То же самое повторилось затем в мае [6]) и августе [7]) 1628 года. В 1644 г. сам царь распорядился увеличить число пушкарей, воротников и затинщиков в Яблонове.

Далее, без указа самого государя не обходилась ни одна не только постройка, но и починка укреплений. И при том так было не только с большими, серьезными крепостными сооружениями, но даже с самыми ничтожными. Перенос укреплений с одного места на другое в одном и том же городе решается государством и боярской думой в 1650 году [8]). Личным распоряжением царя совершаются мелкие починки укреплений. В 20-х, 30-х и 40-х годах XVII века [9]) без доклада царя или думы не могут обойтись при постройке не только больших „острогов“ (т.-е. крепостей) [10]), но и „острожков“ [11]). Верховная власть утверждает и построение „засек“ [12]), и устройство „надолоб“ [13]), и укрепление бродов

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. стола Разряда, № 3, л. 11, № 17, л. 47 и об., № 39, л. 65 и об., 114 и об., № 58, л. 332 и об.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. ст., № 72, л. 135 и об.; столбцы Моск. ст. Разр., № 79, лл. 196—197, 200 и об., 203 и об. и т. д.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказного стола Разряда, № 40; ст. Белгор. стола, № 501, л. 55 и об.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. ст. Разряда, № 68, л. 236 и об., 240 и об.

[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. стола Разряда, № 17, л. 157 и об.

[6]) Там же, л. 214 и об. [7]) Там же, л. 217 и об.

[8]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр., № 304, л. 382 и об.

[9]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр., № 191, л. 521 и об., № 256, л. 12—13, № 914, л. 150 и об.; столбцы Моск. стола Разр., № 46, л. 345 и об., № 140, л. 58 и об. № 153, л. 7 и об.; Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д. Прик. д. ст. л., св. 164, № 37, св. 189, № 118, св. № 32, св. 44, № 94, св. 53, № 81, св. 66, № 17.

[10]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст., Разр. № 39, л. 68 и сл., № 43 л. 48 и об., № 84, л. 47 и об., № 85, л. 246 и об. и др., № 211, л. 102 и об.

[11]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр., № 65; лл. 1—3, 14 и сл., 23.

[12]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 140, лл. 5 и об., 21—23, 75—76.

[13]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разряда, № 158, л. 10 и об.

на реках [1]), и размещение „сторож“ или сторожевых пунктов [2]), и даже перевод сторож на другие места [3]).

Доставка свинца, пороху, всякого рода оружия [4]), постройка пороховых погребов [5]) также требовали непосредственного участия московского государя в каждом деле, как бы ничтожно с военной и финансовой точки зрения оно ни было.

Нельзя, впрочем, представлять себе, что в области военных дел не чувствовалась не раз подмеченная нами уже в других случаях потребность в самостоятельности подчиненной администрации. Мы видим, что в тридцатых и сороковых годах сами цари оказываются иногда вынужденными не рассматривать по существу представленных на их усмотрение мелких вопросов военной техники, а передавать их не только для исполнения, но и для свободного в известных пределах решения подчиненным властям. Так в 1631 году государь поручает воеводе распорядиться о постройке надолоб в Воронежском уезде [6]). В 1643 г. шацкий воевода Жеребцов свидетельствует о недостатке сторож в заповедном лесу около „Панковской прорехи“; государь не стал сам решать дело, и, как значится в помете, „велел указ учинит ис Пушкарского приказу околничему князю Андрею Федоровичу Львову“ [7]), т.-е. передал на усмотрение подчиненного учреждения—приказа.

Рассматривая на предшествующих страницах организацию управления разрядными делами в Московском государстве до половины XVII века, мы видели, что в этой области административной деятельности к половине столетия усилилась самостоятельность бюрократии, и верховная власть избавилась от обременения множеством мелких дел, прежде до нее восходивших. Этот рост бюрократической самостоятельности может быть выражен в следующей формуле:

К половине XVII столетия органы подчиненного управления в Московском государстве стали самостоятельно ведать запись в службу главной массы служилых людей, служебные отпуски низших чинов в невоенное время, переводы из гарнизонной службы в полевую, назначение на все мелкие должности в войске, центральном и областном управлении, верстанье окладами, назначение специальных вознаграждений, придачи к окладам низших чиновников, справку придач для всех служилых людей, выдачу инструкций областным правителям, сбор сведений о состоянии военных сил государства и, наконец, устройство мелких укреплений.

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр., № 170, л. 14 и об.
[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разряда, № 60, л. 163—165, № 274, л. 86 и об.
[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр., № 317, лл. 177—178.
[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. ст.; Разр. № 39, л. 36 и об., № 68, л. 22 и об.; столбцы Белгор. ст., № 72, л. 61 л. об., № 139, л. 32 и об., № 170 л. 21 и об., № 174, л. 328 и об. и др., № 887, л.л. 135 и об., 187 и об.
[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разр., № 149, л. 165—166.
[6]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказного стола Разряда, № 51, л. 503 об.
[7]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда № 190, лл. 40—41.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Деятельность верховных и подчиненных органов государственной власти в отношении к землевладению.

I.

Служба, о которой у нас только что шла речь, обеспечивалась в Московском государстве прежде всего и больше всего землею, что вполне естественно в земледельческой стране, только что начавшей избавляться от полного господства натурального хозяйства. Мы и должны теперь присмотреться к деятельности государственных учреждений в отношении к землевладению.

В Московском государстве был обширный запас государевой земли—дворцовой и черной. Хозяйственная эксплоатация этой земли производилась под руководством дворецкого и начальников дворцовых „путей" волостелями и особенно посельскими и приказчиками, которые, повидимому, и вели дело по раз заведенному порядку. Однако, обычный порядок, рутина не всегда удовлетворял хозяйственным потребностям, выгодам хозяина, каким был сам царь. И потому, когда возникал хоть сколько-нибудь необычный, неповседневный хозяйственный вопрос, личное участие царя в его решении становилось необходимым и немедленно осуществлялось в действительности. Любопытным примером такого вмешательства верховной власти в хозяйственные подробности является, напр., следующий случай: в 1627 году курчане служилые и жилецкие люди просили избавить их от обязанности распахивать государеву десятинную пашню (т.-е. отбывать земледельческую барщину на царя) и предлагали брать с них за то оброк по 1000 четвертей ржи и 1000 ч. овса в год; дело было исследовано в Разряде, и думный дьяк Федор Лихачев докладывал царю, а царь изъявил согласие на просьбу жителей Курска [1]).

В наличности имелось обыкновенно довольно много свободных доходных казенных статей—пашен, сенокосов (пожень), озер, лесов и т. д. Эти земли и воды чаще всего эксплоатировались путем сдачи в аренду или на оброк, как тогда говорили. И если по заведенному, ранее существовавшему порядку, данное угодье сдавалось всегда на оброк, то подробности этой сдачи—размеры арендной платы, сроки и т. под.—определялись уже не верховной властью и не учреждениями, делившими с нею сферу ее непосредственной деятельности, а исполнительными органами. Примеров очень много в наших источниках [2]). Ограничимся приведением двух—трех типических случаев, выбрав их из разных моментов. В 1628 г. крестьянин Тотемского уезда Немиров просил дать ему на оброк поросшее лесом место; Приказ без государя решил: „дат грамота" [3]).

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгород. ст. Разряда, № 693, л. 79.

[2]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., св. 129, № 50, св. 133, №№ 22, 26, 29, 34, 37, св. 134, № 53 и др., св. 135, № 69, св. 154, № 91, св. 156, № 8, св. 160, №№ 85 и 92, св. 167, № 47, св. 169, № 84, св. 172, №№ 94, 107, 122, с. 173, № 142; Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прикл. д. ст. л., св. 28, № 16, св. 160, № 89 и т. д.

[3]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прикл. д. ст. л., св. 28, № 16.

В 1638 г. в Воронежском уезде также без всякого участия государя сдаются на оброк реки и рыбная ловля [1]). В 1647 г. крестьянину Сольвычегодского уезда Саранцыну пустой жеребий в деревне был сдан на оброк и на льготу писцами без обращения к верховной власти [2]).

Правда, бывали в этом отношении иногда и исключения, но они характерны именно потому, что как нельзя лучше подтверждают сделанные сейчас наблюдения. Дело в том, что иногда челобитчики по старой привычке обращались непосредственно к царю и по сравнительно меньшим делам, касавшимся сдачи в аренду оброчных статей. Тогда царь обыкновенно направлял дело в приказ или к воеводе, указывая, что им следует решить его окончательно. Так в 1636 г. белгородец Спесивцев взял на оброк в Хотмышской волости бортный ухожей, не описанный в оброчных платежных книгах, потому что раньше оброк с него не шел, и просил определить арендную плату в полуполтину в год; государь велел воеводе исследовать и решить дело окончательно [3]). Или, когда в 1635 г. Фомин просил царя дать ему на оброк пустошь в Великолуцком уезде, то царь поручил это дело всецело дьяку Пантелею Чирикову [4]). Таким образом исключения только подтверждают вывод, что сдача в аренду оброчных статей превратилась уже в обычную и совершенно самостоятельную функцию подчиненных учреждений.

Случалось, однако, что дворцовая или черная земля не предназначалась для ведения на ней хозяйства и не сдавалась в аренду. Тогда она обыкновенно раздавалась в поместное владение служилым людям разных чинов. Дача земли в поместье не только требовала хлопот со стороны лица, получающего поместье, которому приходилось подыскивать свободную землю, подавать челобитные, ходить по приказам, но, можно сказать, приводила в движение весь административный механизм того времени: посылались грамоты к воеводам, которые „обыскивали“ дело, проверяли данныя челобитной просителя, составлялись докладные выписки, выдавалась из приказа послушная грамота новому помещику, отправлялось распоряжение воеводе ввести помещика во владение поместьем, произвести, если то было нужно, „отдел“, т.-е. отграничение поместья от соседних владений и т. д. Перед подчиненной администрацией было открыто, таким образом, довольно обширное поле деятельности. Но все-таки самый существенный в юридическом отношении момент всей операции выходил из сферы ведения органов подчиненного управления: самый акт пожалования поместьем совершался всегда—и в 20-х, и в 30-х, и в 40-х годах—самой верховной властью [5]), и Поместный приказ только регистрировал факт, занося этот акт в особые книги „поместных дач“ [6]).

---

[1]) Моск. Арх. Мин, Юст., столбцы Белгород. стола, № 104, л. 579 и об.
[2]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 182, № 64.
[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белогород. ст. Разр., № 75 л. 88 и об.
[4]) Моск. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 76, № 57.
[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разряда, № 72, л. 102 и об.; столбцы Моск. стола Разр., № 6, л. 5 и об., № 157, столп. 2, л. 1 и об., № 229, л. 4 и об.; Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 37 № 38, св. 20, № 21 и т. д.
[6]) Моск. Арх. Мин. Юст., книги записные вотч. Пом. приказа, кн. $\frac{5989}{21}$ и $\frac{5990}{22}$

Земли жаловались государем не только в поместное владение, но также и в вотчинное, причем, как известно, пространство владельческих прав на пожалованные вотчины определялось текстом жалованной грамоты [1]). Понятно, что если пожалование во временное и условное, поместное владение исходило всегда непосредственно от государя, то таким же способом жаловалась земля и в полную, наследственную собственность со всеми или, по крайней мере, некоторыми правами пользования и распоряжения. Многочисленные свидетельства источников подтверждают это на каждом шагу [2]). Исключение представляют в этом отношении только пожалования дворов в городах: здесь обходились уже без утверждения и вообще без участия царя. Вот несколько примеров из целого ряда других. В 1637 г. царицын сын боярский Сновидов просил пожаловать его „порожжим" дворовым местом в Москве на Кисловке; приказ пометил на его челобитной: „будет то дворовое место порожжо, и ему то место дати" [3]). В 1619 г. стрелецкому сотнику Власьеву двор в Калуге на посаде был дан без государя: „дат грамота, велет дат"—решили в приказе для передачи об этом местному воеводе [4]). Бывали, правда, и исключения, приводившие к вмешательству царя, но это об'ясняется всегда особыми обстоятельствами: это или пожалование дворовых мест на посаде служилым людям, напр., драгунам и пушкарям [5]), или пожалование мест для осадных дворов, находившихся не на посаде, а в „городе" или крепости [6]), где необходимо было принимать во внимание слишком важные интересы—интересы военной обороны поселения, или, наконец, передача двора умершего служилого человека его дальним родственникам [7]).

Но и за раздачей земель на оброк и в поместья и пожалованием их в вотчину много еще оставалось свободной земли, остававшейся без всякой хозяйственной эксплоатации, лежавшей „впусте" и потому не приносившей дохода государевой казне. Чтобы такие земли не оставались бесплодными для последней, правительство прибегало к продаже „порожжей" земли в вотчину всем желающим ее купить служилым людям. Продавались в вотчину и поместные земли. Однако, такое отчуждение казенной земли не обходилось без участия государя. Доказательств много [8]).

[1]) См., напр., Акты Арх. Эксп., т. I, № 304; Акты, отн. до юридич. быта древней Рос., т. I, № 30, III; Доп. к Акт. Ист., т. V т. № 175.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. стола, № 279, л. 53 и об., № 289, л. 99 и об., № 292, л. 231 и сл., № 294, л. 66 и об., № 317, лл. 123—124, 144 и об., № 105, л. 5 и об., 415 и об., № 107, л. 156 и об., № 152, л. 24 и об., № 170, л. 283 и об., № 236, л. 872 и об. и т. д.; столбцы Моск. ст. Разр., № 8, л. 1 и сл., 31 и об., 94 и сл., № 120, л. 33 и об. и мн. др.

[3]) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы Оруж. пал. 7145 г., № 101.

[4]) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7127 г., № 154.

[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгород. стола Разряда, № 78, л. 345 и об., № 258, л. 78 и об.

[6]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. стола Разряда, № 190, л. 88 и об.

[7]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр. № 181, л. 5 и об.; Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л. св. 5, № 8.

[8]) Моск. Арх. Мин. Юст., книги запис. вотч. Помест. приказа, кн. $\frac{5979}{11}$, дела №№ 61 и 66, кн. $\frac{5981}{13}$, д. № 57, кн. $\frac{5985}{17}$, д. № 49, кн. $\frac{5986}{18}$, д. № 18, кн. $\frac{5998}{30}$, д. №№ 13 и 17, кн. $\frac{5999}{31}$, д. №№ 30 и 72.

Вот примеры: в 1643 г. Кутузову продано в вотчину его же поместье в Московском уезде „по государеву указу и по подписной челобитной за пометою думного дьяка Ивана Гавренева“ [1]). Или: „в приходных книгах продажных земель 144 году октября в 20 д. написано: по государеву имянному приказу за пометою думного дьяка Михаила Данилова продано в вотчину боярину князю Дмитрею Мамстрюковичу Черкаскому в Можайском уезде... ис порожжих земель“ бывшее поместье Ковалева [2]).

Наконец, поместные земли не только продавались в вотчину, но и жаловались даром. Это было не чем иным, как одним из видов награды за службу и за особые заслуги и, как все награды, исходило, разумеется, непосредственно от носителя верховной власти. Вот примеры: в 1627 г. государь за „осадное сиденье королевичева приходу“ распорядился наградить многих лиц пожалованием из поместий в вотчины [3]); тогда же о пожаловании землей из поместья в вотчину Тараканова „государь пожаловал, велел службу его выписать и доложить себя государя“, но и после этого Тараканову пришлось подавать еще другую челобитную на том основании, что „бес твоего государева имянного приказу тебя государя не доложат“, и лишь затем царь решил дело [5]).

II.

Развитие денежного хозяйства, даже первоначальное, постепенно превращает землю в товар, в предмет, обращающийся на рынке. Соответственно этому усилилась мобилизация земельной собственности, умножились случаи продажи, залоги, мены, дарения земли; в то же время земли передавались, как и прежде,—и даже больше, чем прежде, в виду увеличения размеров вотчинной земли,—по наследству, отдавались в приданое по рядным записям и т. д. Если раньше при полном господстве натурального хозяйства, когда мобилизация земельной собственности была ничтожна, и гражданские сделки с землей являлись редкостью, чувствовалась все-таки потребность в регистрации приобретаемых прав, в их нотариальном укреплении, то теперь эта потребность обострилась весьма сильно. Прежде можно было добиваться этого укрепления прав путем получения жалованной грамоты великого или удельного князя. Теперь уже невозможно было привлекать к участию в актах ежедневной действительности, как бы мелки они ни были, самое верховную власть. И потому старый порядок регистрации владельческих прав на землю путем жалованных грамот князей оказался несостоятельным, отошел в прошлое и был заменен другим.

Первые признаки нового порядка становятся заметными во второй половине XVI века. В указе 11 января 1558 года читаем: „купити вотчина, сыскивая и в тех книгах разсмотря, где вотчинныя купли и закладныя у которых диаков в книгах записаны“ [4]). Затем в купчих грамотах пре-

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., книги записные вотчин. Помест. приказа, кн. $\frac{2978}{10}$, д. № 37. [2]) Там же, д. № 44.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда, № 8, лл. посл. 31 и об. [5]) Там же, № 71, л. 1 и об.

[4]) Акты Историч., т. I, № 154, IX.

имущественно с восьмидесятых годов XVI века становится стереотипным обязательство продавца записать за покупателем вотчину в Поместном приказе [1]),—обязательство, прежде совершенно отсутствовавшее в этого рода актах. Наконец, от первой половины XVII века до нас дошел целый ряд так называемых „записных вотчинных книг“ [2]) Поместного приказа, при чем в сохранившихся книгах встречается указание, что они велись и в XVI веке, по крайней мере, в самом конце его, именно в 1600 году [3]).

Книги записные вотчинные и являются документами об укреплении недвижимой собственности. Каждое дело, внесенное в любую записную вотчинную книгу, начинается или прямо текстом челобитной, заключающей в себе просьбу о записи за известным лицом вотчины на основании представляемых документов, или указанием, что такого-то года, месяца и числа в Поместном приказе такие-то лица подали челобитные и такие-то документы, и что с документов снята копия, а подлинники отданы по принадлежности; затем уж следует текст челобитных. Вслед за челобитными в книги вносились копии документов, представленных в приказ челобитчиками в подтверждение их прав на ту землю, о записи которой за собою они просили. Потом помещалась выпись из писцовых книг по передаваемому имению. Затем следовало изложение содержания названной выше челобитной и, наконец, помета дьяка о решении дела и получении пошлин [4]). При этом в подавляющем большинстве случаев эта запись в книги, т.-е. нотариальное укрепление прав, производится решением только одного приказа, без участия верховной власти: везде мы встречаем пометы дьяков, что вотчина записана в записные книги [5]), и пошлины взяты, что надо вотчину „записать в книги“ [6]), „записать в вотчинные и записные книги“ [7]) и т. д.

Таким образом, книги записные вотчинные Поместного приказа дают ряд весьма важных свидетельств в пользу того, что нотариальное укрепление всякого рода сделок на землю сделалось еще во второй половине XVI в. неот'емлемой функцией подчиненной администрации.

Нередки, однако, были случаи, когда и верховная власть принимала непосредственное участие в этом юридическом действии. Необходимо правильно истолковать все эти случаи, чтобы составить себе верное представление об уровне развития административной техники в Московском государстве XVII века.

Прежде всего запись вотчины в записные вотчинные книги не могла быть произведена без указа царя во всех тех случаях, когда в Поместном приказе возникало сомнение в законности самой подлежащей утверждению сделки или, по крайней мере, оказывался пробел в законе, от-

---

[1]) См., напр., Моск. Арх. Мин. Юст., грам. кол. эк., Переясл. — Залесс. у., №№ 9015, 9021, 9024; Владимирск. у. №№ 3858, 3862 и т. д.

[2]) См. нашу статью «Книги записныя вотчинныя Поместного приказа»,— в «Исторических и социологических очерках», часть 2-я.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., книга записная вотчин. $\frac{5992}{24}$, дело № 2.

[4]) Исторические и социологические очерки, часть 2-я, стр. 308.

[5]) См., напр., Моск. Арх. Мин. Юст., книга записная вотч. Поместн. приказа — $\frac{5969}{1}$ л. 568 об. 569.

[6]) Там же, кн. $\frac{5970}{2}$, дело № 22, [8]) Там же, дело № 25.

крывавший простор для различных толкований. Вот типичный пример: в 1638 году княгиня Марья Хованская купила у Романа Боборыкина вотчину в Новгородском уезде и просила в Поместном приказе записать эту вотчину за нею; думный дьяк М. Данилов поместил на деле: „выписать из уложенья, ноугородцкие вотчины московским людем продают-ли и записывают-ли?“ В результате этой пометы получилась справка: „такова государева указу в указной книге нет“. Тогда думный дьяк пометил: „выписат в доклад“, и дело было решено государем: „государь пожаловал, велел ту вотчину записать“ [1]).

Затем в тех случаях, когда записи подлежал акт отчуждения земли, проданной ее собственнику из государевых „порожжих“ земель, — запись совершалась также по указу царя. Так, князь Хилков подарил дьяку Строеву купленную из порожжих земель свою вотчину в Московском уезде; в 1637 г. „государь пожаловал велел тое вотчину записать в книги“ [2]). То же самое повторилось в том же году при продаже Корсаковыми вотчины, купленной ими из порожжих земель [3]). В 1646 г. Соковнин купил у князя Шлякова-Чешского вотчину, купленную последним из поместных земель; дело было доложено государю, и он „поволил ему ту вотчину купит и в Поместном приказе в вотчинные книги записат велел“ [4]).

В 1638 г. по смерти князя Тимофея Долгорукого осталась выморочная вотчина, выслуга его тестя. Он завещал ее своему свояку князю Юрию Сицкому. Выморочные вотчины должны были отойти на государя. Поэтому, когда зашла речь о записи вотчины за Сицким, приказ доложил дело государю, и последний „приказал имянно“ записать землю за Сицким [5]).

Дальнейшим основанием личного участия царя в актах нотариального укрепления земельной собственности являлась чрезвычайная запоздалость просьбы о таком укреплении. Князь Д. М. Пожарский купил вотчину в Московском уезде деревню Высокую, но „за государевыми службами и своими частыми болезнями“ не успел записать ее за собой в Поместном приказе до самой своей смерти, а перед смертью завещал ее своей жене. Когда эта последняя стала просить записать за ней вотчину, то это было сделано только после доклада царю [6]). В 1635 г. Коковинский просил записать за ним вотчину, купленную им год тому назад и не записанную своевременно по случаю отправления в поход под Смоленск, и опять дело не обошлось без государя [7]).

Московские государи весьма внимательно следили за мобилизацией боярских вотчин: бояре стояли слишком близко к трону и играли слишком важную политическую роль, чтобы можно было этим пренебрегать. И потому запись отчуждаемых боярских вотчин производилась обыкновенно

---

[1]) Там же, кн. $\frac{5984}{16}$, дело № 41. [2]) Там же, кн. $\frac{5986}{18}$, дело № 18.

[3]) Там же, кн. $\frac{5987}{19}$, дело № 48. [4]) Там же, кн. $\frac{5996}{28}$, дело № 15.

[5]) Там же, кн. $\frac{5983}{15}$, дело № 150.

[6]) Там же, кн. $\frac{5978}{10}$, дело № 8. [7]) Там же, кн. $\frac{5981}{13}$, дело № 55.

с разрешения верховной власти: это было, например, с вотчинами князя Лыкова в 1641 г. [1]), князя Сулешова в 1643 г. [2]) и т. д. [3]).

Наконец, иногда приходилось записывать вотчины за иностранцами, и тогда также делался доклад царю. Так, в 1639 г. англичанин „часовнишной воденово взводу мастер Христофор Головей“ получил вследствие просрочки платежа по залогу вотчину в Боровском уезде, и в Поместном приказе пометили: „по государеву имянному приказу записат та вотчина в книги за немчином за Христофором Головеем [4]).

Таким образом, все исключения об'ясняются особыми, необычными условиями и свидетельствуют только лишний раз о том, что укрепление сделок на землю сделалось уже постоянной и самостоятельной функцией центрального подчиненного учреждения—Поместного приказа.

В Московском государстве XVI и XVII вв. правительство производило, как известно, статистические описания, переписи и дозоры земель. Для производства таких работ не было установлено каких-либо сроков, не существовало периодичности, так что все зависело от специального каждый раз распоряжения. Кем делалось это распоряжение? На этот вопрос можно дать категорический, вполне определенный ответ: произвести описание, перепись или дозор всегда предписывала верховная власть. Известно, что ею сделано было, например, распоряжение сначала о производстве дозора, а потом описания в 20-х годах XVII века, что переписные книги сороковых годов возникли таким же образом. Можно привести и другие примеры. В 1637 г. крестьяне Комарицкой волости, Устюжского уезда просили произвести у них дозор, так как после составления писцовых книг много земель в волости запустело; „государь пожаловал, велел выписать и доложить себя государя“; дело было выписано в доклад и решено самим государем согласно желанию просителей [5]). В 1641 г. в Устюге и в Устюжне посадские люди просили о производстве у них дозора вследствие крайней обременительности сошного оклада, произведенного писцами; в обоих случаях дело было решено по докладе царю [6]).

Межевание всякого рода земель и угодий обыкновенно производилось также лишь тогда, когда на его производство давал свое согласие сам царь. Так, в 1640 г. нововыезжие черкасы, стрельцы и ездоки просили о размежевании их пашен и сенокосов; „государь пожаловал, велел дат грамота“ [7]). В 1650 г. межеванье поместных дач отдельных служилых людей на Короче разрешил царь [8]). Тогда же государь определил отмежевать земли воронежских черкас от земель детей боярских [9]). Впрочем, в некоторых случаях в половине XVII в. наблюдается тенденция к передаче этого дела подчиненным учреждениям — приказам. Так, в 1649 г. осколяне, вновь поселенные на Осколе дети боярские, пожало-

---

[1]) Там же, кн. $\frac{5991}{23}$, дело № 68. [2]) Там же, кн. $\frac{5993}{25}$, дело № 78.

[3]) Там же, кн. $\frac{5993}{25}$, дело № 106; кн. $\frac{5996}{28}$, дело № 2.

[4]) Там же, кн. $\frac{5983}{15}$, дело № 90.

[5]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 89, № 18.

[6]) Там же, св. 123, № 29.

[7]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белогородск. ст. № 131, л. 141 и об.

Там же, № 317, л. 179 и об. [9]) Там же, № 314, л. 131 и об.

ванные поместьями по 20 четв. через межу (т.-е. черезполосно) со старыми детьми боярскими, ранее там жившими, чему составлены были и строельные книги, посланные в Разряд, жаловались, что старые помещики не дают им пашню пахать „и через межу с ними не делят“; они просили поэтому велеть „наши дачи от старых помещиков отмежевать или через межу разделит“; по этому поводу „государь пожаловал, велел указ учинить в Разряде“ [1]).

Верховная власть не только назначала описание, перепись, дозор, межевание и не только, как было в предыдущей главе показано, назначала писцов, переписчиков, дозорщиков и межевщиков, но и снабжала их инструкциями или наказами, издаваемыми в законодательном порядке. Это доказывается как текстами самих наказов [2]), так и другими данными: в указной книге Поместного приказа встречаем, например, доклад по вопросу, следует ли при описаниях одабривать дачи в поместья и вотчины из дворцовых земель, при чем вопрос этот решен в определенном смысле по указу царя и патриарха [3]).

За то все остальные операции, из которых слагались описания, переписи, дозор и межевание, — например, собирание „сказок“ населения, запись данных, проверка их, подсчет и т. д. — исполнялись уже всецело подчиненными властями и не требовали вмешательства и санкции верховной власти и органов высшего управления.

III.

Остается исследовать вопрос о порядке рассмотрения и решения спорных дел о земле, т.-е. поземельных тяжб. Правда, это в сущности входит уже, как часть, в вопрос об организации суда в Московском государстве, но все-таки необходимо теперь рассмотреть земельные споры отдельно от иных судебных дел, как по особо-тесной связи их с земельными делами вообще, так и в виду некоторых особенностей, им свойственных.

Весьма богатый материал поземельных тяжб, сохранившийся в наших источниках, не оставляет ни малейшего сомнения в том, что, по крайней мере, в XVII веке, если не раньше, установилось уже, как норма, рассмотрение и решение судебных дел, касающихся земли, подчиненными органами, а не верховной властью и не учреждениями, разделяющими с нею сферу ее непосредственной деятельности. Данных в этом смысле очень много [4]), и мы приведем лишь два-три примера на выбор. В 1627 г., во Владимирском судном приказе, без всякого участия царя и боярской думы, решено было спорное дело о земле между

---

[1]) Там же, № 310, л. 1 и об.

[2]) См., напр., Акты Арх. Эксп., т. IV, № 14.

[3]) Сторожев, Указная книга Поместного приказа, стр. 98—99.

[4]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 88, № 9, св. 92, № 46, св. 117, № 21, св. 130, № 68, св. 133, №№ 20 и 27, св. 141, № 75, св. 144, № 15, св. 152, № 69, св. 167, № 53, св. 172, № 91; Моск. Арх. Мин. Юст., книга запис. вотч. Поместн. приказа $\frac{5970}{2}$, дела №№ 22 и 23, кн. $\frac{5971}{3}$, д. №№ 1, 19, кн. $\frac{5975}{7}$, д. №№ 44, 45, кн. $\frac{5976}{8}$, д. № 23, кн. $\frac{5988}{20}$, д. № 32, кн. $\frac{5992}{24}$, д. №№ 2, 19, 35, и т. д.

Марией Андреевой и князем Урусовым [1]). В 1637 г. в Двинском уезде была без государя и думы решена воеводой поземельная тяжба [2]). В 1626 г. дело о спорной пашне между двумя крестьянами решено в Устюжской четверти без государя [3]). В 1618 г. приказ без государя и боярской думы разобрал судное вотчинное дело Якова Козловского с церковью в Великолуцком уезде [4]).

Соответственно такому общему порядку государь или боярская дума рассматривали поземельные тяжбы обыкновенно лишь во второй инстанции, по докладу подчиненных властей. Можно следующим, приблизительно, образом классифицировать мотивы или причины, вызывавшие доклад при поземельных тяжбах.

Прежде всего необходимо было докладывать спорное поземельное дело царю в том случае, если оказывался пробел в законе, делавший невозможным юридически-обоснованный приговор. Так, напр., в 1628 г. спорное дело Ромодановских было решено государем и патриархом по той причине, что закон не давал ответа, как поступать, если возникнет спор о вотчинах между сыновьями и дочерьми умершего; при этом приговору верховной власти сейчас же была придана форма общей юридической нормы, общего закона: „и вперед которые челобитчики учнут бити челом государем после отцов своих сыновья и дочери о вотчинах, и те вотчины указали давати сыновьям, а дочерям вотчин з братьею жеребьев давати не велели, покаместо братья их живы, а давати дочерям после отцов их из поместей на прожиток по своему государеву указу, и как братьи их не станет, и дочери тем вотчинам вотчичи“ [5]). Или: „в 1649 г. в Поместном приказе рассматривалось дело Караулова с Юшковым; Юшков, в подтверждение своих притязаний представил документ, — закладную кабалу, выданную мачехой Караулова на землю; Караулов не оспаривал подлинности этого документа, но утверждал, что денег его мачеха по нему не получила; Юшков утверждал, что деньги были выданы; оба сошлись на общей ссылке на мать Караулова, но суд не успел опросить последнюю, как она умерла. Тогда Поместный приказ решил справиться, нет ли по этому поводу какого-либо закона, и оказалось, что в указах не нашли решения вопроса, как быть, если „опчей правды не будет“. Тогда дело было доложено боярской думе, и „сее выписки бояре, слушав, приговорили: быть вотчине за Прокофьем Юшковым по крепости, а Григорью Караулову отказат, верит в том довелось крепости“ [6]).

Второй причиной перенесения дела к верховной власти являлась несправедливость судей или нарушение порядка судопроизводства. Так, в 1558 г., одно поземельное тяжебное дело было окончательно решено царем по жалобе одной из сторон на то, что судьи „неподельно“ начертили чертеж размежеванной земле [7]). В 1557 г. царь судил во второй инстанции Чулковых с Троицким Сергиевым монастырем по их спору

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., книга зап. вотч. Поместн. прик. № $\frac{5971}{3}$, д. № 1.
[2]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 89, № 21.
[3]) Там же, св. 18, № 11. [4]) Там же, св. 7, № 6.
[5]) Сторожев, Указная книга Поместного приказа, стр. 87—88.
[6]) Моск. Арх. Мин. Юст., книга запис. вотч. Поместного приказа $\frac{5999}{31}$, дело № 62.
[7]) Федотов-Чеховский, Акты, относ. до гражд. расправы, № 71.

из-за земли, и это произошло потому, что перед судьями „обыскные люди двои речи говорили“ [1]).

„В государеве цареве и великого князя Михаила Феодоровича всея Руси указе на челобитной резанца Ермолы Гвоздева, что он бил челом государю на диака Александра Дурова о закладной своей вотчине о повороте за пометою думного диака Ивана Гавренева нынешнего 143 году декабря в 22 д. написано: государь... пожаловал, сей челобитной слушав, указал досмотрет купчие: будет ту вотчину у него дьяк Александр Дуров купил под Смоленском, и та вотчина ему не крепка для того, что оне посланы были на государеву службу, не вотчин покупат, над государевыми недруги промышлят, и он за тем государевым делом не ходил и государево дело потерял; и та вотчина отдат ему Ермоле Гвоздеву безденежно; да и вперед воеводам и дьяком и всяким приказным людем на службах вотчин не покупат, а хто купит, и у того даром отимуть и отдадут тому, хто ее продал для того, что многие, будучи на службах, воруют, бражничают и для воровства вотчины на малые денги отдают; проворовав вотчину, и вперед государю не слуга будет; да и вперед Гвоздеву той вотчины не продават и не закладыват“ [2]). Этот любопытный текст свидетельствует, конечно, прежде всего, что неполнота закона и в данном деле могла быть одним из оснований решения дела царем. Но здесь есть и некоторое другое основание — явная недобросовестность сделки, хотя и обоснованно документальной. Это третий мотив передачи спорного дела о земле на рассмотрение верховной власти.

Существовал, наконец, и четвертый — сложность и запутанность дела как по причине некоторых внешних обстоятельств, так и в особенности по внутренней его сущности. Так, в 1628 г. князья Морткины и Вельяминов пред'явили иск о вотчине к князьям Прозоровским; дело было само по себе запутано и сложно, но оно еще более осложнялось вследствие того, что в московском пожаре 1626 года сгорели документы, касавшиеся этого дела и давшие возможность Прозоровским раньше его выиграть. Понятно, что дело было доложено государю и патриарху, и они решили его в пользу Прозоровских [3]). Запутанные и сложные дела вообще обыкновенно докладывались царю [4]).

Этот анализ мотивов или причин, приводивших к пересмотру и решению дела верховной властью или органами высшего управления, на ряду с отмеченным уже выше рядом фактов, указывающих на обычный разбор спорных поземельных дел в первой инстанции подчиненными органами власти, свидетельствует о том, что и в этой области старый хаос в первой половине XVII века стал сменяться некоторым порядком, и что подчиненные учреждения усвоили себе и здесь определенный и самостоятельный круг деятельности.

---

[1]) Там же, № 70.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., книга запис. вотчин. Поместного приказа $\frac{5991}{23}$, дело № 24.

[3]) Сторожев, Указная книга Поместного приказа, стр. 85—87.

[4]) Русская Историч. Библ., т. XII, А. № IV; Моск. Арх. Мин. Юст., книга запис. вотч. Поместн. прик., $\frac{5987}{19}$, дело № 67; кн. $\frac{5991}{23}$, д. №№ 12 и 41, кн. $\frac{5994}{26}$, дело № 6 и т. д.

Такое заключение еще более утвердится, если обратить внимание на случаи, когда поземельные тяжбы в первой инстанции разбирались царем. Такие случаи бывали, но, во-первых, не часто, во-вторых, по особым обстоятельствам, и в третьих, чем позднее, тем чаще сопровождались передачей дел на решения подчиненных учреждений: царь сам стремился направить дела, к нему попадавшие, в обычное русло.

Особым обстоятельством была, напр., дача вотчины в монастырь, особенно тайком от родственников. Понятно, почему тут дело поступило прямо к царю: такая дача земель в монастырь с половины XVI века большею частью не могла совершаться без согласия царя. Поэтому мы видим, что в 1559 г. царь судит дело Фоминых с окольничим Андреем Квашниным о том, что последний отдал тайно в Кириллов монастырь свою московскую вотчину [1]). Вследствие такого именно особого положения земель, приобретаемых монастырями, дело о выкупе Лошаковым заложенной в Алексеевский монастырь в Угличе его вотчины докладывалось в 1627 г. царю и патриарху и было решено ими [2]).

Особым обстоятельством надо признать и то, которым сопровождалось одно дело 1645 года. Загоскин обвинял Поздеева в том, что он „на дмитровскую и ярославскую вотчины наредил и подписал и потпечатал воровски твою государеву грамоту“. Подделка царской грамоты неизбежно вызывала рассмотрение дела самим царем. Так и было в данном случае, который впрочем — кстати сказать — кончился для виновного благополучно: Поздеев сам признал, что произвел подделку „зглупа“, и царь „велел ему вину отдать“ [3]).

В общем однако, как только что было уже указано, царь в тех случаях, когда, по старой привычке не различать инстанций, обращались непосредственно к нему, не рассматривал и не решал дела сам, а передавал его для суда и постановки приговора в какое-либо подчиненное учреждение,—в тот или иной приказ или даже к воеводе. Так, в 1627 г. к царю обратился целый ряд лиц с претензиями на прожиточное поместье только что умершей Ульяны Ситиной; не решая дела сам, царь передал его в Поместный приказ и велел „учинить указ по своему государеву указу и по уложенью“, т. е. по общему закону [4]). То же самое видим по делу о вотчине Нелидовых в 1631 г. [5]), о земле Чеглоковых в 1641 г. [6]), об имении Ржевских в 1651 г. [7]). В 1638 году вдова убитого татарина Ишеева просила пожаловать ее с пятилетним сыном частью поместья мужа, которое все целиком получено братом мужа, обвиняющим ее неосновательно в мужеубийстве; царь не стал сам решать дело, а передал его в приказ, — „велел указ учинить по уложенью“. Когда в 1647 г. возник спор о земле между ольшанскими черкасами, то государь велел местному воеводе „раз'ехать и разверстать“ спорные земли [8]).

---

[1]) Федотов-Чеховской, Акты, отн. до гражд. расправы, т. I, № 74.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., кн. запис. вотч. Пом. прик. $\frac{5972}{4}$, д. № 58.

[3]) Там же, кн. $\frac{5994}{26}$, д. № 6.

[4]) Там же, кн. $\frac{5973}{5}$, д. № 63.

[5]) Там же, кн. $\frac{5976}{8}$, д. № 20.

[6]) Там же, кн. $\frac{5978}{10}$, д. № 42.

[7]) Там же, кн. $\frac{6000}{32}$, д. № 2.

[8]) Моск. Арх. Мин. Юст., ст. Белгороде, стола Разряда, № 219, л. 267 и об.

Если теперь резюмировать все сказанное выше о деятельности верховных и подчиненных органов государственной власти в отношении к землевладению, то придется формулировать следующий вывод: органы подчиненного управления в первой половине XVII века, отчасти и раньше, успели сосредоточить в своих руках самостоятельное заведывание хозяйством на дворцовых землях, поскольку оно шло нормальным, обычным порядком, сдачу на оброк разных доходных статей на черных землях, передачу свободных дворов на посадах, нотариальное укрепление владельческих прав на землю, исполнительную деятельность по производству статистических описаний и межеваний земли и разбор поземельных тяжб обычного характера.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Финансовые функции верховного и подчиненного управления.

I.

Если земля в эпоху натурального хозяйства является главной, почти единственной ценностью, имеющей значение в экономической жизни страны, то, с зарождением денежного хозяйства, наряду с ней выдвигается денежный капитал. Соответственно этому и в государственном хозяйстве денежные налоги и денежные расходы начинают играть все более видную роль. Этим вызывается и развитие техники финансового управления.

В литературе по истории государственного хозяйства Московской Руси хорошо выяснены вопросы о том, как шло развитие русского бюджета, окладных единиц и окладов отдельных податей в XVI и XVII веках. Установлено также, что царь, боярская дума и земские соборы, т.-е верховная власть и высшие учреждения, все время сосредоточивали в своих руках всю нормативно финансовую деятельность [1]), так что ни установление сметы доходов и расходов, ни введение новых налогов, ни определение их окладов; ни, наконец, установление и изменение окладных единиц не входили в компетенцию подчиненных органов управления — центральных и областных. Мы не будем поэтому останавливаться на этих хорошо освещенных исследованием явлениях.

Необходимо обратить некоторое внимание в этом отношении только на два стоящих в связи с этим явления,—на сдачу на откуп некоторых налогов и на финансовые льготы и облегчения.

Находящийся в нашем распоряжении материал позволяет сделать вывод, что отдача тех или других казенных сборов на откуп „из наддачи“ (т. е. с прибавкой против прежней откупной суммы) или без наддачи производились, по крайней мере с тридцатых годов XVII века, подчиненными учреждениями — приказами, без всякого вмешательства верхов-

[1]) См. особ. Лаппо-Данилевский, Организация прямого обложения в Московском госуд.; Милюков, Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в.; Милюков, Спорные вопросы финансовой истории Московского государства.

ной власти и высших учреждений. Так, еще в 1620 году кабацкие и таможенные сборы в Новгороде-Северском были отданы на откуп путивльцу Резинкову самим царем[1]). Но в 1630 г. кабак в Алексине отдан на откуп без государя[2]). То же наблюдается по отношению к таможенным и кабацким сборам в городах, подведомственных Устюжской четверти, в тридцатых[3]) и сороковых[4]) годах. Кабак из наддачи был отдан без государя еще в 1624 году в Волоколамске[5]). В том же году посадский человек города Коломны Головин просил дать ему на откуп из наддачи баню, перевозы на Москве реке, квас, пролубное и поплашное, и в приказе, не докладывая государю, пометили: „дат из наддачи“[6]). Таким же путем сдано было в 1625 году на откуп право держать „на кружечном дворе про питухов чарки и плошки, и калачи, и яйца, а в постные дни сельди“[7]).

Но таможенные, кабацкие и другие более мелкие сборы не всегда, как известно, отдавались на откуп,—они иногда сбирались „на вере“—через выборных от насилия, или через отдельных лиц, на то вызвавшихся и обязанных присягой отдавать в казну всю выручку от продажи вина и сбора таможенных пошлин. Такая сдача на веру производилась также без участия верховной власти приказом в тех случаях, когда и раньше сбор был на вере: таким именно образом были, напр., отданы на веру таможенные доходы в Твери в 1640 году[8]). Все это вполне понятно и естественно: подчиненная администрация действовала тут, не нарушая установившихся порядков, по раз заведенному обычаю, только повышая по возможности доходы государства.

Совершенно другое положение получалось тогда, когда ставился вопрос о переходе от „верной“ службы к откупной системе или наоборот: тогда государственная власть выступала уже в более активной, творческой роли, менялась самая система получения казенных доходов. И потому в этих случаях без участия царя не могли обойтись,—делался доклад государю. Вот примеры. В 1630 году Трифон Иванов, указывая, что откупщики Юрьево-польского кабака спаивают народ, просил отдать ему этот кабак на веру, обещая в то же время прибыль в 50 руб. в год; „государь указал тот кабак отдати тому Трифонку“[9]). Когда в 1613 г. новоторжские дворяне и дети боярские просили перевести тамгу и кабак с откупа на веру, то „государь пожаловал, велел выписав доложит бояр“[10]). Точно так же сам царь разрешил перейти от „верной“ системы к откупной в Сольвычегодске в 1636 г.[11]) и в Рузе в 1646 г.[12]).

Совершенно понятно, наконец, что когда отдавалась на откуп иностранцам вывозная торговля каким-либо товаром, то необходим был доклад государю тем более, что в таких случаях обыкновенно разные ино-

[1]) Моск. Арх. Мин. Имп. Дв., столбцы 2-го разр. Оруж. пал. 7129 г., № 32.
[2]) Там же, 7138 г., № 59.
[3]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 53, № 80, св. 106. № 38.
[4]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 134, № 58, № 75, св. 144, № 16.
[5]) Моск. Арх. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7132 г., № 26.
[6]) Моск. Арх. Имп. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7132 г. № 20.
[7]) Там же, 7133 г., № 34.
[8]) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал. 7148 г., № 27
[9]) Там же, 7138 г., № 59.
[10]) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7121 г., № 83.
[11]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 86, № 68.
[12]) Там же, св. 173. № 142.

странные купцы конкурировали между собою. В 1639 г. английский дворянин Дигби просил дать ему на откуп вывозную торговлю смолой, которую до того времени откупали голландцы; государь велел дать с доклада ему на откуп эту торговлю тому, кто больше наддаст [1]).

Разного рода финансовые льготы и облегчения относятся ближайшим образом к нормативно-финансовой деятельности государственной власти и в то же время могут весьма чувствительным образом отразиться на состоянии денежных средств казны. Понятно поэтому, что они невозможны без доклада верховной власти, что засвидетельствовано данными наших источников. И в XVI и в первой половине XVII в. мы видим, как сам царь освобождает от уплаты мыта, [2]) избавляет на определенный срок (напр., на год) от взноса всех податей [3]), слагает пошлины при записях вотчин в книги записные вотчинные Поместного приказа [4]), разрешает беспошлинно курить вино [5]), освобождает от уплаты денег за даточных людей [6]), от постоя стрельцов [7]), от взыскания даточных людей [8]), от взноса начетных [9]) и недоборных [10]) денег, от уплаты пошлин [11]). Царь сам отсрочивает платеж недоборных откупных денег [12]), переносит в другое место платеж таможенных сборов [13]), облегчает сбор посошных людей [14]) и т. д. и т. д. Надо однако заметить, что и в этой сфере в XVII в. наблюдается тенденция к передаче менее важных дел в ведение подчиненных учреждений. На это указывают следующие два характерных примера. В 1627 г. приказ без государя дал ржевичам посадским людям отсрочку на 8 дней в платеже „четвертных и земленых оброчных денег“ [15]). Без государя-же дана в 1645 г. Беликову отсрочка в платеже доимочных денег за даточных людей [16]).

II.

Хорошо известно, как производились раскладка и сбор податей в Московском государстве XVI и XVII веков [17]). Известно, что эта сто-

[1]) Там же, св. 103, № 7. [2]) Акты Историч., т. I, № 143.
[3]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 29, № 52.
[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., кн. зап. вотч. Пом. пр. $\frac{5969}{1}$, л. 287 об. и сл., кн. $\frac{5970}{2}$, д. №№ 18, 20, 21, кн. $\frac{5971}{3}$, д. №№ 3, 4, 11, 29, 30.
[5]) Моск. Арх. Мин. Ин. Д. прик. д. ст. л. св., 156, № 15.
[6]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда № 840. ст. I, л. 229 и об. и др.; Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 83. № 83, № 32, св. 99, № 49, св. 100, № 56, св. 101, № 62, св. 112, №№ 65, 68, св. 134, № 48, св. 137, №№ 14 и 15 и т. д.
[7]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 30, № 63.
[8]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 37, № 38.
[9]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 7, № 2.
[10]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 73, № 11.
[11]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 27, № 68, св. 33, № 74; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новг. ст. Разр., № 58, л. 467 и об., № 93, л. 31 и об., № 294, л. 89 и об.
[12]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал. 7157 г. № 31; Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 57, № 66.
[13]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. д. пр. д. ст. л.; св. 19, № 15.
[14]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. д. пр. д. ст. л., св. 63, № 37.
[15]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. д. прик. ст. л., св. 27, № 76.
[16]) Там же, св. 159, № 64.
[17]) Лаппо-Данилевский, Организация прямого обложения в Московском госуд; Милюков, Спорные вопросы финансовой истории Моск. госуд.

рона дела тогда уже совершенно не привлекала непосредственного внимания верховной власти и высших учреждений, которые только устанавливали в этом отношении законодательные нормы, не вторгаясь в исполнительную деятельность.

Спрашивается теперь: требовался ли непременно по поводу каждого дохода, получаемого казной, специальный доклад царю или боярской думе? На этот вопрос по крайней мере для XVII века, надо ответить категорическим отрицанием. Вот ряд доказательств того, что приказы ограничивались приемом денег и их записью в книги, не обращаясь ни к царю, ни к думе. В 1628 г. были присланы в Разряд деньги за городовое дело из Калуги, судебные пошлины из Лебедяни, — таможенные и кабацкие сборы из Воронежа, и в приказе была сделана помета: „записать в приход“ [1]).

В 1626 г. такими же пометами сопровождался прием в Устюжской четверти денег „за кабацкий двор и за суды“ (т. е. посуду) с одного кабака в Дмитровском уезде, судебных пошлин из Бежецкого Верха, оброчных, пищальных и кормовых денег из Устюжны, оброчных и стрелецких денег из Чаронды и четвертных денежных доходов с Можайска и Тотьмы [2]). „Мед на дворец, отписка в стол“ или „отписка в стол, деньги на приход“—помечали в 1621 — 22 г. при получении доходов с Архангельска, Вологды, Каргополя, Холмогор, Нижнего-Новгорода, Вятки, Колы и других городов [3]). Подобные же явления наблюдаем в той же Устюжской четверти в 1629 [4]) и 1635 [5]) годах. „Деньги принять и в приход записать“, помечают в приказе в сороковых годах при получении таможенных доходов из Печерников [6]), оброка с дворов из Калуги [7]) и Мценска [8]), четвертных доходов из Белева [9]). В 20-х годах приказ Большого дворца без доклада государю принимает деньги за печатные книги, проданные на Двине и в Вятке [10]). Таким же образом производится прием самоедской дани из Пустозерска в 1631 г. [11]) и т. д.

Ясно таким образом, как прочно сложилось ведомство центральных подчиненных учреждений по части приема различных доходов, получавшихся государством в первой половине XVII века. Верховная власть к этому времени уже совершенно перестала вмешиваться в действия приказов в данной сфере.

III.

Совершенно иначе, гораздо сложнее и многообразнее, складывались отношения между верховным и подчиненным управлением в деле заведывания государственными расходами.

Здесь прежде всего следует остановить внимание на выдаче жалованья. Со второй половины XVI века жалованье по установленным окладам выдавалось, как известно, двумя способами: четвертчики брали его из

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр., № 28, л. 83 и об., 115 и об., 127 и об.
[2]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 18, № 2.
[3]) Там же, св. 9, № 17. [4]) Там же, св. 38, № 54. [5]) Там же, св. 77, № 76.
[6]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7155 г. № 4.
[7]) Там же. 7155 г., № 5. [8]) Там же, 7156 г., № 12. [9]) Там же, 7158 г., № 63.
[10]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Оруж. пал., 7135 г. №№ 26, 28.
[11]) Там же, 7139 г., № 22.

четвертей ежегодно, а остальным служилым людям, „емлющим жалованье с городом“, оно выдавалось через два-три года [1]). Кем в каждом из этих двух случаев делалось распоряжение о выдаче жалованья?

Жалованье XVI и XVII веков было действительно, в буквальном смысле этого слова, „жалованьем“, особым актом пожалования со стороны верховной власти, а вовсе не регулярной выдачей обычного вознаграждения, повторяемой всегда в определенные сроки. Это особенно справедливо по отношению к жалованью „с городом“, не четвертному. Характерен следующий пример: в 1635 году бывший подьячий стародубской съезжей избы Дружинин, служивший раньше в Стародубе и получавший жалованье по 12 р. в год, 12 четв. ржи и 12 ч. овса, но ушедший оттуда при взятии города литовцами, просил определить его в подьячие в Орел и выдать ему жалованье; на его челобитной значится следующая помета: „государь пожаловал, велел быть на Орле, а не показав службы, жалованье не дают“ [2]).

Итак для того, чтобы получить жалованье по установленному окладу, служилый человек должен был „показать службу“. Следовательно, выдача жалованья являлась следствием оценки этой службы высшей властью. Впрочем это не было единственным и постоянным основанием для выдачи жалованья. Случалось, что жалованье выдавали и по другим причинам, — вследствие болезни, пожара, разорения и т. д. Например, в 1632 г. сторожу Галицкой чети Родивонову его жалованье было дано по случаю пожара его двора [3]).

В виду всего этого не удивительно, что служилые люди, „емлющие жалованье с городом“, т. е. не каждый год, получали его обыкновенно не иначе, как с доклада государю. Участие в этом верховной власти засвидетельствовано множеством мест в наших источниках [4]). Приведем только один типический пример: в 1616 г. жилец Даев был послан на службу в Калугу с воеводой князем Троекуровым, а жалованьем он, как жилец, еще пока не был верстан, „и мои денги з городом по десяти рублев“; он спросил выдать ему жалованье из калужских доходов; „государь пожаловал“, велел выдать [5]).

Точно также часто и четвертчики получали свое ежегодное жалованье не иначе, как во особому каждый раз указу самого царя. Вот примеры. В 1616 г. жилец Жеребятичев просил за смоленскую службу „четвертные мои денжонки пятнадцат рублев выдати“, и это „государь пожаловал“ [6]). В 1614 г. государь велел выдать князю Федору Борятинскому его жалованье „четвертной оброк“ [7]). В 1630 г. царь сам указал выдать жалованье Пестрикову, получавшему его „ежегодь из Устюжской чети“ [8]).

---

[1]) Сторожев, К Вопросу о четвертчиках,—в Журнале Мин. Нар. Просв. за 1892 г., январь, стр. 197, 205—206.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр., № 65, л. 166 и об.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7140 г., № 1.

[4]) Акты г. Юшкова, № 264; Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, ст. 2-го разр. Оруж. пал., 7127 г. № 15; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр. № 901, л. 19 и др., 65 и об., № 1002, лл. 163 и об., 258 и об., Моск. Гл. Арх. Мин. Ин., Д., пр. д. ст. л., св. 7, № 2, св. 69, № 75, св. 71, № 95, св. 74, № 26, св. 75, № 46 и т. д.

[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 901, л. 65 и об.

[6]) Там же, л. 50 и след.

[7]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7122 г. № 11.

[8]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал. 7139 г., № 5.

Надо, однако же, заметить, что довольно рано служилые люди высших разрядов, занимавшие важные должности по центральному и областному управлению и получавшие жалованье „из чети“, стали снабжаться этим жалованьем без участия государя, путем простого распоряжения соответствующего приказа. Так от 1616 года дошла до нас челобитная о жалованье князя Петра Мосальского, назначенного воеводой в Романов; на этой челобитной имеется помета: „князю Петру княж Володимерову сыну Клубкову-Мосальскому в Галицкой четверти в Кормленной книге прошлого 126 году написан оклад 92 рубли“ [1]). В том же году Хатунский, назначенный осадным головой в Коломну, просил выдать жалованье, заявляя, что он „емлет из четверти девет рублев“, и приказ без государя решил: „дат грамота х кабацкому голове, велет дат денги, как в зборе будут“ [2]). Понятно, что когда позднее воеводы обращались к царю с просьбами о выдаче им жалованья, получаемого ими из четверти, то он не вмешивался сам в дело, а передавал его в приказ. Когда в 1627 г. брянский воевода просил выдать ему жалованье, „государь пожаловал, велел выписат, как прежним воеводам давано жалованье, по тому и ему учинит“ [3]).

Но не только четвертчики, а и многие служилые люди менее высоких чинов, „емлющие с городом“, по мере приближения к половине XVII века стали получать жалованье все чаще без прямого участия государя: он или передавал это дело в отдельных случаях на усмотрение подчиненных учреждений, или эти учреждения—приказы—сами непосредственно его решали. Раньше всего и чаще всего это замечается по отношению к тем, кто служил по центральному управлению и дворцовому ведомству. Так, сторожам Владимирской и Галицкой четей и под'ячим Владимирской четверти в тридцатых и сороковых годах жалованье выдается уже без государя [4]). То же можно повторить о сторожах Казенного приказа [5]), завязочных мастерах, бобровниках и мочильщиках [6]), портных мастерах Казенного двора [7]), посошниках Казенного двора [8]), царицыных детях боярских [9]), золоных мастерицах [10]), портомоях [11]) и т. д. в сороковых годах.

Наконец, к концу изучаемого нами периода и рядовые провинциальные служилые люди и при том даже служилые люди по прибору начинают получать жалованье без доклада государю; по крайней мере, царь усваивает привычку передавать дела о выдаче им жалованья в руки центральных подчиненных учреждений. Так, в 1649 г. на челобитной карповских драгун о жалованьи находим помету: „думным дияком Ивану Гавреневу да Семену Заборовскому да дияку Григорью Ларионову. Государь пожаловал велел указ учинит“ [12]).

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы 2-го разряда Оруж. пал.,7127 г., № 7. [2]) Там же, 7127 г., № 77.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. ст. Разр., № 48, л. 66 и об.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. ст. Разр., № 91, л. 16 и об.; Моск. Арх. Мин. Имп. Дв., ст. 2-го разр. Ор. пал., 7140 г., №№ 53 и 59, 7144 г., № 19, 7144 г., № 15, 7149 г., №№ 5 и 6, 7155 г., № 42.

[5]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Оруж. пал., 7158 г., № 109, 7153 г., № 55.

[6]) Там же, 7148 г., № 23, № 24. [7]) Там же, 7148 г., № 25.

[8]) Там же, 7148 г., № 28. [9]) Там же, 7150 г., № 12.

[10]) Там же, 7150 г., № 39. [11]) Там же, 7150 г., № 54.

[12]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр., № 78, л. 181 и об.

Разобранные выше факты выдачи жалованья относятся к постоянному, выдаваемому по окладу, регулярному жалованью, к жалованью „в оклад", как тогда выражались. Но бывали весьма часто случаи, когда служилые люди получали жалованье „в приказ, а не в оклад" [1]), т.-е. им делались лишь единовременные выдачи, не имевшие значения постоянных дач. A priori можно сказать на основании предыдущего, что в этом случае дело не обходилось, по крайней мере, большею частью, если не всегда, без личного решения его государем. И источники подтверждают такое априорное заключение: мы видим, что московский царь выдает сам единовременные награды своим слугам не только дворцовым, но и государственным [2]), жалует им деньги „на дворовое строенье" (на постройку дворов) [3]), на платье [4]), на помин души усопших родственников [5]), выдает „селитебный хлеб" [6]) и т. д. Характерно, однако, что и здесь к пятидесятым годам XVII века проявляется тенденция к поручению некоторых дел подчиненным органам управления. Так, особое жалованье за постройку нового города (т.-е. укреплений) в 30-х и 40-х годах XVII в. выдавалось обыкновенно по личному распоряжению царя [7]). Но в 1650 г. наблюдаем следующий любопытный факт, являющийся несомненным зародышем новых, начинающих слагаться порядков: жители города Вольного просили дать им особое жалованье за постройку острога; „государь пожаловал, велел указ учинит в Розряде" [8]).

Московское правительство, по вполне понятным причинам, чрезвычайно ревниво относилось к денежным средствам, находившимся в его распоряжении. Этим об'ясняется то, что в подавляющем большинстве случаев все остальные расходы—центральных и областных учреждений—производились по указу носителя верховной власти.

Приказы не могли произвести ни одного сколько-нибудь значительного расхода без разрешения царя. Так, в 1633 г. „государь указал послат память, а взят денги в Поместном приказе на жалованье полским городом на 5000, что им дат жалованья" [9]). Подобное же распоряжение о выдаче денег из приказа на жалованье служилым людям в г. Волуйках встречаем в том же году [10]). В 1638 г. курский воевода Данило Яковлев писал, что ему было велено купить в Куреке рогожных кулей для ссыпки и хранения в них муки, предназначенной для войска, и взять для этого денег из курских неокладных доходов, но денег этих у него мало; „государь указал послат к Данилу денег" [11]).

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Оруж. пал., 7133 г., № 132.

[2]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Оруж. пал., 7156 г., № 4; 7151 г., № 14, 7125 г., № 3, № 5, № 65, № 81, 7127 г., № 1, № 10 и т. д.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр. № 181, л. 27 и об., № 219, л. 102, № 242, л. 216 и об., № 268, л. 502 и сл., № 274, л. 203 и сл., № 285, л. 54 и об. и мн. др.

[4]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 108, № 43. Моск. Арх. Мин. Имп. Дв., столбцы Оруж. пал., 7142 г., № 332, 7144 г., №№ 48, 25, 23, 7150 г., № 43.

[5]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал, 7144 г. № 5, № 3.

[6]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр., № 158, л. 89 и об., № 3. лл. 1 и сл., 137 и об., № 104, л. 311 и об. и т. д.

[7]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр., № 37, л. 277 и сл.

[8]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр., № 304, лл. 353—354.

[9]) Там же, № 60, л. 331. [10]) Там же, л. 369 и об.

[11]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разряда, № 110 л. 27 и об.

Последний факт показывает, что и областные власти — воеводы — расходовали имевшиеся в их распоряжении деньги обыкновенно по царскому указу. Еще более ярким свидетельством о такой сильной зависимости воевод от верховной власти в данном отношении является следующее наблюдение: в 1629 г. путивльский воевода сообщал о доходах и расходах в Путивле за год, при чем указал, что с путивльских бортников следовало получить еще за мед некоторую сумму, которая и расходовалась обыкновенно на месте, но в нынешнем году приказ Большого Дворца вытребовал эту сумму себе; от этого может оказаться в Путивле дефицит; дело не обошлось без государя: Разряд решил „выписат в доклад о денгах, откуда за мед денги имати указано и колко денег“ [1].

В 1629 г. для казенных нужд взяты были у воронежских служилых людей подводы. Уплата денег за эти подводы произведена была с доклада царю [2].

Когда для казны покупался хлеб, расход на эту покупку всегда производился с утверждения государя. Так было, напр., в 20-х и 30-х годах при покупке хлеба для Кольского острога [3], в 1630 году в Путивле [4], в 1640 г. на Усерде [5] и т. д.

Так как денежное хозяйство едва зарождалось, то для финансов государства весьма большое значение имели не одни деньги, а и всякого рода запасы натурой, которыми (напр., хлебом) выдавалось жалованье и которые рассылались в разные места и учреждения непосредственно для удовлетворения их потребностей. Расходование всех этих натуральных запасов в сколько-нибудь значительных размерах производилось в подавляющем большинстве случаев опять-таки с утверждения главы государства. Напр., так называемый донской отпуск, т.-е. посылка хлеба на Дон на жалованье донским казакам, производился всегда с доклада царю [6]. В 1640 г. о расходе хлебных запасов в Хотмышске на жалованье московским стрельцам было „написано в доклад“, и государь решил дело [7].

Починка и постройка разных казенных зданий вызывала расходы, также нуждавшиеся в санкции царя: примером могут служить починки на большом посольском дворе в Москве, произведенные в 1643 году [8].

Даже такие мелочи, как починка вестового колокола в Воронеже в 1630 г., восходили до государя [9].

Впрочем и здесь по мере приближения к половине XVII в. наблюдается иногда тенденция к развитию большей самостоятельности подчиненных органов администрации. Вот два характерных примера, показывающих, что мелкие расходы стали производиться без доклада царю. В 1647 г. сторожа Устюжской четверти просили, по примеру прошлых лет, выдать им свеч и ладону к образам в помещении приказа;

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. № 248—252.
[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгород. ст., Разр., № 37, л. 276 и об.
[3]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 36, № 34.
[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 68, л. 69 и об.
[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгород. ст., Разр., № 121, л. 557 и об.
[6]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст., № 908, л. 47 и об., № 141, лл. 44—46 и др.
[7]) Там же, № 132, лл. 99—100.
[8]) Моск. Гл. Ар. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 140, № 70.
[9]) Моск. Арх. Мин. Юст. столбцы Моск. стола Разряда, № 58, л. 92 и об.

приказ без государя распорядился выдачей [1]). В 1649 г. воевода города Бобрика просил прислать ему писчей бумаги, и это исполнено приказом без доклада царю [2]).

Предшествующее изложение дает нам таким образом право следующим образом формулировать соотношение между верховной властью и подчиненным управлением в финансовых делах, поскольку это соотношение сложилось к половине XVII века: подчиненные учреждения приобрели право отдачи казенных сборов на откуп и сдачи их на веру в тех случаях, когда откупная или „верная" система существовали уже в данной местности и не требовалось перехода от одной из них к другой; они-же отсрочивали на непродолжительное время платеж податей, получали все доходы государства, выдавали обычное жалованье служилым людям высших разрядов и важнейшим должностным лицам по центральному и областному управлению, а также дворцовым слугам, наконец, производили и другие расходы, если они были невелики по размерам.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Соотношение верховных и подчиненных органов власти в области суда.

I.

Судебные дела доходили в Московском государстве до верховной власти тремя способами,—посредством обращения челобитчиков к государю непосредственно, в первой инстанции, посредством доклада подчиненных органов власти и, наконец, путем подачи жалобы одною из тяжущихся сторон на решение судьи. О последнем способе и вытекавших отсюда последствиях мы будем говорить позднее, при рассмотрении вопроса о надзоре и контроле над деятельностью властей в Московском государстве. Вопрос о докладе и причинах, его вызывавших, хорошо выяснен в литературе [3]). Поэтому теперь у нас речь пойдет лишь о суде царя и боярской думы в первой инстанции.

Надо прежде всего заметить, что конец изучаемого периода принес определенное законодательное запрещение обращаться к государю с прошениями по судебным делам, минуя приказы.

По этому поводу Уложение 1649 года содержит в себе следующее постановление: „не бив челом в приказе, ни о каких делех государю никому челобитен не подавати" под страхом наказания батогами или тюремным заключением; государю челобитчик может бить челом лишь в том случае, если „ему в приказе суда не дадут, или против его челобитья указу ему не учинят" [4]). Это, несомненно, весьма важное постановление, указывающее, что, по крайней мере, юридически, если не факти-

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 176, № 12.
[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгород. ст. Разряда, № 877, л. 123 и об.
[3]) См. особ. Дмитриев, Сочинения, т. I.—История судебных инстанций.
[4]) Уложение, X, 20.

чески, утверждено было отделение судебных функций подчиненных органов власти от судебной деятельности царя. Нам предстоит исследовать, как практика подготовляла такое отделение и поскольку оно фактически осуществлялось. Эту задачу лучше и удобнее всего разрешить, рассматривая подробно организацию разбора и решения отдельных категорий судебных дел тем более, что таким путем можно будет установить известную постепенность в передаче отдельных видов нарушения права в самостоятельное ведение подчиненных учреждений.

Начнем с суда по государственным преступлениям. В числе таких преступлений обращает на себя внимание прежде всего измена. Под изменой разумелись в то время главным образом побег или попытка к побегу за границу или в неприятельскую армию и сношения с неприятелем. Данныя наших источников не оставляют сомнения в том, что при наличности таких преступлений дело непременно докладывалось царю, при чем доклад производился немедленно после обнаружения преступления, нередко еще до производства следствия, и царь обыкновенно предписывал воеводе или кому-либо из судей того или иного приказа произвести следствие; затем результаты расследования докладывались государю, и дело решалось опять-таки по приговору этого последнего. Таким образом, царь принимал непосредственное и весьма активное участие в производстве и решении подобных дел. Так, напр., разобрано и решено было в 1628 г. дело о побеге за границу стрельца Самодура [1]), дело о бежавшем за рубеж крестьянине Андрее Терешкине [2]) и т. д. [3]).

То, что сказано сейчас о побеге за границу, следует повторить без всяких изменений о ходе и решении дел о сношениях с неприятелем: и здесь при обнаружении преступления совершался доклад царю, а затем и самый приговор устанавливали самим носителем верховной власти. В 1621 г. Иван и Степан Голенищевы обвиняли в Брянске своего брата Павла Голенищева в сношениях с „зарубежными людьми“, с литовцами; об этом было „выписано в доклад“, и, согласно решению царя, подсудимые были вызваны в Москву в Разряд, для производства следствия, чтобы потом результаты следствия были доложены царю для постановления приговора [4]).

Самым распространенным, чаще всего встречавшимся в судебной практике того времени государственным преступлением было оскорбление величества, произнесение „непригожих слов“ или „посмешных речей“ про государя или царицу, „лаянье“ государя и т. д. И здесь порядок производства и решения был таков же, как и в только что указанных случаях. Вот типический пример, взятый из многих других [5]). В 1639 г. стрелец Михайлов донес на царицыну постельницу Волосатову и ее дочь, что оне

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. ст. № 26, л. 1 и об. и сл.

[2]) Там же, л. 99 и об.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новг. ст. Разр., № 18, л. 229 и об.. столбцы Белгор. ст. Разр., № 11, л. 428 и сл.; столбцы Приказ. стола Разр., № 36, л. 322, и об., л. 331 и об., № 42, л. 121 и об., № 46, л. 79 и об.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 11, л. 81.

[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новг. ст. Разр., № 10, л. 265 и сл. № 83 л. 85 и об.; ст. Белгор. ст. Разр., № 10, л. 28 и об., № 61, л. 145, № 83, л. 716 и об., № 236, л. 816 и об., № 270, л. 171 и об., № 298, лл. 20—21; Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 85, № 64, св., 92 № 47, св. 172, № 105, св. 184, № 81; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. ст. Разр., № 79, л. 60 и сл., и т. д.

про царя и царицу сказали „посмешное слово“; государь против сеи челобитной указал сыскать окольничему Василью Ивановичу Стрешневу да дьяку Сурнянину Тороканову“ и, когда следствие было закончено, и результаты его были ему доложены, велел постельницу „отставить из царицына чину“ и выслать ее, ее дочь и родственников из царицыной слободы из Кисловки [1]).

Судебная волокита приводила в то время часто к тому, что обвиняемому приходилось долгие годы высиживать в тюрьме, прежде чем его дело доходило до суда. Не выдержав тяжести и продолжительности тюремного заключения, „тюремные сидельцы“ часто „говорили за собой государево слово“, заявляли, что они могут сделать донос на кого-либо в государственном преступлении. И в этом случае дело обязательно докладывалось царю, который опять распоряжался поручением кому-либо произвести следствие и по окончании последнего постановлял приговор. Примеров—достаточно в наших источниках [2]), вот один из них. В 1630 г. Лехчанов, сидя в тюрьме, сказал за собой государево дело, но обнаружилось, что оснований для этого в действительности не было; дело было решено по докладу государю [3]) В том же году два казака, подравшись, сказали друг на друга по злобе государево дело; отписка об этом была „государю чтена“, и он приговорил обоих их „бить батоги, чтобы казакам неповадно было затевать государевы дела в своих драках“ [4]). Надо однако заметить, что уже самая многочисленность подобного рода дел вынуждала верховную власть удерживать за собой только право произнесения приговора и не требовать доклада перед производством следствия; этим производством в сороковых годах XVII века начинают распоряжаться центральные подчиненные органы—приказы, как показывает следующий, напр., факт: сапожковский полковой казак Василий Апрятка в 1647 г. обвинялся в одном преступлении и, уклоняясь от суда, сказал за собой государево слово; сапожковский воевода отписал об этом в Разряд; там, не докладывая государю, решили: „послат государева грамота, а велет его распросить, какое за ним государево дело, а будет, не скажет, и ему быт пытану, да что скажет, о том отписат к государю“ [5]).

За исключением указанного сейчас слабого зародыша выделения самостоятельных функций подчиненных органов власти при разборе дел о государственных преступлениях—зародыша, сводящегося в сущности к производству ими следствия, нельзя отметить ничего, что до конца изучаемого периода сокращало бы область непосредственного воздействия верховной власти в данном отношении. Суд по государственным преступлениям вообще производился самой верховной властью, и это нашло себе яркое отражение в Уложении 1649 г., устанавливающем, вслед за судебною практикой, широкое участие царя в постановлении приговоров по государственным преступлениям: невиновные в измене мужа или

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Оруж. пал. 7147 г., № 44.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр., № 83, л. 286 и об.; столбцы Владимир. стола Разряда, № 32, л. 15 и сл., № 60, лл. 96 и об., 100 и сл., 110 и об., 175 и сл., 479 и сл., и т. д.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. ст. Разр., № 18, л. 10 и об.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр.. № 46, лл. 340—341.

[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владимирс. стола Разряда, № 138, лл. 3—4.

отца жена и дети изменника получают на прожиток из вотчин и поместий, „что государь пожалует“ [1]); при извете о великом государеве деле без свидетелей и улик дело решается, „как государь укажет“ [2]); награда за убийство или поимку изменника выдается убившему или поймавшему из „животов“ изменника, „что государь укажет“ [3]) и т. д.

II.

В ближайшей связи с государственными преступлениями находятся преступления против власти и против порядка управления. Правосознание того времени, повидимому, придавало этим преступлениям несравненно меньшее значение, чем преступлениям государственным. Притом преступления против власти и против порядка управления с развитием денежного хозяйства, торговых сношений, с параллельными этому усложнением гражданских отношений и связей и усилением вмешательства органов администрации в житейские отношения, стали весьма частым, почти заурядным явлением. По всем этим причинам невозможно было доводить все эти дела до царя, и потому мы видим, как постепенно уменьшается непосредственное участие верховной власти в разборе и решении дел по подобным преступлениям.

Возьмем прежде всего дела об обидах, побоях и ранах, наносившихся разным должностным лицам при исполнении ими служебных обязанностей. В 1624 г. в Кашире Лихоревы избили в кабаке кабацкого голову и целовальников; каширский воевода, по предписанию из приказа, произвел следствие и прислал в Москву „обыскные речи“; здесь пометили на его отписке: „выписат из обысков тотчас в доклад“ [4]) царю, которому и принадлежало, следовательно, право решить дело. В 1636 г. воеводы Голенищев и Аверкиев были оскорблены в с'езжей избе сыном боярским Фроловым и доставили об этом отписку в Москву; „государь, сей отписки слушав, указал“ посадить Фролова в тюрьму [5]) В том же году посадские люди города Сольвычегодска обвинялись в замысле убить и ограбить воеводу Головачева; об этом деле было „выписано в доклад“ [6]). Эти факты показывают, что довольно долго верховная власть стягивала в свои руки дела об обидах, побоях и ранах, наносимых должностным лицам, причем подчиненные органы производили лишь следствие. Однако, в тридцатых и сороковых годах наблюдается иное: сначала дела об обидах и побоях, наносимых второстепенным администраторам, а потом и воеводам, передаются в ведение подчиненных властей. Вот характерные факты. В 1632 г. устюжский таможенный голова Клюкин и кабацкие целовальники били челом на „английские земли переводчика Вилема Еремиева“, что он со своими людьми избил в кабаке целовальников; о рассмотрении и решении дела „указал государь послать память в Посольской приказ“ [7]). В 1642 г. Тимонов „безчестил и лаял“ романовского воеводу Воейкова; „государь пожаловал, велел про то сыскат губному

---

[1]) Уложение, II, 7. [2]) Там же, II, 12. [3]) Там же, II, 15.
[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владимир. стола Разр., № 31, л. 538 и об.
[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда, № 115, лл. 637—643.
[6]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 84, № 53.
[7]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 57, № 66.

старосте" и сообщить для решения дела в Разряд [1]). Правда, в обоих указанных случаях нет еще решения дел подчиненными учреждениями по собственной инициативе, но все-таки несомненна передача им подобных дел верховной властью, так что намечается довольно ясно значительная перемена в направлении к расширению самостоятельности подчиненных учреждений.

Гораздо резче и сильнее изменился в указанном направлении порядок решения дел о сопротивлении или непослушании законным требованиям властей. В наших источниках сохранилось много данных о том, что такие дела в двадцатых, тридцатых, сороковых, пятидесятых годах XVII века разбирались и решались подчиненными учреждениями без всякого участия царя [2]). Приведем несколько типических примеров. В 1627 г. в Устюжне-Железопольской Панковский оказал сопротивление воеводе при обыске, произведенном у него по подозрению в корчемстве; воевода донес об этом в приказ, и последний без государя распорядился подвергнуть одного из холопов Панковского тюремному заключению [3]). В 1646 г. жители Шунгского погоста сопротивлялись при сборе податей; Устюжская четверть предписала воеводе наказать их [4]). В 1638 г. за сопротивление воеводе посадского человека в Лихвине приказ, без доклада государю, предписал посадить виновного в тюрьму на два дня [5]).

Только в особо важных случаях, преимущественно тогда, когда сопротивление оказывалось военным распоряжениям воеводы, дело докладывалось государю, как показывают, между прочим [6]), следующие наблюдения. В 1649 г. царю был сделан доклад о сопротивлении жителей Царева Алексеева города предписаниям воеводы относительно постройки укреплений [7]). В 1630 г. крестьяне Комарицкой волости отказались перейти в город по случаю осадного времени,—и дело также не обошлось без доклада государю [8]). В 1648 г. жители Доброго Городища отказались выдать разбойников и отвести след; „государь указал про такое воровство сыскат" воеводе [9]). Нам уже известно, как ревниво относились московские цари к каждой копейке, поступавшей в их казну. Понятно поэтому, что в 20-х годах всякий отказ от уплаты податей непременно восходил до государя. Так, когда в 1627 г. строитель Телегова монастыря в Устюжском уезде отказался платить государевы четвертные доходы—данные и оброчные,—то об этом выписано было „в доклад" [10]). Точно также, когда в 1628 г. Чихачев „угрозою заказал" в волости Шалге Чарондского уезда выборному верному целовальнику Степанову, чтобы он не брал мыта с его крестьян, то „государь слушал и указла

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владимирс. ст. Разр., № 117, л. 269 и след.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр., № 28, л. 51 и об., № 39, л. 104 и об., № 281, лл. 2—3; столбцы Моск. ст. Разр., № 40, л. 580 и об., № 74, ст. 2, л. 135 и об., № 58, л. 74 и об.; столбцы Владимирск. стола Разр., № 84, л. 59 и сл.; столбцы Моск. ст. Разр., № 272, л. 94 и об. и т. д.

[3]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 27, № 76.

[4]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 166, № 42.

[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр., № 87, л. 11 и об.

[6]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 11—12, л. 515 и об.; № 134, лл. 310—311, № 270, л. 239 и об. и др.

[7]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр., № 305, л. 199 и об.

[8]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 58, л. 311 и об.

[9]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владимирс. ст. Разр., № 131, л. 406 и об.

[10]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. сл., св. 23, № 9.

про то сыскат послат с Москвы нарочно дворенина или сына боярсково добра“ [1]). Однако, позднее, по крайней мере, в менее важных случаях, наблюдается иной порядок решения подобных дел; в 1630 г. крестьяне одной из волостей Устюжского уезда жаловались в Устюжскую четверть на одного крестьянина, что он отказывается платить четвертные доходы; приказ не доложил государю, а решил дело сам: „отписат, велет доправит“, значится в помете [2]). В 1633 дело о неплатеже государевых доходов 12-ю деревнями Устьянских волостей Ростовской волости было решено дьяком Пантелеем Чириковым в Устюжской четверти совершенно самостоятельно [3]).

К числу преступлений против порядка управления относится также контрабанда или продажа заповедных товаров. Характерно, что и дела по этому преступлению, сначала решавшиеся царем, затем постепенно переходят в ведение подчиненных учреждений. В Мещовске в 1624 г. вывозили за рубеж заповедные товары; по этому делу сделан был доклад царю [4]). Но когда в 1644 г. кущы порохового ряда обвинялись в продаже пороха крымцам, то судил и решил дело Посольский приказ без всякого участия государя [5]).

Еще в документах XVI века—в губных [6]) и уставных земских [7]) грамотах—находим несомненные указания на то, что дела о корчемстве были подсудны губным старостам и излюбленным головам, т.-е. органам подчиненным. Самостоятельность подчиненных учреждений в решении этих дел в XVII веке засвидетельствована также многими документами. Вот примеры: в 1636 г. дело о корчемстве в Сольвычегодске решено было без государя [8]); то же повторилось в Тотемском уезде в 1637 г. [9]). В 1639 г. усердский воевода дал на поруку до указа троих детей боярских за корчемную продажу одному казаку вина; разряд без доклада царю велел детей боярских посадить в тюрьму на два дня, а казака на три дня, а если окажется, что казак этим вином „чумашничал, продавал“, предписал „бить его батоги“ [10]). В 1640 г. по делу о корчемстве в Осколе Разряд вынес решение: „дат государева грамота“, чтобы воевода разобрал дело [11]).

III.

Расчленение общества на замкнутые, юридически-различающиеся одно от другого сословия и крепостнические тенденции социального развития сильно увеличили число дел, касающихся нарушения прав состояния. Судебная практика того времени особенно богата была всякого рода исками о холопстве и крестьянстве.

В 1614 г. князь Иван Голицын просил дать ему грамоту о праве вывезти его крестьян, бежавших из его дедиловского поместья и найден-

[1]) Там же, св. 31, № 66. [2]) Там же, св. 42, № 74. [3]) Там же, св. 61, № 5.
[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр., № 11, л. 369 и об.
[5]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 150, № 56.
[6]) Ретвих. Органы губного управления в XVI и XVII в.,—в «Сборнике правоведения и общественных знаний», том VI, стр. 267, прим. 45.
[7]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 234; т. III, № 37.
[8]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 83, № 36.
[9]) Там же, св. 92, № 48.
[10]) Моск. Арх. Мин. Юст., ст. Белг. ст. Разр., № 128, л. 434 и об.
[11]) Там же, № 115, л. 306 и об.

ных им у некоторых землевладельцев Тульского уезда; „государь пожаловал, велел дат свою свозную грамоту, за кем сыщет“ [1]). Подобные же дела решались самим царем неоднократно и позднее, в 20-х годах XVII века [2]). Однако, уже одновременно с этим в тех случаях, когда землевладельцы просили оставить за ними их крестьян, неправильно вывозимых от них другими землевладельцами, государь обыкновенно предписывал разобрать и решить дело подчиненным органам, чем подготовлялось расширение самостоятельной компетенции последних. Так было, напр., в 1613 г. с Чудовым монастырем, на челобитье архимандрита которого помечено: „государь велел дат ему суд и сыск, да по суду и по сыску указ учинит, до чево доведетца, чтобы вперед о том не били челом“ [3]). В 30-х и 40-х годах практика решения исков о крестьянах приказами и воеводами утверждается вполне прочно, как видно из ряда наблюдений над источниками. Панин в 1636 г. жаловался на Карогодовского, что он подговорил выйти к себе из его козельской вотчины крестьянина „с его крестьянскими животы и с судным хлебом и с денгами“, и просил дать ему грамоту в Козельск к воеводе „в подговорном крестьянине и в сносе, что стати ему на Москве к ответу в Челобитном приказе“; приказ, не обращаясь к царю, пометил: „дат государева грамота“ [4]). Подобное-же решение находим на челобитных ливенского Сергиева монастыря в том же году [5]), галичанина Апушкина 1639 г. [6]), Коптева относительно его кинешемских крестьян в 1643 г. [7]). В 1647 г. Новгородская четверть, так же не докладывая царю, поручила разбор и решение дела о вывезенных у новгородца Колобова крестьянах местному приказному человеку [8]). В 40-х годах, если какой-либо челобитчик обращался при иске о крестьянах прямо к государю, минуя низшие инстанции, то государь не разбирал дела, а передавал дело в подчиненные учреждения, как видно из следующего примера: в 1640 г. Лихарев просил вернуть ему его крестьянина, бежавшего за границу и потом вернувшегося и поселившегося у другого землевладельца; несмотря на то, что дело было весьма запутанное, государь не стал его решать сам, а „велел в том указ учинит и государеву грамоту дат по уложенью, досмотря ево государева указу и уложенья“ [9]).

В том-же направлении, т. е. к расширению самостоятельной компетенции подчиненных учреждений, совершались перемены в разборе и решении дел о возврате в прежнее состояние крестьян, бежавших на посад или записавшихся в служилые люди. Так, в 1613 году сам царь распорядился возвращением князю Сицкому его медынских крестьян, бежавших на посад в Калугу [10]). Но в нашем распоряжении имеется мно-

[1]) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7122 г., № 41.

[2]) См., напр., там же, 7122 г., № 49, 7129 г., №№ 183 и 217.

[3]) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7121 г., № 34.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владимир. ст. Разр., № 70, л. 5 и об.

[5]) Там же, л. 42 и об.

[6]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владимир. ст. Разр., № 84, л. 137 и сл.

[7]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владимир. стола Разр., № 111, л. 115 и сл.

[8]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 187, № 99.

[9]) Там же, св. 119, № 51.

[10]) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7121 г. № 46.

жество позднейших фактов, указывающих, что подобные дела стали решаться подчиненными органами без участия верховной власти [1]); напр., в 1628 г., когда сын боярский Сеченый нашел своих беглых крестьян в Белгороде, приказ пометил на его челобитной: „дат грамота, а велет дат суд“ [2]); точно также в 1639 г. приказ сбору ратных людей самостоятельно решил дело о возврате Троицкому Сергиеву монастырю его крестьянина, записавшегося в драгуны [3]). Редко, и то лишь тогда, когда крестьяне формально были уже зачислены в другое сословие, дело не обходилось без участия государя; так было, напр., тогда, когда в 1648 г. посадский староста в Ельце зачислил торговавших там крестьян Караманова в посадские люди [4]).

Иногда холопов и крестьян насильственно сводили от их владельцев. В этих случаях иски разрешались в 30-х и 40-х годах также исключительно подчиненными учреждениями. Так, в 1630 г. приказ решает дело о своде холопа и похищении лошадей и имущества [5]), в 1642 г. подобное дело поручается суду воеводы [6]), к 1650 г. дело решает Соковнин в Мастерской палате [7]) и т. д.

Иски о беглых кабальных людях лишь в исключительных случаях доходили до царя, обыкновенно же рассматривались и решались подчиненными учреждениями, воеводами [8]), приказом Холопья суда [9]) и т. д. [10]).

В 1628 г. Устюжская четверть самостоятельно огородила устюжанина, посадского человека Злобина, от сына боярского Разварина, пытавшегося его закабалить [11]). В 1649 г. дело о насильственном закрепощении свободной женщины, племянницы тяглеца Казенной слободы, разбиралось и было решено в Царицыной мастерской палате без государя [12]). Верховная власть вмешивалась только тогда, когда иностранцы об‘являли русских посадских людей своими холопами, как то было, напр., в Новгороде в 1647 г. [13]), так что вообще дела о закабалении или закрепощении лиц городского сословия ведались в XVII веке подчиненными учреждениями.

Весьма нередко случалось, однако, что пытались закабалить служилого человека. В таких случаях дело решалось всегда подчиненными органами власти: так, напр., когда Савельев в 1624 г. жаловался на соловлянина сына боярского Хрипкова, что он об‘явил его своим холо-

---

[1]) См., напр., Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. ст. Разр., № 104, л. 430 и об., Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7128 г., № 39 и мн. др.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. стола Разр., № 33, л. 7 и об.

[3]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 104, № 16.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгород. ст. Разр., № 275, л. 69 и об.

[5]) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал. 7138 г. № 61.

[6]) Там же, 7150 г., № 2.

[7]) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го Оруж. пал., 7158 г. № 16.

[8]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7157 г., № 4; 7158 г., №№ 20 и 21 и др.

[9]) Там же, 7133 г., № 29, 7136 г., № 41, 7150 г., №№ 52 и 55.

[10]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 148, № 48; Моск Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. ст. Разр., № 41, л. 1 и об., л. 3 и об., л. 11 и об. и т. д.

[11]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. л., св. 30, № 56.

[12]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7157 г., № 38.

[13]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 177, № 14.

чом, то дело было решено в пользу Савельева Холопьим приказом [1]); в 1649 г. дело о попытке закрепостить пушкарского сына государь, которому, по старой привычке, непосредственно подана была челобитная, велел разрешить в приказе [2]). Доклад государю, иногда и государя с Думой, был обязателен лишь в тех случаях, когда служилый человек, вопреки закону, сам добровольно поступал в холопы. Вот пример: в 1626 г. Левашова просила вернуть в службу ее сына, закабалившегося князю Шуйскому; „государь пожаловал, велел выписав доложит себя государя, был ли сын твой в службе и верстан ли и своею ль волею бил челом в холопи“ [3]); в 1641 г. Окороков и двое Бабоедовых просили освободить их родственника, поступившего в кабальные холопы к князю Репнину, и сам царь освободил его [4]) и т. д.

Крепостнические тенденции общества сказывались часто по отношению к пленным и выходцам из-за границы: их также пытались об'являть холопами. В этом случае всегда вмешивалась верховная власть, как видно из следующих примеров: в 1633 г. сам царь распорядился ограждением свободы пленной польки-шляхтянки Малаховской, которую один сын боярский хотел „похолопить“, выдав замуж за своего человека [5]); в 1631 г. [6]) и в 1657 г. [7]) понадобилось вмешательство государя, чтобы предотвратить закрепощение двух литовских шляхтичей, вышедших на его имя.

Наконец, правительству приходилось следить за тем, чтобы и два высших сословия—служилое и посадское—были прикреплены к своим обязанностям, строго отграничены друг от друга. Между тем посадские люди бегали с посадов, уклоняясь от тягла, или записывались в служилые люди по прибору, вызывая тем иски о возврате со стороны посадской общины; с другой стороны, посадская община стремилась обложить тяглом и служилых людей по прибору, нередко промышлявших и торговавших на посаде, иногда даже прямо записывали их в посадские люди. Интересуясь прежде всего обеспечением службы, государство с особенною строгостью наблюдало за тем, чтобы служилые люди не зачислялись на посад, и потому нередко такие дела доходили до царя; но он уже обыкновенно передавал их в подчиненные учреждения. Ограничимся одним примером: когда в 1639 г. несколько человек карачевских пушкарей и затинщиков жаловались, что их неправильно зачисляют на посад в качестве посадских людей, то „государь пожаловал, велел про то сыскат, а по сыску указ учинит по уложенью“ [8]). Точно так же и дела о посадских людях самостоятельно решались подчиненными учреждениями: напр., в 1641 г. клинский губной староста прислал отписку о побеге с посада посадского человека Овчинникова; приказ без государя решил вернуть его на посад [9]); в 1646 г. псковские земские старосты просили вернуть

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7132 г., № 34.

[2]) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7157 г., № 50.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. стола Разр., № 39, л. 16 и об.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгородск. стола Разряда, № 74, л. 41 и сл.

[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разр., № 100, л. 323 и об.

[6]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владимирск. стола Разр., № 32, л. 155 и об.

[7]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 325, л. 818 и след.

[8]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 116, № 8.

[9]) Там же, св. 127, № 42.

на посад посадского человека Смолянкина, записавшегося в пушкари; решено: „дат государева грамота, велет про то сыскат, будет наперед сего в пушкарех не бывал, а ныне торгует, и ево по прежнему велет из пушкарей взят в тягло“ [1]).

IV.

Мы не будем останавливаться на способах разбора и решения дел о религиозных преступлениях, потому что в этой области незаметно никаких изменений за все изучаемое время: в эпоху всевозможных суеверий понятие религиозного преступления было необычайно широко, репрессия в этом случае отличалась тогда чрезвычайной суровостью, и, наконец, всему делу придавалось такое важное значение, что оно обыкновенно не проходило без участия верховной власти; вот почему мы видим, что царь решает дела об отступлении от православия в мусульманство [2]), о колдовстве [3]), о „порче“ [4]), о святотатстве [5]), о волшебстве [6]).

Переходим к преступлениям против жизни—к убийству. Не подлежит сомнению и подтверждается целым рядом указаний источников [7]) что обыкновенные дела об убийстве судились и решались подчиненными органами власти—приказами, воеводами, приказными людьми, губными старостами. Правда, между центральными и областными учреждениями дела эти распределялись, как и большая часть других дел, довольно беспорядочно, и все определялось тем, куда поступала челобитная, так как от челобитчика зависело, начать ли дело в приказе в Москве или перед областными властями, однако, и здесь уже обнаруживалась сильная тенденция в передаче главной массы дел местным учреждениям. При всем том, однако же, бывали случаи, когда, по старой привычке, подавалась челобитная прямо царю о обыкновенном убийстве; тогда царь предписывал подчиненным органам решить дело. Вот характерный пример. В 1651 г. Чупахин подал челобитную царю об убийстве Дружининым и Корченковым его крестьян; государь „велел указ учинить“ яблоновскому воеводе князю Репнину [8]).

Зато приговор по делам об убийствах особого рода не мог быть постановлен без непосредственного участия верховной власти. В этом отношении сфера непосредственного воздействия последней была еще весьма широка. Так, дела о мужеубийстве подлежали решению царя и Боярской думы. Напр., в 1636 г. по делу о мужеубийстве, случившемся в Курске, „бояре приговорили“ зарыть мужеубийцу живьем в землю [9]). Верховная

---

[1]) Там же, св. 168, № 72.
[2]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 11, № 27.
[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 11, л. 162 и сл., № 54, ст. 2, л. 247 и об.
[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгородск. ст. Разр., № 83, л. 58 и об.
[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 575, л. 148 и сл.
[6]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 181, № 66.
[7]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 87, № 70, св. 129, № 53, св. 150, № 53; Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го Разр. Оруж. пал.; 7150 г., № 5; Моск. Арх. Мин., Юст., столбцы Приказ. ст. Разр., № 41, л. 61 и об., Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, ст. 2-го разр. Оруж. пал., 7144 г., № 29; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст Разр., № 12, л. 312 и сл. и т. д.
[8]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр., № 298, л. 33 и сл.
[9]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр., № 83, л. 258 и об.

власть решала также дела о братоубийстве. Вот примеры: в 1638 г. государю докладывали о результатах следствия по делу о братоубийстве, совершенном Шепелевым, при чем целью доклада было получить определенное решение [1]); в 1641 г. отписка о другом случае братоубийства была „государю чтена; государь указал того убийцу пытать накрепко" и прислать расспросные речи в Москву [2]).

Убийство, совершенное служилым человеком во время похода или вообще во время отбывания службы, также подлежало суду самого царя или Боярской думы в первой инстанции. В 1622 г. в Данкове на службе один служилый человек подрался с другим и убил его; „бояре приговорили за его воровство бити на козле кнутом" [3]). В другом подобном случае, относящемся к 1644 году, приговор постановил государь [4]). Им же решено было дело об убийстве Дымовским казака Комарева в 1648 г. [5]).

До царя доходили далее и им решались в первой инстанции дела об убийстве холопами и крестьянами свободных людей, особенно их господ. Следующие, взятые на выбор, факты свидетельствуют об этом. В 1632 г. по делу об убийстве в Устюжском уезде Важенина двумя холопами следствие было произведено воеводой и дьяком Устюжской четверти Пантелеем Чириковым, а затем дело было выписано „в доклад" государю [6]). В 1636 г. в Торопецком уезде Кушелев был убит своими крестьянами, о чем было доложено царю, и он велел пытать их и расспросные речи сообщить в Москву [7]). То же самое наблюдаем в 1638 г. при убийстве Сергеева крестьянином Тыртова [8]), в 1642—при убийстве Левашова холопом Волынского Игнатьевым [9]), в 1654—при убийстве Толбугина крестьянами князя Черкасского [10]).

К числу исключительных дел, подлежавших решению верховной власти, принадлежали, наконец, дела об убийстве священно- и церковнослужителей и об убийстве иностранных подданных, а также об убийстве иностранцами русских. Вот доказательства: в 1642 г. дьякон в пьяном виде зарезал в кабаке попа, с которым у него была „недружба" и который его раньше „бивал неодинова"; отписка об этом была „государю чтена", и он решил послать грамоту, с предписанием произвести пытку [11]); в 1635 г. была выписана в доклад отписка холмогорского воеводы об убийстве одного посадского человека „цесарские земли прапорщиком Улфом Полгером" [12]); в 1639 г. царь решил дело об убийстве одного литвина Петрищевым [13]).

В связи с убийством или „душегубством", как оно обыкновенно тогда называлось, стоят другие „губныя" дела, именно — р а з б о й и т а т ь б а с п о л и ч н ы м. Еще губные грамоты XVI века установили

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., ст. Моск. ст. Разр., № 134, л. 639 и об.
[2]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 85, № 64.
[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разр., № 12, лл. 142 об.—150.
[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр., № 190, л. 323 и об.
[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. Разр., № 131, л. 68 и об., л. 183 и об.
[6]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 49 № 48.
[7]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. ст. Разр., № 58, л. 463 и сл.
[8]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 133.
[9]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владим. ст. Разр., № 117, л. 149 и сл.
[10]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 294, л. 326 и сл.
[11]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 129, № 45.
[12]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 76, № 62.
[13]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр., № 108, л. 446 и сл.

подсудность этих дел подчиненным органам областного управления [1]), и это сохранилось в XVII в. Если и бывали случаи, когда дело рассматривалось и решалось царем, то это было исключением, а не общим правилом. Сюда относились, напр., дела о массовых и систематических разбоях на Волге: в 1623 г. воронежский воевода прислал в Москву следственное дело о таких разбоях, и решено было его „выписать в доклад тотчас“ [2]). Без царя — что вполне естественно — не обходились и дела о разбоях над иностранными подданными: в 1639 г. было „написано в доклад“ о разбое, совершенном одним жителем Торопца над заграничными велижскими крестьянами [3]); в 1645 г. подверглись разбою караваны двух голландских купцов около Новгорода; дело было немедленно доложено государю, который распорядился производством следствия воеводой и Посольским приказом; затем, последовал доклад царю, который и постановил приговор [4]).

Наши источники переполнены фактами, свидетельствующими, что все обыкновенные дела по разного рода уголовным преступлениям, увечью, нанесению ран и побоев, бесчестью, краже, грабежу, поджогу, мошенничеству [5]), а также все гражданские правонарушения [6]) разбирались и решались в XVI и первой половине XVII века подчиненными учреждениями. Мы не будем поэтому останавливаться на этом вопросе подробно; отметим только те особые случаи, в которых заметно непосредственное участие верховной власти в первой инстанции; мы убедимся при этом, что так бывало лишь тогда, когда были специальные для того причины, коренившиеся в характере разбираемого дела.

В 1621 года Лехов и Левашов по царскому указу взяли в Вязьме у литовского купца могилевца Таруты икону с мощами и перо и привезли их в Москву, оставив Таруте под заклад их 411 руб. 4 деньги и условившись разменяться обратно в Петров день того же года; потом Тарута отказался разменяться и потому Лехов и Левашов просили царя дать грамоту вяземскому воеводе задержать в Вязьме могилевских купцов; „государь пожаловал, велел дать грамота“ [7]). Понятно, почему здесь необходимо было участие царя: речь шла о неисполнении обязательства иностранным подданным, и мера, вызывавшаяся обязательствами, сводилась к репрессиям по отношению к иностранным подданным.

В 1641 г. Погожев обвинял Нелединского, что он подкупил лиц, участвовавших в повальном обыске, почему последние показали на вторичном обыске не так, как при первом; не удивительно, что при таком

---

[1]) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 187, 192, 194, 224, 330; Доп. к Акт. Историч., , № 31.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр., № 11, л. 9 и об.

[3]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 103, № 11.

[4]) Там же, св. 157, № 18.

[5]) Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 102, № 70, св. 139, № 60, св. 144, № 15, св. 152, № 61, св. 157, № 31, св. 135, № 65, св. 152, № 68, св. 156, № 14, св. 121, № 77, св. 139, № 60, св. 141, № 75, св. 144, № 15, св. 152, № 61, св. 153, № 71, св. 158, № 46; Моск. Арх. Мин. Юст., ст. Белгор. ст., № 1076, л. 13 и об.; Моск. Арх. Мин. Имп. Дв., ст. Оруж. пал., 7139 г., № 94.

[6]) Моск. Гл. Арх, Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 81, № 13, св. 88, № 14 св. 90, № 34, св. 92, № 53, св. 94, № 5, св. 96, №№ 14 и 15, св. 97, № 23, св. 104, № 22, св. 120, № 65 и т. д.; Моск. Арх. Мин. Юст., ст. Приказ. ст. Разр., № 108, л. 190 и об. и т. д.

[7]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разр., № 181, ст. 3, л. 1 и об.

исключительном и важном обвинении „государь пожаловал, велел дело внести к бояром“ [1]).

Понятно—далее, что до чрезвычайности сложный и запутанный спор о наследстве между вдовой князя И. Б. Черкасского и князем Я. К. Черкасским был в конце концов в 1643 г. разрешен самим царем, предоставившим, однако, и здесь разрешение отдельных пунктов спора подчиненным учреждениям, как видно из следующего текста пометы: „государь пожаловал, животы велел разделит по прежнему своему государеву указу боярину князю Алексею Михайловичу Львову да дьяку Григорию Ларивонову, а судное дело взяти к Москве, а вотчинами владети по дачем, что кому дано, а государево жалованье загородные дворы разделити пополам, а что живот своз до делу, и то написат и бити челом именно, а в Юрьевском уезде вотчину село Семинское з деревнями и с пустошами разделити пополам“ [2]).

Остается, наконец, отметить, что некоторые изменения в процессуальных действиях властей определились распоряжением царя. Сюда относились, напр., перенос дела из одного учреждения в другое по просьбе одной из сторон [3]), отсрочка разбирательства по случаю отправления на службу, похода и по другим уважительным причинам [4]). Иногда, впрочем—именно тогда, когда закон давал основания для разрешения просьбы в определенном смысле, — царь и в процессуальных вопросах предоставлял решение дела подчиненным учреждениям, хотя с челобитной обращались и непосредственно к верховной власти. Так, бывало, напр., тогда, когда ответчики просили царя решить дело в их пользу за неявкой истцов. В таких случаях государь распоряжался, чтобы приказы или воеводы „указ учинили по уложенью“: так было, напр., в 1635 [5]), 1691 г. [6]) и т. д.

Таким образом, мы убедились, что самостоятельные судебныя функции подчиненных учреждений выражались к половине XVII века в производстве следствия по государственным преступлениям, в рассмотрении и решении дел о преступлениях против власти и против порядка управления (за исключением особенно важных), исков о крестьянах и холопах, дел о закабалении и закрепощении свободных людей, о выходе служилых и посадских людей из их состояний, наконец, обыкновенных, заурядных дел об убийстве, о преступлениях против здоровья, чести и против прав имущественных и всякого рода гражданских тяжб. В общем нельзя не признать, что соотношения между верховными и подчиненными органами власти, в области суда, складывались в известном уже нам направлении облегчения верховной власти и высших учреждений от множества мелких дел, ранее постоянно восходивших до них.

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 205, л. 7 и об.; Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы 2-го Оруж. пал., 7143 г., № 216; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 54, ст. 2, л. 196 и об. и т. д.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новг. Разр., № 4, л. 39 и об., № 71, л. 44 и об., № 80, л. 1 и об.; ст. Белгор. ст. Разр., № 4. л. 109 и об., № 16, л. 235 и об., № 65, л. 105 и об., № 130, л. 96 и об.; Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7140 г., № 37 и т. д.

[3]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 15, № 33.

[4]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 91, № 40.

[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр., № 70, л. 5 и об.

[6]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 130, № 61.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Полицейская деятельность государства. Соотношение между верховной властью и подчиненными органами в дипломатической деятельности.

Полицейская деятельность государства, т. е. заботы его о безопасности и благосостоянии населения, развивается, как мы уже имели случай заметить, позднее, чем другие функции государственной власти. Поэтому здесь мы будем наблюдать гораздо больше остатков старины, чем где бы то ни было. Сколько-нибудь организованной полиция безопасности становится лишь в XVI веке, с появлением губных учреждений. Губные грамоты свидетельствуют, что население стало выбирать десятских, пятидесятских и сотских на каждые 10, 50, 100 дворов; всех приезжих и проезжих людей население должно было „являть" десятским, десятские их являли пятидесятским, а пятидесятские сотским, а сотские с пятидесятскими и десятскими тех людей „осматривали и записывали" [1]). Во второй половине XVI века, когда появились излюбленные головы, и они были привлечены к содействию губным учреждениям в деле полицейского надзора, они должны были „беречь накрепко", чтобы у них „всяких лихих людей не было" [2]). В XVII веке такого же рода функции свойственны были воеводам [3]). Неудивительно, что полицейский надзор, элементарная забота о безопасности населения раньше и полнее всего перешла в самостоятельное ведение подчиненных областных учреждений: с развитием денежного хозяйства участились передвижения населения по стране, обострились классовые противоречия, и господствующие имущие классы почувствовали настоятельную потребность в правильной организации защиты своих материальных интересов. В городе Москве функции полицейского надзора исполняло особое учреждение—Земский приказ или Земский двор.

То же усиление торговых сношений вызвало постоянные поездки иностранных купцов по России. Свобода проезда для них обеспечивалась особыми выдававшимися московским правительством паспортами—„проезжими грамотами". Выдача таких проезжих грамот в первой половине XVII века сделалась уже одной из обычных функций подчиненной администрации. Вот примеры: в 1628 г. проезжую грамоту голландцу Демулину на проезд из Москвы до Архангельска выдал Посольский приказ без государя [4]); таким же образом получена была одним гамбургским купцом в 1636 г. проезжая грамота на Псков [5]); то же повторилось с московским торговым иноземцем в 1642 г. [6]) и т. д. Лишь в том случае, когда иноземец навсегда или надолго выезжал за границу, требовалось разрешение царя на выдачу проезжей грамоты, как видно из следующего, напр., факта: Бурцев завел бумажную фабрику и пригласил из за границы прусака Фрума, который „в бумажных снастех учеников русских

[1]) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 192, 194, 330.
[2]) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 234, 250, т. II, № 52.
[3]) Чичерин, Областные учреждения России в XVII в., стр. 178 и след.
[4]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 28, № 2.
[5]) Там же, св. 84, № 52, [6]) Там же, св. 122, № 17.

людей научил“ и теперь просится на родину; поэтому поводу Бурцев просил для него проезжей грамоты на выезд за границу; в 1641 г. „государь пожаловал, велел дат свою государеву проезжую грамоту“ [1]).

Если таким образом уже в выдаче проезжих грамот наблюдаются остатки непосредственной деятельности верховной власти, то еще более заметна эта деятельность в других отраслях полиции безопасности. Напр., пожарная часть сосредоточивалась в городах в ведении воевод, но в Москве, хотя ее ведал Земский приказ, обо всяком значительном пожаре непременно докладывалось царю. Мало того: даже о больших пожарах в провинциальных городах делали иногда такой же доклад: так было, напр., в 1636 г., когда случился громадный пожар в Архангельске [2]).

Царь принимал также непосредственное участие в распоряжениях о распланировании и постройке московских улиц. В этом отношении особенно любопытны следующие документы. После огромного пожара в Москве в 1626 г. царь и патриарх распорядились, чтобы князь Г. К. Волконский и дьяк Волков измерили и описали погоревшие улицы; 21 мая царь и патриарх „росписи слушали и указали“, какой ширины должна быть каждая улица [3]). В июне тем же лицам царь и патриарх указали „на Николском кресце иконной ряд на обе стороны подвинут назад для уличного простору“ [4]).

Заботы о безопасности населения от всякого рода стихийных бедствий принимали в то время весьма часто форму предписания об исполнении религиозных обрядов. Распоряжения в этом направлении также сплошь и рядом исходили прямо от верховной власти. Так, в октябре 1650 года „государь, советовав с патриархом, указали“ по случаю недорода, саранчи, наводнений, пожаров и эпизоотий в Филиппов пост везде поститься и служить молебны [5]).

II.

Еще менее развитой и расчлененной между разными органами власти была деятельность государства, направленная на заботы о благосостоянии населения. Для этой цели прежде всего большое значение имеют пути сообщения и почта. Но московское правительство было настолько далеко от удовлетворения в этом отношении общественным потребностям, что почту и дорожную часть приспособляло исключительно к нуждам государства: этой именно цели служила ямская гоньба в Московском государстве. Соответственно этому и в организации ямской гоньбы можно наблюдать важную роль царя, непосредственно на нее воздействовавшего. Правда, обычная исполнительная, текущая работа по ямскому делу уже сосредоточилась в руках подчиненных органов администрации; построение ямов и устройство ямской гоньбы лежало на обязанности особых, специально посылавшихся из Москвы стройщиков; самую гоньбу вели старосты, приказчики и ямские охотники; в центре заведывал ею с техни-

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 77, № 77.
[2]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 82, № 26.
[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., книга Моск. стола Разряда № 17, лл. 1 и сл.
[4]) Там же, кн. № 18, л. 1. [5]) Полное собрание законов, № 47.

ческой стороны Ямской приказ [1]). Но и это центральное учреждение, как и другие приказы, не могло самостоятельно распоряжаться учреждением новых ямов; это требовало непременно специального указа государя. Так в 1646 г. об учреждении ямов и ямской гоньбы в Важском уезде было „написано в доклад“ царю [2]).

Весьма видную роль играл московский государь в делах, касавшихся торговой полиции. Правда, и здесь стала уже постепенно выделяться сфера самостоятельной деятельности подчиненных учреждений: мы видим, напр., что разрешение устройства новых торговых и промышленных предприятий переходит в их руки: так, без участия государя разрешено было в 1637 г. одному голландскому купцу завести торговлю смолой и добывание ее близ Архангелска на Жабье болоте [3]). в 1637 г. Устюжская четверть самостоятельно разрешила понойским и есканским новокрещенам купить в Вологде хлеба и доставить его в Архангельск, а оттуда на корабле гостя Юрия Клинка [4]); отписки о литовских купцах, приезжавших в Великие Луки, Осташков и Вязьму в 1639 г. с заповедными товарами (табаком, вином, и пр.), всегда читались государю, но дела столь же постоянно решались приказом совершенно независимо [5]). Но при всем том сплошь и рядом попадается непосредственное руководительство царя по весьма мелким делам. Так, в декабре 1626 года государь и отец его „котельного ряду торговых людей пожаловали, по рядом и по крестцом с котлы оприч котелного ряду сидет не велели“ [6]), а затем ими же велено „прокликати биричу по всем рядом и по кресцом и по воротам и посылати приставов почасту и смотрети накрепко, чтоб в рядех торговые всякие люди сидели с товары своими, которыми товары в котором ряду торгуют, где кому указано, а порознь бы нихто никаков человек с розными товары в ыных рядех не торговали и по кресцом ни с какими мелкими товары и в воротах и в окнах и на скамьях ни с каким товаром не сидели и не торговали, а торговали б в рядех и сидели на скамьях с товары своими, где кому даны места“ [7]). Разрешение разыскивать руды и контроль за этими розысками в конце концов зависели также от царя. В 1636 г. кайгородский воевода описывал, что двое Олковых, Бартов и Шишкин, сообщившие, что они знают оловянную и серебряную руду, и обещавшие принести „опыт“ ее, не исполнили этого последнего обещания, почему у воеводы явилось подозрение, что они хотят „покорыстоваться“ этою рудою; по этому поводу „указал государь“ произвести следствие и о результатах довести до его сведения [8]). Без прямого распоряжения самого царя не обходились даже такие неважные дела, как устройство мостовой в Москве или похороны самоубийцы. Вот примеры: в 1643 г. „указал государь намостит мосты для своего государева походу за Стретенскими и за Покровскими вороты в земляном городе, а денги указал государь собрати по писцовым книгам з дворов и с лавок, которые дворы и лавки за Стретенскими и за По-

[1]) Гурлянд, Ямская гоньба в моск. госуд.
[2]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 174, № 152.
[3]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 93, № 60.
[4]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 93, № 60.
[5]) Там же, св. 103, № 10.
[6]) Моск. Арх. Мин. Юст., книги Моск. стола Разряда, № 18, л. 37 и об.
[7]) Там же, лл. 190—191.
[8]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 87, № 81.

кровскими вороты"; [1]) в том же году Матрена Шишкина кончила жизнь самоубийством; мать ее просила у патриарха позволения ее похоронить; патриарх велел произвести сыск, а царь предписал сыск из Патриаршего двора взять и по делу сыскать боярину князю Юрию Андреевичу Сицкому и дьяку Д. Карпову и „доложить себя государя" [2]).

Таким образом, несмотря на позднее и слабое развитие полицейской деятельности государства, к половине XVII века, отчасти и раньше, слагается мало-по-малу самостоятельное полицейское ведомство подчиненных учреждений: их функции слагаются из элементарной охраны общественной безопасности, снабжения паспортами купцов, заведывания пожарной частью, исполнительной деятельности по ямской гоньбе и менее важных дел по торговой полиции.

III.

Нам уже известно, что в удельной Руси верховная власть часто принимала непосредственное участие в ведении дипломатических переговоров, и что с этою целью стремились вести эти переговоры непременно в Москве. Эта традиция сохранилась и в XVI веке. В малолетство Грозного московское правительство ни за что не соглашалось отправить посольство для мирных переговоров в Литву, упорно отстаивая старый обычай, несмотря на все настояния Литвы [3]). То же долго продолжалось и тогда, когда Иван Грозный сам стал править государством, и только победы Батория заставили впервые отступить от этого правила [4]).

Характерно, что и самый способ ведения переговоров остался прежним. Для примера укажем на переговоры в январе 1549 г. с литовским посольством Глебовича, Камаевского и Есмана. Во время первого с'езда после бесплодных долгих споров и запросов послами Пскова и других городов „бояре речи их (послов) сказали царю и великому князю", и царь велел послам ехать на подворье [5]). То же повторялось неоднократно и позднее. Мало того: иногда Грозный, наскучив сношениями с послами через „ответные" комиссии Боярской думы, вступал в переговоры сам непосредственно. Так случилось в 1570 г., когда в Москву прибыло для переговоров о мире литовское посольство, состоявшее из Кротошевского, Тавлоша и Злешеня; после продолжительных споров послов с боярами о полоцких границах, царь сам лично повел с ними разговор, и в конце-концов было заключено перемирие [6]).

Отмеченный уже сейчас факт, что со времен Батория московское правительство стало отправлять своих послов в Литву для переговоров, свидетельствует сам-по-себе о бо́льшей, чем прежде, самостоятельности московских дипломатов уже в конце XVI века. Правда, они и тут продолжали весьма часто сноситься с верховной властью через гонцов, испрашивая инструкций по незначительным иногда вопросам, но все-таки

---

[1]) Там же, св. 139. № 59.
[2]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 138, № 45.
[3]) Акты Западной России, т. II, № 175.
[4]) Соловьев, История России, т. VI, М., 1856, стр. 367 и сл.
[5]) Сборник Императорского Русского Исторического Общества, том 59-й, стр. 275.
[6]) Сборник Императорского Русского Исторического Общества, том 71-й; Соловьев, История России, т. VI, стр. 268.

это было труднее, чем выйти в соседнюю комнату для получения надлежащих указаний. Такая новая постановка дела не замедлила отразиться и на содержании инструкций или „наказов", даваемых послам: наказы эти касаются уже весьма важных вопросов внешней политики и, стремясь исчерпать и предусмотреть все подробности и перипетии переговоров, волей-неволей расширяют пределы компетенции послов, предоставляя им больше свободы. Особенно выдается в этом отношении известный наказ, данный Иваном Грозным князю Сицкому и Пивову [1]), а также инструкции Пушкину и Писемскому [2]).

В первой половине XVII века новая организация дипломатической части сохраняется и развивается. Мы видим, например, что Аладьин, Желябужский, Воротынский, Сицкой и Измайлов вели переговоры вне Москвы [3]). Параллельно этому растет и самостоятельность московских дипломатов: во время переговоров в Столбове русские послы соглашаются на титул „Ижерский" для шведского короля, не снесясь об этом предварительно с Москвой [4]); в 1634 г. во время переговоров в Поляновке Ф. И. Шереметев и князь А. М. Львов ни разу не запрашивали московское правительство [5]).

Венцом этой самостоятельности является в 60-х годах XVII века та инициатива, которую проявлял в то время руководитель московской дипломатии Ордин-Нащокин: он, как настоящий культурный дипломат, проявлял уже творческие тенденции, составил записку о принципах, на которых должна строиться московская внешняя политика, высказывался там за союз с Польшей и борьбу с Швецией из-за берегов Балтийского моря [6]).

Вообще и в дипломатической сфере к половине XVII в. сложилось довольно определенно самостоятельное ведомство подчиненных органов власти. И дипломатические сношения перестали быть случайными, стали постоянным и правильным явлением [7]).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Контроль и надзор за администрацией.

I.

Еще более отсталой, менее организованной, чем полиция, функцией государственной власти в Московской Руси до половины XVII века является контроль и надзор за администрацией, потому что реальные условия общественной жизни того времени—экономические и особенно социальные — не вызывали еще неутолимой потребности в ограждении прав

---

[1]) Соловьев, История России, т. VI, стр. 368—370.
[2]) Там же, 374—375.
[3]) Соловьев, История России, т. IX.
[4]) Соловьев, История России, т. IX, стр. 111.
[5]) Там же, стр. 235 и след.
[6]) Соловьев, История России, т. XI, стр. 201 и след.
[7]) Зазерский, К характеристике московской дипломатии XVII в.; Сборник в честь Платонова, стр. 354.

личности от произвола властей: слабость развития денежного хозяйства и особенно крепостной общественный строй сыграли тут главную роль. Мы знаем уже, что это отразилось на внешней организации административного надзора и контроля; ни XVI век, ни первая половина XVII-го не знали постоянных центральных учреждений с такими задачами: Приказ приказных дел, Приказ что на сильных бьют челом, Сыскной приказ были временными и рудиментарными учреждениями; по тайным делам были только подьячие, но не было приказа; единственным исключением являлся Челобитный приказ, но он, будучи канцелярией по приему прошений на царское имя, во-первых, ведал не только контроль за администрацией, а все самые разнообразные дела, во-вторых, он может считаться одним из свидетельств в пользу того, что контроль и надзор за администрацией были весьма несовершенны, потому что проявлялись почти всегда не систематически, не в виде постоянной функции высших учреждений, а в форме рассмотрения жалоб со стороны потерпевших. Таким образом, говоря о контроле и надзоре, нам придется иметь в виду почти исключительно разбор и решение дел о должностных преступлениях. Дела эти тогда, как и теперь, решались чаще всего в порядке дисциплинарном, реже—в судебном порядке. Но решались ли они так или иначе, — во всяком случае, как сейчас увидим, очень часто верховная власть принимала в них непосредственное участие.

Исследованию подлежит прежде всего вопрос о том, кем рассматривались и разрешались жалобы на центральные учреждения—приказы.

Приказы иногда оказывали неповиновение верховной власти, не исполняли ее распоряжений. Примером такого неповиновения может служить следующая челобитная гостя Светешникова, относящаяся к 1627 г. Светешников пишет: „пожаловали вы, великие государи, меня, холопа своего, велели закладную Михаила Вешнякова брата ево Володимеровскую вотчинку Вешнякова записать в Поместном приказе за мною холопом вашим“, но судьи приказа „тое вотчинки не записали, а сказали, что о той вотчине есть челобитчики“ Олябьев и Борзецов, и какие подписные челобитные ни приносил затем Светешников, судьи не исполняли их, „норовили“ Олябьеву и Борзецову, „и той вотчинки в книги не запишут, и вас государей о том не доложат“. Дело по этой жалобе было в конце-концов решено самим царем: вотчина записана за Светешниковым, но никакого наказания судьи Поместного приказа не понесли [1]). То же самое наблюдается в другом случае, засвидетельствованном в челобитной новгородца посадского человека Суконникова в 1647 г.: „по твоему государеву по верховному по имянному приказу и по четырем подписным челобитным новгородцу посадскому человеку Василию Варварину по ложному челобитью и по воровской по нарядной купчей дворового твоего государева жалованья данного места с садом и хоромишек моих поставленья моево до подлинново сыску отнимать у меня сироты твоего не велено“, а думный дьяк Назар Чистой из Новгородской четверти велел только выслать Варварина с „воровской“ купчей в Москву, а об оставлении двора за челобитчиком распоряжения не сделал; Суконников просил сделать такое распоряжение, и царь, не подвергая взысканию Чистого, велел сделать [2]).

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., книги запис. вотч. Помест. приказа, $\frac{5969}{1}$, лл. 1—28.

[2]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 183, № 79.

Бывали затем случаи, когда приказ не исполнял законных решений другого приказа, подлежащих непременному исполнению. И тогда жалоба шла к верховной власти, которая и распоряжалась исполнением решения, опять-таки не наказывая виновных. Вот пример: Булат Телицын, назначенный в 1628 г. быть у „государева панихидного дела", был пожалован жалованьем, и дьяк Лихачев дал память во Владимирскую четверть к дьяку Золотареву о выдаче жалованья, но Золотарев не выдал; по жалобе Телицына, государь и патриарх „велели дать ему жалованье" [1].

Если таким образом пассивное сопротивление законным требованиям властей, простое неисполнение их приказами не влекло за собой кары, а вызывало только новое понуждение к исполнению со стороны верховной власти, то злоупотребление и лихоимство вызывало кару по приговору той же верховной власти, при чем производилось следствие, поручавшееся царем каждый раз особоназначенным для того лицам. В 1635 г. царь „указал столнику князю Миките Ивановичю Одоевскому да диаку Пантелею Чирикову по изветной челобитной стадного прикащика Юрья Легасова сыскати про все, о чем он бил челом государю и извещал Конюшенного приказу на диака на Григорья Пятово да на Григорья Кузовлева. А в изветной его Юрьеве челобитной пишет: Пятой в 143 году без государева указу учинил прибавку хлебному и денежному жалованью стремянным и задворным стряпчим и конюхом и всяким людем конюшенному чину перед прошлым годом, а за это взял себе с каждого по 3, 4, 5 рублей, а раньше Пятой был стремянным конюхом и сидел „у государева дела" на московской конской с Кузовлевым и собрали вместо 1200 рублей только 530, брали взятки и морили царских лошадей". О результатах следствия было „выписано в доклад" царю, который и постановил приговор [2].

Далее жалобу царю на приказ вызывало также нередко и неисполнение приказом законных требований просителя. Так, в 1649 г. дьяк Разряда не дал двоим поручителям срока для сыска лица, за которое они поручились; последовала жалоба, и государь велел дать срок [3].

Уже приведенных сейчас фактов достаточно, чтобы сделать понятной и естественной ту страшную волокиту, которая тогда была обычным явлением в московских центральных учреждениях и вызывала также против себя частые жалобы. Наши источники переполнены относящимися сюда фактами, причем опять-таки всегда дело шло к государю и им решалось. Это санкционировано было и Уложением 1649 года, установившим, что сам царь определяет размеры пени в таком случае [4]. Впрочем, надо заметить, что и здесь дело ограничивалось большею частью, даже почти всегда простым понуждением приказов со стороны верховной власти вершить дело „безволокитно" [5].

В общем приходится, следовательно, признать, что контроль и надзор за центральными учреждениями были до конца изучаемого периода

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Императ. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7136 г., № 47.

[2]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик., д. ст. л., св. 79, № 95.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 265, лл. 313, 337 и об.

[4]) Уложение, X, 15.

[5]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 89, № 18, св. 118, № 43, св. 121, № 82, св. 123, № 29, св. 124, № 30, св. 125, № 38, св. 129, № 52, св. 133, № 21, св. 137, № 4, св. 147, № 27, св. 154, № 90, св. 157, № 30 и др.

крайне неорганизованы, сосредоточивались всецело в руках самой верховной власти, что и отражалось на самом существе дела: контрольные действия возникали лишь по жалобам отдельных лиц и проявлялись по преимуществу в виде понуждений к исполнению приказами возложенных на них функций; наказания были редки, применялись только в более важных случаях.

II.

Переходим к рассмотрению вопроса о контроле и надзоре за действиями воевод.

Важнейшим и наиболее часто встречающимся видом должностных преступлений воевод было злоупотребление властью, заключавшееся в обидах и притеснениях жителей вообще и служилых людей в частности. Все случаи злоупотреблений воевод всегда в первой половине XVII века рассматривались царем, который и постановлял при этом окончательное решение. Фактами переполнены источники [1]). Приведем несколько характерных из них. В 1623 г. коломенские посадские люди били челом на воеводу князя Шаховского „в насильствах и налогах", и „государь пожаловал, велел по тому делу доложит себя государя" [2]). В 1638 г. епифанский сын боярский Кофанов жаловался на побои, понесенные им от епифанского воеводы Писарева, и 20 сентября „государь пожаловал, челобитье твое велел записати, а будет учнет тебя Писарев бити и увечити напрасно, ино не про государево дело и вину, и он сам будет бит и увечен" [3]). В 1643 г. елецкий воевода Олябьев сбирал с жителей лишние подати и делал незаконные поборы; государь велел его сменить [4]). В 1654 г. рославльский соборный поп Макар Матвеев бил челом на воеводу Горчакова в том, что воевода „отогнал" его от соборной церкви, захватил все его имущество, продал в свою пользу весь его хлеб, посадил самого попа в тюрьму на две недели и выпустил лишь за 2 рубля, отослал к себе в поместье попова племянника, наконец, во второй раз заключил попа в тюрьму и освободил лишь за 20 р. Царь велел стольнику князю Гагарину произвести следствие и о результатах сообщить царю для его решения [5]). Сюда относятся также случаи волокиты [6]) и отказа принять челобитную по судебному делу [7]), вызывавшие также обязательное участие государя в решении дела. Уложение 1649 г. также устанавливает подсудность царю дел о воеводских злоупотреблениях [8]).

Притеснения под'ячих с'езжих изб со стороны воевод стали уж по мере приближения к половине XVII в. передаваться царем на рассмо-

---

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 82, № 25; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгородс. ст. Разр. № 199, лл. 4—5, 56 и об., № 232, л. 146 и об., № 233, л. 32 и об., № 274, л. 215 и об., № 275, л. 155 и об., № 281, л. 16 и об., № 284, л. 204 и сл., № 298, лл. 30 и об., 170 и об., № 317, л. 26 и об., № 10, л. 56 и об., № 75, л. 163 и об., № 158, л. 193 и об. и мн. др.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владимир. стола Разр., № 31, лл. 629—630.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр. № 135, л. 166 и об.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбы Владим. ст. Разр., № 116, л. 29 и об.

[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 263, лл. 26 и об. и 85.

[6]) См., напр., Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 81, № 6 и друг.

[7]) См., напр., Моск. Арх. Мин. Императ. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7158 г., № 24 и др. [8]) Уложение, X, 150.

трение и решение других воевод, как показывает следующий, напр., факт: под'ячий с'езжей избы во Ржеве Володимировой Вараксин в 1648 г. жаловался на притеснения со стороны воеводы Стрешнева и просил царя велеть судить его с Стрешневым воеводе Собакину; царь исполнил эту просьбу [1]).

К числу должностных преступлений воевод относилось далее превышение власти. Типическими в этом отношении могут быть признаны следующие, напр., факты. В 1639 г. крапивенский воевода жаловался, что полковой воевода отнимает от него „многия осадныя дела"; Разряд, не докладывая государю, решил отписать к полковому воеводе, чтобы он „в осадныя дела не вступался, а ведал ратныя дела" [2]). В 1643 г. галицкий воевода писал, что по одному делу судил и постановил решение чухломской приказный человек Невельский, которому, по грамоте из Галицкой чети, велено было ведать только посад Чухлому, а Чухломская осада Галицкого уезда была подсудна галицкому воеводе; Разряд опять вполне самостоятельно распорядился: „отписат: велет судит в Галиче" [3]). В 1637 г. малоярославецкий воевода Селеховский жаловался на боровского воеводу Поливанова, что последний распечатал грамоты, посланные на имя первого; снова дело решено в приказе: „отписать, чтоб грамот не распечатывал" [4]). Ясно таким образом, что ведение дел о превышении власти воеводами уже перешло к центральным подчиненным учреждениям.

Данные наших источников не оставляют сомнения в том, что дела о непослушании воевод высшим властям рассматривались и решались самой верховной властью. Вот примеры. В 1613 г. суздальский воевода, вопреки предписанию приказа, отказался давать корм 16-ти иноземцам, посланным в Суздаль; царь „велел отписать воеводе: то он делает нехораздо" [5]). В 1612 г. нижегородский воевода, вопреки предписанию земского собора, являвшегося тогда носителем верховной власти, отказал, не дал Милославскому списка с оброчных книг; дело было решено верховной властью [6]). В 1649 г. полковой воевода князь Хилков обвинял осадного воеводу Москотиньева-Плещеева в непослушании; дело решил царь [7]).

То же непосредственное участие верховной власти замечается в решении дел о неисполнении воеводами законных требований равных им властей. В 1635 г. горододелец Колтовской писал в Москву, что болховский воевода князь Мещерский, вопреки его требованию, не позволил биричу прокликать на торгу о вызове сошных людей из Болховского уезда для городового дела в Орел; государь указал написать Мещерскому „с опалою" за непослушанье [8]). В 1647 г. белгородский воевода Бутурлин жаловался на непослушанье карповского воеводы Вердеревского в деле о заготовке хлебных запасов; царь велел пригрозить Вердеров-

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгород., ст. Разр., № 80, л. 14 и об.
[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владим. ст. Разр., № 58, л. 619 и об.
[3]) Там же, № 117, л. 405 и об.
[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр., № 85, л. 377 и об.
[5]) Моск. Арх. Мин. Императ. Двора, столбцы 2-го разр. Оружн. пал., 7121 г., № 74.
[6]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 4, № 1.
[7]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разр., № 220, л. 176 и об.
[8]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр., № 65, л. 207 и об.

скому наказанием [1]). Однако, спустя два года, в 1649 г., мы наблюдаем уже иной порядок—решение дела Разрядным приказом: воевода Царева Алексеева города жаловался, что воеводы разных городов, несмотря на его требования, не высылают к нему детей боярских „нетчиков"; Разряд решил: „послать государева грамота, велет тех детей боярских сыскав выслать в новый Царев Алексеев город тотчас" [2]). И это не единственный факт [3]), так что расширение самостоятельной компетенции подчиненных учреждений в этих делах не подлежит сомнению.

Совершенно гармонирует с этим и тот факт, что неисполнение воеводами законных требований низших должностных лиц ведалось приказами без доклада царю. И так было еще в начале XVII века, что видно из такого факта: в 1617 г. Ногин, посланный с государевой грамотой в Новгород, не получил подвод от тверского воеводы, на что вполне имел право; приказ самостоятельно постановил отписать воеводе, пусть он отпустит Ногина немедленно и впредь таких гонцов не задерживает [4]).

Таким образом, хотя и справедливо установившееся в литературе мнение, что в контроле за действиями воевод было много беспорядочного [5]), но некоторые зародыши большей определенности и организованности наблюдаются уже к концу изучаемого периода, при чем слагается довольно обширный круг немаловажных дел, подведомственных центральным подчиненным учреждениям.

III.

К числу важных должностных лиц в московском государстве, хотя и действовавших непостоянно, а получавших лишь временные специальные поручения, принадлежали писцы, переписчики и дозорщики. Обязанности, на них лежавшие, чрезвычайно сильно затрагивали материальные интересы государства и населения. По этим причинам контроль за их деятельностью оставался все время в ведении самой верховной власти, и дела об их злоупотреблениях разбирались и решались непосредственно царем. В 1625 г. на крайнем севере „писцы по волостям малые сошки неравно писали"; об этом выписано было государю „в доклад" [6]). В 1622 г. царь и патриарх разобрали дело по жалобе романовцев посадских людей на то, что их неправильно „писал и дозирал" Алексей Шапилов [7]). То же было в 1627 г. с жалобой посадских людей ржевичей на писцов Лачинова и Матвеева [8]) и т. д. [9]).

Выбиравшиеся дворянством каждого уезда окладчики в своей деятельности также затрогивали существенные материальные интересы государства и дворянского сословия. Понятно, какую важность имели при таких условиях их злоупотребления. Вот почему и здесь требовалось не-

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр., № 224, л. 50 и сл.
[2]) Там же, № 294, л. 45 и об.
[3]) Там же, лл. 46 и об., 115 и об. и др.
[4]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 6, № 5.
[5]) Чичерин, Областные учреждения России в XVII в., стр. 289 и след.
[6]) Моск. Гл. Арх. Мин. Д., пр. д. ст. л., св. 17, № 25.
[7]) Там же, св. 11, № 9.
[8]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. 9. ст. л., св. 28, № 80.
[9]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 129, № 57, св. 166, № 61; Моск. Арх. Мин. Ин. Юст., столбцы Белгород. ст., № 91, л. 73 и об. и др.

посредственное действие носителя верховной власти. Так, напр.. когда в 1644 г. Дурасов подал известную челобитную на муромских окладчиков, указывая, что они дали неверные сведения о „нетчиках“ и тех отставных служилых людях и вдовах, которые не представили денег за даточных людей, то „государь пожаловал, велел выписат в доклад в Разряде“ [1]).

Переходим теперь к рассмотрению того, кем решались дела о должностных преступлениях лиц, стоявших ниже воевод на административной лестнице, так или иначе им подчиненных.

Сюда относятся прежде всего таможенные и кабацкие откупщики. Их злоупотребления, по крайней мере постольку, поскольку они затрогивали казенный интерес,—а это почти всегда так было, — подлежали каре, налагаемой самим царем. Вот типические примеры: в 1630 г. голландский купец Деледал жаловался на вологодского таможенного голову Иванова, что он незаконно взял пошлину с хлеба, не подлежавшего оплате; дело было решено государем [2]); в 1642 г. кабацкий целовальник Бежецкого Верху Желобицкий продавал вино, пиво и мед по высокой цене и тратил на свое личное торговое предприятие вырученные от продажи вина деньги; дело было доложено царю [3]).

Стрелецкие головы своими злоупотреблениями и проступками не вредили денежным интересам казны и потому не привлекали в такой степени, как таможенные и кабацкие головы, внимания верховной власти. Административная практика первой половины XVII века слагалась здесь в направлении передачи дела в ведение подчиненных учреждений. В 1640 г. стрелецкий голова Бакшиев „говорил невежливо“ с яблоновским воеводой и изорвал на воеводе охабень, а когда воевода его заключил в тюрьму, то стрельцы освободили заключенного; „государь приказал отписат князю Василью Львову, велет про то сыскат и по сыску учинит им наказанье“ [4]). В 1650 г. ефремовский воевода жаловался, что стрелецкий и казачий голова Шетилов вступался в татиные и разбойные дела, хотя эти дела, по грамоте из Разбойного приказа, было велено ведать воеводам; приказ запретил голове такое вмешательство [5]). В 1659 г. в Ряжске стрелецкий голова не слушался воеводы; Разряд послал об этом память в Стрелецкий приказ [6]).

Когда станичные головы не исполняли по небрежности важных военных обязанностей, на них лежавших, благодаря чему государство подвергалось опасности внезапного вражеского нашествия, тогда дело решал царь; так в 1645 г. станичный голова Шеховцев с товарищами не заметили татар; государь указал посадить их в тюрьму [7]). Однако не всегда так бывало: повидимому, московские цари уже сознавали необходимость передачи подобных дел на решение подчиненных учреждений, и, когда дела эти до них доходили, поручали их воеводам, как показывает, напр., факт 1647 года: царь велел воеводе разобрать, виноват ли

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда, № 189, лл. 1—2.
[2]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст л., св. 38, № 5.
[3]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 132, № 15.
[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр., № 128, л. 952 и об.
[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владим. ст. Разр., № 137, л. 110 и об.
[6]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 301, лл. 130 и об 131, 132.
[7]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгород. стола Разр., № 203, л. 579 и об.

был станичный голова в недосмотре относительно нападения крымских татар на город Вольный [1]).

Естественно, что проступки по должности таких менее важных должностных лиц, как осадные головы, карались приказами; в 1639 г. Разряд предписал заключить в тюрьму калужского осадного голову за то, что он, вопреки предписанию, позволял жителям топить бани и мыльни и раскладывать на дворах огни [2]).

Относительно злоупотреблений и преступлений по должности, совершавшихся подьячими съезжих изб, надо заметить, что в тех случаях, когда они были особенно серьезны, что большею частью влекло за собою отставку подьячих, — доклад государю и решение им дела были небходимы. Вот доказательства: в 1640 г. царь отставил подьячего кромской съезжей избы за большие злоупотребления его [3]); в 1652 г. подьячий лебедянской съезжей избы был уличен в том, что он чрезвычайно сильно притеснял жителей; „государь пожаловал, велел тово подьячево от дела отставить“ [4]); то же самое произошло в 1653 г. с подьячим с приписью калужской съезжей избы, который бражничал и ничего не делал без посула, вина и запаса, так что сам воевода вынужден был за него подписывать приставные памяти и закреплять некоторые дела [5]). Но все дела о менее важных должностных преступлениях подьячих, не влекших за собой устранения их от должности, рассматривались и решались в первой половине XVII века всегда подчиненными органами власти. Из большого числа относящихся сюда фактов [6]) приведем на выбор два. В 1631 г. Устюжская четверть разобрала и решила дело о 140 руб. мирских начетных ямских денег, увезенных в Сибирь подьячим устюжской съезжей избы Котельниковым, уехавшим туда торговать [7]). В 1627 г. устюжские посадские люди жаловались на притеснения и обиды от подьячих съезжей избы; жалоба была рассмотрена и вынесен приговор приказом, без обращения к государю [8]).

О должностных преступлениях лиц, занимавших низшие ступени на лестнице административной иерархии в Московском государстве, надо сказать прямо, что все они разбирались и решались подчиненными учреждениями—приказами и воеводами. Это доказывается рядом фактов. Напр., в 1628 г. полковым судьей было подчищено одно дело; воевода за это велел его бить батогами, а Разряд сверх того распорядился посадить на месяц в тюрьму [9]). Около того же времени Кротов жаловался на сотского Шевденицкой волости, что он отказал в производстве следствия и укрыл тем людей, его ограбивших; шенкурский воевода Стрешнев велел доправить с сотского и целовальника 2 гривны за „поноровку“. В 1624 г. площадной дьячек „прописал“, т.-е. написал в челобитной не

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр., № 256, лл. 29—30.
[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст., № 142, ст. 1, л. 53.
[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр., № 192, л. 345 и об.
[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 259, л. 112 и об.
[5]) Там же, № 325, лл. 810, 811, 716.
[6]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 47, № 31; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разр., № 40, лл. 550, 559 и об., № 213, л. 8 и об. и т. д.
[7]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 47, № 31.
[8]) Там же, св. 24, № 27.
[9]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. стола Разр., № 24, л. 100 и об.

сполна, имя государя; приказ, без доклада царю подверг его наказанию батогами [1]).

Отдельно несколько слов необходимо сказать о преступлениях служилых людей, совершавшихся ими во время отбывания ими службы и касавшихся их служебных обязанностей. Мы имеем целый ряд фактов, свидетельствующих о том, что бегство служилых людей со службы, уклонение их от нее вызывали доклад дела на усмотрение царя, который и постановлял решение [2]). Это неудивительно: ревнивое отношение государства к исполнению служилыми людьми их военных обязанностей вызвало верховную власть на непосредственное воздействие в данном случае. Впрочем, уже в сороковых годах XVII века наблюдается отклонение от старого обычая: начинается передача подобных дел в руки подчиненных властей. В 1642 г. один сын боярский, служивший „по выбору", уклонился от службы, — бежал с „посылки на вести"; он был наказан за это Разрядом [3]). В 1648 г. царю было доложено, что семь орловских стрельцов, вопреки приказанию, не были на службе в Бобрике; „государь указал учинит о том указ тем непослушным боярину Илье Даниловичу Милославскому и дьякам" [4]). До государя обыкновенно доходили также дела, касавшиеся грабежей жителей служилыми людьми [5]) или потрав, ими производимых [6]). Но за все остальные нарушения своих служебных обязанностей служилые люди отвечали обыкновенно перед подчиненными властями. Типическими примерами могут служить факты 1628 [7]) и 1651 [8]) годов, показывающие, что казаки, пропивавшие оружие и платье, наказывались Разрядом без доклада дел верховной власти.

Итак, хотя контроль и надзор за администрацией до половины XVII века был неорганизован, случаен, но многие дела по должностным преступлениям перешли уже из рук верховной власти в самостоятельное ведение подчиненных учреждений. Сюда относились дела о притеснениях подьячих воеводами, о превышении воеводами своей власти, о неисполнении воеводами законных требований равных им и низших властей, о злоупотреблениях и должностных преступлениях стрелецких, станичных и осадных голов, о менее важных преступлениях по должности, совершавшихся подьячими с'езжих изб, о должностных преступлениях низших органов администрации (полковых судей, сотских, площадных дьячков и т. д.), наконец, также дела о менее важных служебных проступках служилых людей, составлявших массу московского войска.

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр., № 11, л. 403 об.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разр., № 23, л. 26, № 176, л. 55 и об.; столбцы Белгор. ст. Разр., № 217, лл. 56 и об., 125—126, № 274, л. 185 и об. и мн. др.

[3]) Моск Арх. Мин. Юст., столбцы Владим. ст. Разр. № 117, л. 97 и об.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Белгор. ст. Разр., № 279, лл. 61—62.

[5]) См., напр., Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 115, л. 595 и об.

[6]) См. там же, № 127, л. 249 и об.

[7]) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владим. ст. Разр., № 33, л. 334 и сл.

[8]) Там же, № 138, л. 573 и об.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Отношения между церковью и государством в России до половины XVII века.

В истории отношений между церковью и государством надо различать две стороны: отношения в области административно-технической и отношения в сфере политической. Как влияло государство на административную технику церковного управления, и какую роль играли в учреждениях государственных органы церковной власти — ответ на эти вопросы характеризует одну сторону дела. Каково было политическое значение духовенства и его главы,—ответить на этот вопрос, значит осветить другую сторону. В русской исторической литературе в основных чертах разрешены вопросы, относящиеся к той и другой стороне [1]). Остается только свести приобретенные заключения в единое целое, систематизировать их, сделав при этом некоторые дополнительные замечания.

Церковный строй и отношения церкви к государству находятся вообще под непосредственным воздействием государственного строя, под которым скрывается, разумеется, в конечном счете экономическая и социальная подкладка. Не удивительно поэтому, что в соответствии с основными свойствами политического устройства древнейшей России до конца XII века церковный строй характеризовался в то время почти полной неорганизованностью в сфере административно-технической и полным подчинением церкви государству с точки зрения политической. Клиры из священников, дававшие нередко советы епископам по делам церковного управления, отличались непостоянством своего состава и нерегулярностью действия; архиерейские наместники и тиуны — очень часто из светских лиц — исполняли отдельные поручения без всякой системы и порядка. Даже пределы компетенции церковных властей не установились сколько-нибудь прочно. Известно, напр., что по церковному уставу новгородского князя Всеволода Мстиславича, относящемуся к 1135 году, князья нередко нарушали постановления Кормчей книги, и церковная юрисдикция отличалась неопределенностью и колебаниями: князь отмечает, что он раньше „сам ведал“ тяжбы детей от разных браков между собою, и только теперь передает „все это епископу управливати“, справившись с греческим „Номаканоном“ [2]). Вообще князь мог вмешиваться и действительно вмешивался во все мелочи церковного управления и суда.

В политическом отношении церковь и духовенство находились в древнейшей России в полном подчинении княжеской власти; князья не только вмешивались в дела, подсудные епископам, но и смещали, выбирали, даже судили иерархов русской церкви, а также пользовались видными

---

[1]) См. особенно: Истории русской церкви митр. Макария, г. Голубинского и г. Знаменского; Дьяконов. Власть московских государей; Павлов, Теория восточного папизма (в «Правосл. Обозр.» за 1819 г.); Павлов. Истор. очерк секулярязации церковных земель в России; Хрущев, Сочинения И. Санина; Жмакин, Митр. Даниил и его сочинения; Архангельский, Нил Сорский и Вассиан Патрикеев; Гиббенет, Историч. исслед. дела патр. Никона и мног. друг. Новейшая работа г. Шпакова («Киевские универс. изв.» за 1904 г.) не вносит ничего нового.

[2]) См. его в приложении ко II тому «История русской церкви» Макария.

представителями духовенства для своих чисто-политических целей: призывали епископов в Боярскую думу, отправляли их в качестве послов и т. д. [1]). Не малую роль в таком подчинении сыграла и материальная зависимость духовенства от князей.

Еще в большей степени, чем в древнейшей России, церковь сделалась орудием государства в вольных городах XIII—XV веков: новгородский архиепископ или владыка сделался выборным; его основной функцией стало служение интересам государства в трех сферах,—сфере действия высших государственных учреждений — веча и совета, — в сфере судебной и отчасти политической деятельности и в финансовых делах; управление церковью и духовенством сосредоточилось в руках светских слуг владыки-софиян. Но если политически церковь была подчинена государству, то в то же время техника церковного управления и суда сделали в вольных городах большие успехи. Здесь очень рано выделился небольшой сравнительно круг важнейших церковных дел, решавшихся самим владыкой; сюда относились посвящение священников и диаконов, освящение церквей и наблюдение за церковным благочинием во время поездок по епархии. Все остальные церковные дела—административные и судебные—перешли в самостоятельное ведение софиян—казначея, наместника, десятинников — и корпоративных организаций духовенства—соборов, в лице их поповских или соборных старост [2]).

Северо-восток удельной Руси далеко отстал от вольных городов в отношении церковно-административной техники. И здесь, как и в управлении удельными княжествами, было мало порядка, определенности и постоянства; большею частью давались лишь отдельные временные поручения, постоянное же ведомство отдельных органов церковного управления слагалось чрезвычайно медленно. Впрочем, успехи в данной сфере сравнительно с древнейшей Россией все-таки наблюдались; они проявлялись главным образом в образовании различных органов церковной администрации, слагавшихся по образу администрации светской. У митрополита появились свои бояре, отроки, стольники конюшие и т. д. Суд по духовным делам принадлежал большею частью духовным лицам — протопопам и архимандритам, но для суда над церковными людьми по делам гражданским существовали у архиереев светские слуги—десятинники, волостели и посельские. Соборные протопопы в больших городах (по крайней мере, в Москве) имели некоторую власть над причтами приходских церквей.

С политической точки зрения церковь и духовенство удельной северо-восточной Руси находились в сильнейшей зависимости от государства и общества. Низшее духовенство, согласно канонам, выбиралось прихожанами, но этот выбор все чаще и чаще становился фикцией, превращаясь в простую санкцию воли местных крупных землевладельцев; эти последние нередко позволяли себе при этом большие злоупотребления, напр., добивались от епископов поставления в священники своих холопов и пользовались этим, чтобы извлекать для себя лишние доходы.

---

[1]) Голубинский, История русской церкви, т. I, половина первая, изд. 2-е, М. 1901, стр. 548 и след.

[2]) См. Никитский, Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде,—в «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1879 г. и отдельно.

Положение митрополитов и епископов по отношению к князьям было подчиненным, и это подчинение постепенно увеличивалось по мере усиления великих князей московских. Митрополиты, как Петр, Алексей, Иона, всецело служили государственному идеалу собирания Руси. Дмитрий Донской, Иван III, Василий III распоряжались митрополичьей кафедрой по усмотрению. При Дмитрии Донском Митяй, Киприан и Пимен всецело зависели от милости великого князя. Митрополиты Зосима и Симон были поставлены в сущности по приказанию Ивана III, выбор же их собором епископов был простой формальностью. Василий III возвел в митрополиты Варлаама, потом сместил его и заменил Даниилом. В малолетство Грозного Даниил был заменен Иоасафом и Иоасаф Макарием,— все под влиянием светской власти. Северно-русская церковь того времени вообще близко напоминала состояние католической, римской церкви в X веке и в первой половине XI столетия.

Церковная администрация в западной Руси удельного времени отличалась теми же чертами, что и на северо-востоке: двор и управление митрополитов и епископов отражали на себе светское влияние,—влияние панской вотчины и государственного строя удельной эпохи. У епархиальных архиереев были свои наместники, заменявшие их во всех делах церковной администрации и суда, свои бояре, подскарбие, маршалки с компетенцией, соответствовавшей компетенции одноименных светских слуг государства и отдельных панов. Если положение митрополита и епископов во многом уподоблялось положению панов и князей, то простое духовенство было бедно и ближе всего подходило по своему положению к крестьянской массе. Было много монастырей, большею частью независимых по управлению и суду от епископов. Надо, впрочем, заметить, что и положение епископов не было равно положению панов: в раде они не участвовали. Влияние государства и светского общества на положение западно-русской православной церкви, как учреждения, и западно-русского духовенства, как общественной группы, не ограничивалось тем воздействием, какое оказывали светские отношения и порядки на церковный строй. Существовала, кроме того, и непосредственная зависимость церкви от светского общества. Православные паны участвовали в избрании митрополитов, следили за церковными имуществами и церковным управлением, предотвращали злоупотребления епископов и ходатайствовали перед правительством о соблюдении интересов церкви, как они их понимали. Юридическим основанием этого было право патроната светских лиц над церковными учреждениями, — церквами, монастырями и епархиями. Таким правом патроната пользовались не только отдельные князья и паны, но и городские общины, особенно те, которые организовались на основе магдебургского права. Осуществление права патроната над церквами в городах выпадало большею частью на долю братств. Духовенство тяготилось этой зависимостью от светского общества и пыталось от нее освободиться. С этою целью в 1509 году при митрополите Иосифе Солтане собран был церковный собор в Вильне, важнейшие постановления которого заключаются в следующем: на церковные должности необходимо ставить людей достойных; выбор их—дело епископов и православных панов; патрон лишается права лишать священника патронируемого им прихода или должности без ведома и согласия местного епископа. Рознь между православным духовенством и светским обществом на практике

приводила к усилению власти литовского господаря над православной западно-русской церковью: миряне жаловались на духовенство митрополиту и великому князю; духовенство — в том числе и епископы—в делах между собою также сплошь и рядом обращаются к господарю, а не к митрополиту. В результате получилось то, что в XVI веке господарь захватил в свои руки замещение всех церковно-иерархических должностей, и власть митрополита стала совершенно ничтожной.

Таково было в главных чертах положение западно-русской церкви и духовенства в Литве, западной и юго-западной Руси в удельное время, до конца XV века. XVI столетие принесло за собою очень много нового. Главными новыми явлениями было распространение протестантизма (главным образом, кальвинизма и социнианства), развитие католицизма и установление и утверждение церковной унии.

Кальвинизм и социнианство, рассматриваемые со стороны общественной организации, являются протестом против аристократическаго строя и проповедью демократической простоты и равенства. Условия общественной и государственной жизни Литвы и западной Руси вызывали на такой протест по преимуществу низшие слои населения, но эти слои были слишком мало подготовлены с культурной стороны к восприятию новых религиозных учений. Поэтому и распространялись эти учения только между шляхетством, добивавшимся равенства с князьями и панами, и, когда это равенство было достигнуто, быстро были подавлены, отступили на второй план, сохранили за собой сравнительно-слабое меньшинство. Демократическое устройство церкви таким образом так же не привилось, как не привились и не развились демократические социальные и государственные порядки.

Гораздо более приспособленным, как учреждение, к социальным и политическим условиям Литвы и западной Руси оказался католицизм. Католический епископ виленский с самого своего появления в Вильне при Ягайле в 1386 г. становится членом господарской рады. Католические епископы, кроме того, занимали более независимое положение по отношению к светским панам, чем православные: они прикрывались и защищались авторитетом папы. Присутствие в раде и самостоятельность ставили таким образом высших иерархов католической церкви на равную ногу с знатнейшими литовскими и русскими князьями и панами. Такое же видное положение приобрели и проникшие в западную и юго-западную Русь католические монашеские ордена,—доминиканский и иезуитский. Не надо, наконец, забывать, что и политическая необходимость унии с Польшей в интересах самосохранения литовско-русского государства от опасности, грозившей с востока, была благоприятным для католицизма условием, содействовавшим его распространению. Таким образом, строй католической церкви, утвердившийся в XVI в., более соответствовал господству шляхетского сословия, и если высшая католическая иерархия напоминала князей и панов, то католические священники отражали в своем положении простую, рядовую шляхту.

Связующим звеном между католическим и православным духовенством в этом отношении явилось, несомненно, униатское духовенство. Правда униатские епископы и даже митрополит не получили доступа в сенат, но за то они стали более самостоятельны по отношению к мирянам, чем епископы православные, и, кроме того, сильно повысили свое мате-

риальное обеспечение, так как получили много новых земель. Все это не могло не отразиться на социальном весе униатского духовенства.

Остается указать на то, что развитие католицизма и появление унии отразилось и на положении православной церковной иерархии: эта иерархия еще более обеднела и принизилась в социальном отношении, еще более сблизилась с низшими слоями общества, стала вполне демократической.

Таким образом, удельная эпоха завещала Московской Руси XVI века те же две особенности церковного строя, наличность которых наблюдается и в строе государственном: слабую организацию административной техники и постоянное и сильное непосредственное вмешательство верховной власти во многие мелочи церковного управления, при сильной зависимости церкви от государства.

II.

С половины XVI до половины XVII века техника церковного управления и суда подверглась сильнейшим изменениям, опять-таки явившимся отражением перемен, которые совершились в государственном строе.

Первым шагом в направлении к преобразованию церковной администрации и суда являются постановления Стоглава. Стоглав передал суд по духовным делам исключительно в руки архиереев и их слуг из духовенства, по их поручениям. Это было одним из признаков того стремления, которое наблюдается в русском духовенстве особенно XVI и XVII веков, как наблюдалось и в истории западно-европейской католической церкви,—стремления к независимости от государственной власти. Духовенство было об'явлено подсудным гражданскому суду только по уголовным делам. Архиереи, по Стоглаву, должны были действовать через посредство двух родов слуг—духовных и светских. Светские слуги—владычны бояре—судили только белое духовенство и мирян, живших на церковных землях, по гражданским делам. Остальные дела церковного управления и суда ведались архиерейскими слугами из духовенства,—архимандритами, игуменами, протопопами, выборными поповскими старостами и десятскими священниками [1]).

Постановления Стоглава, как известно, в большей своей части остались мертвой буквой. Но это не означало, что техника церковного управления осталась прежней. Напротив, она непрестанно развивалась, и одним из самых существенных признаков такого развития является появление патриарших приказов. В литературе господствует мнение, что эти приказы—Патриарший Судный или Патриарший Разряд, заведывавший судебными делами и делами о поставлении на духовные места, Приказ церковных дел, ведавший церковное благочиние, Казенный, собиравший сборы с вотчин и духовенства, и Дворцовый, ведавший хозяйство патриаршего дома,—появились только в XVII веке, даже только со времен патриарха Филарета [2]). С этим нельзя согласиться. Следы существования патриарших приказов становятся заметными уже в конце

---

[1]) См. Стоглав в казанском издании.

[2]) Шимко., Патриарший Казенный Приказ.—в „Описании документов и бумаг, хранящихся в Моск. архиве министерства юстиции", кн. IX, стр. 2.

XVI столетия. Так, напр., Патриарший Дворцовый приказ упоминается в одном документе 1595 года [1]).

Дальнейшим шагом по пути изменений в технике церковного управления является царская жалованная грамота патриарху Филарету, относящаяся к 1621 году и установившая для патриаршей епархии такой порядок суда: все духовные лица собственной епархии патриарха подсудны патриарху; в случае, если они сами пред'являют иск к человеку, не подлежащему юрисдикции патриарха, их иски разбираются и решаются в тех приказах, где ведомы судом ответчики; если ответчики выступают с встречным иском, то духовные лица, подсудные патриарху, в этом случае отвечают по суду в тех же приказах. Последние постановления заменяют прежнюю норму, применявшуюся в подобных случаях—сместный суд—и, несомненно, доказывают, что привелегии духовенства уменьшались, потому что сместный суд носит на себе печать большей привилегированности, чем новый порядок.

Наконец, Уложение 1649 года установило особое учреждение для заведывания монастырскими и церковными землями и для суда по гражданским делам над всем духовенством—белым и черным, включая и архиереев,—и над всеми церковными людьми и крестьянами. В случае исков к посторонним, не церковным людям и при встречных исках этих последних применялись правила, установленные жалованной грамотой патриарху Филарету [2]). Учреждение Монастырского приказа имело важное значение для политических отношений между церковью и государством, но не менее важно оно и для истории перемен в технике церковного управления и суда; без сомнения, известные уже нам явления в истории администрации и суда в Московском государстве нашли себе с этого времени применение и в области церковно-административной. Это должно было и здесь технически облегчить роль верховной власти, направить последнюю на принципиальные вопросы и задачи.

III.

Подчинение церкви государству в том виде, как оно осуществилось в XV и первой половине XVI века в северо-восточной России, не осталось без оппозиции. Оно встретило себе яростного врага в лице Иосифа Санина. Большинство исследователей склонны представить себе Иосифа, как сторонника подчинения церкви государству, потому что он признавал в государстве хранителя чистоты веры, обладающего высшей властью в церковном управлении и суде [3]). Надо, однако, заметить, что хранение чистоты веры было, с точки зрения Иосифа, не правом, а обязанностью государя, и при том государь здесь в сущности должен был лишь действовать в интересах церкви и, по ее решению, являлся орудием в руках церкви. Таким образом, Иосиф Санин в сущности был первым ярким выразителем идеи русского папизма и в этом отношении сильно напоминает папу Николая I.

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., грам. колл. экономии, Костром. у., № 5129, л. 20 об.

[2]) Уложение, XII и XIII главы.

[3]) См. напр., Дьяконов, Власть московских государей, стр. 102.

Иосиф имел успех лишь отчасти; он сделал государство орудием церкви в жгучих вопросах того времени,—в вопросе о преследовании еретиков и в вопросе о монастырском землевладении. Но ему не удалось поставить церковь выше государства во всех отношениях. А его ученики и последователи—иосифляне—превратились в рабов светской власти, в „потаковников“ царя, как называл их князь Курбский. Митрополит (потом патриарх) и архиереи стали определять к себе на службу бояр и дворян и увольнять их от службы не иначе, как с соизволения царя. Иван Грозный низложил митрополита Филиппа и превратил его преемников—Кирилла и Антония—в своих полных холопов. При Федоре Годунов лишил власти митрополита Дионисия и возвел на митрополичью кафедру Иова. Самое введение патриаршества не столько означало возвышение церковной власти, сколько отражало рост светской власти самодержавного царя. И с патриархом церемонились не больше, чем с митрополитами. Иов был свергнут первым Лжедимитрием и заменен Игнатием; Василий Шуйский низложил Игнатия и возвел Гермогена. Гермоген, как и другие архиереи его времени, напр., Ефрем казанский, Исидор новгородский и Феоктист тверской, был слепым орудием в руках Шуйского и его партии.

Масса духовенства—белого и особенно черного—примкнула в Смутное время к тем средним слоям русского общества, которые поддерживали существовавший порядок: вместе с средним и мелким дворянством, посадскими людьми и зажиточным северным крестьянством, духовенство высказалось против аристократической олигархии боярства и возвело на престол новую династию. Эта социальная роль духовенства увеличила его удельный вес в политической жизни и возвысила патриарха. Поэтому-то двоевластие царя и патриарха, которое создалось при Михаиле и Филарете, объясняется не столько родственною связью патриарха с царем, сколько правящим положением духовенства на ряду с другими средними слоями русского общества того времени. При Филарете русский папизм сделал таким образом решительный шаг вперед.

Крупнейшим представителем папизма на московской патриаршей кафедре был, как известно, Никон. Он сознательно выставил и проводил в жизнь учение о главенстве церкви над государством, о примате духовной власти сравнительно с властью светской. Не даром во вновь изданную Кормчую книгу он включил знаменитую легенду о даре Константина. Но такие притязания столкнули Никона и представляемое им духовенство с правящими средними слоями русского общества, главным образом, с дворянством, которое к этому времени упрочило самодержавную власть царя. В результате получилось крушение принципа двоевластия и падение идеи папизма в России. Церковь окончательно стала орудием государственной власти, средством, которым пользовалось для своих целей самодержавие [1]).

Таким образом, техника церковного управления и суда, развиваясь и улучшаясь, достигла постепенно к половине XVII века, того же состояния, как и техника управления светского, так что и здесь для верховной власти открылась возможность по преимуществу одной направляющей, принципиальной деятельности; в то же время после некоторой борьбы церковная власть окончательно подчинилась верховной власти московских царей.

[1]) Каптерев, Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Политическая сторона развития верховной власти и высшего управления в Московском государстве до половины XVII века.

I.

Политическая история утверждения самодержавия в России в главных чертах достаточно исследована в нашей исторической литературе. Нам остается только, во-первых, представить резюмирующее изложение вопроса, во-вторых, разрешить некоторые контроверзы, в-третьих—и это главное—связать политический процесс в целом и частностях с явлениями, исследованными нами в предыдущих главах.

Зарождение самодержавия в России относится еще к концу удельного периода, когда обнаружились первые, слабые ростки его. С конца XV века до половины XVI столетия и длится этот первый, зачаточный период развития самодержавной власти русских государей. Период этот характеризовался тем, что определились силы, борьба которых привела, в конце-концов, к утверждению самодержавия; силы эти уяснили себе и усвоили определенные политические идеи; произошли отдельные, спорадические вспышки борьбы, и, наконец, одна из борющихся сил временно восторжествовала.

Силами, определившимися для борьбы одна с другой, были, с одной стороны, думная аристократия, с другой—среднее и мелкое провинциальное дворянство с прибавлением посадских людей и зажиточной части крестьянства. Думная аристократия не представляла собою единой, цельной силы; напротив, она, сообразно своему социальному составу, двоилась, делилась на две части—на титулованное боярство, вышедшее из среды бывших великих и удельных князей, поступивших на службу к московскому государю и занявших первые места в Боярской думе, заполнивших собою чины бояр и окольничих, и на нетитулованных думных людей, главная часть которых принадлежала к числу „детей боярских, живущих в думе“ (впоследствии думных дворян) и больших или введенных дьяков (впоследствии думных дьяков) [1].

Политические настроения каждой из этих социальных групп успели в изучаемый период настолько определиться и скристаллизоваться, что превратились уже в политические идеи, даже в системы политических идей. Наименее систематизированными были воззрения незнатных думных людей, потомков старинных удельных слуг московских князей. Эти люди жили традициями удельной старины, видели политический идеал в прошлом, когда московские великие князья не задавались широкими политическими задачами, не проводили резкой разграничительной черты между собою и своими слугами, держали себя с ними запросто и прибегали к совету с ними по всем делам, охотно выслушивая возражения. Типическим представителем этих реакционеров того времени является известный Иван Никитич Берсень-Беклемишев, которому за его „непригожие речи“

[1]) Ключевский, Боярская Дума древней Руси, изд. 2-е, стр. 273 и сл.

о Василии III и его матери отрезали язык [1]). Впрочем, этот слой и был наименее влиятелен: бывшие удельные слуги были подавлены, с одной стороны, новым титулованным боярством, с другой, незнатным провинциальным дворянством, которое, выслуживаясь, проникало в Думу по преимуществу в чины думных дворян и думных дьяков и здесь большей частью ассимилировало с собой старых удельных слуг.

Таким образом, враждебными, точно определенными, сложившимися силами являлись аристократическое боярство и дворянски-демократический провинциальный, отчасти и столичный, служилый класс. Обе эти социальные силы стремились к преобладанию, и это нашло себе отражение в определенных системах политических воззрений. Формулировка этих систем произведена была самыми образованными элементами той и другой общественной группы,—черным духовенством, монахами, выходившими из их среды. „Заволжские старцы", ученики Нила Сорского, были идейными представителями аристократии, иосифляне являлись идеологами рядового дворянства.

Не подлежит сомнению, что составленная в начале пятидесятых годов XVI века „Беседа валаамских чудотворцев Сергия и Германа" является политическим памфлетом, вышедшим именно из среды заволжских старцев. Здесь ясно и определенно выразилась тенденция знатного боярства к ограничению власти государя через посредство Боярской думы. „Беседа" прямо заявляет: „царем и великим князем достоит из миру всякие доходы своя с пощадою збирати и всякия дела делати милосердно с своими князи и с боляры и с прочими миряны, а не с иноки" [2]).

Иосифлянская группа политических писателей, являясь идейной представительницей среднего и мелкого дворянства, унаследовав давно уже проводившуюся духовенством идею о богоустановленности власти и усвоив представление о том, что Константинополь пал вследствие отступления от православия царя и патриарха во флорентийской унии, и что истинное благочестие сохранилось только на Руси, развила из этих основ целую стройную и сложную теорию значения, задач и целей православного русского царства. В византийской литературе—напр., в сочинениях Мефодия Патарского, Льва Премудрого, в так-называемых видениях пророка Даниила—было не мало мистических пророчеств о судьбе Царьграда. В числе этих пророчеств было одно, в котором говорилось, что „род русых" (ξανθὸν γένος) победит всего Измаила и овладеет Седмихолмым. Этот „род русых" у русских книжников, составлявших сказания о падении Царьграда, заменен был „родом русских". Затем, в 1492 г. во вновь составленной на восьмую тысячу лет от сотворения мира пасхалии великий князь Иван III назван был новым царем Константином, и Москва—новым Константинополем. Подобные представления почерпались также из византийского сказания о Вавилонском царстве, передававшего о том, как греческий император Лев отправил в Вавилон послов, чтобы взять знамение от трех отроков, не сгоревших в печи, и добыть вещи Навуходоносора; после многих опасностей послы принесли ему царский скипетр и шапку Мономаха. Эта легенда пополнялась другой—так-на-

[1]) Акты Арх Экспед., т. I, № 172.

[2]) Беседа валаамских чудотворцев Сергия и Германа, в издании гг. Дружинина и Дьяконова.

зываемой „Историей властодержцев от Ноя“: от Ноя здесь выводился Август, потомком мифического брата которого, Пруса, об'являлся наш Рюрик, от Рюрика же произошел Владимир Святой, который после войны с византийским императором Константином Мономахом получил от него часть животворящего креста и царский венец. После брака Ивана III с Софией Палеолог эти мотивы соединились с новым элементом—указанной сейчас теорией преемства Москвы от Константинополя в деле охраны православия. Еще в 60-х годах XV в. правительство проводило такую теорию в особо составленной брошюре „Слово избрано от святых писаний еже на латыню“. Одним из литературных предшественников „Слова на латыню“ было „Послание инока Саввы на жидов и на еретики“, где великий князь Василий Васильевич назван „потвердником благочестия [1]). В слове он именуется „богошественным поспешником истинне, высочайшим исходатаем благоверия, мудрым изыскателем святых правил божественного закона, истинные веры православия, боговенчанным царем всея Руси“. Но наиболее ярким выражением политической теории русского царства были составленные в XVI в. три послания старца псковского Елеазарова монастыря Филофея—одно к великому князю Василию III, другое к дьяку Мунехину, третье к царю Ивану IV, написанные почти в одних и тех же выражениях. Основная идея посланий выражена так: „два Рима пали, третий (т.-е. Москва) стоит, а четвертому не быть“. Здесь говорится, по собственным словам автора, „о православном царстве пресветлейшего и великостольнейшего государя нашего, единственного во всей поднебесной христианского царя, браздодержателя святых Божиих престолов, св. вселенской и апостольской церкви, которая просияла вместо церкви римской и константинопольской и утвердилась в богоспасаемом граде Москве и которая одна во всей вселенной и лучше солнца светится. Все другие христианские царства исчезли совершенно и соединились в одно царство нашего государя“ [2]).

Такова была теория московского православия и самодержавия, отстаивавшаяся политическими писателями иосифлянской партии.

Столкновение двух враждебных сил выразилось в нескольких вспышках: в „высокоумничаньи“ князей Ряполовского, Ивана и Василия Патрикеевых при Иване III, при чем Василий Патрикеев, постриженный в монахи под именем Вассиана, и позднее вел ожесточенную борьбу с иосифлянами и придал воззрениям заволжских старцев тот политический характер, которого они первоначально, у Нила Сорского, совершенно не имели, в ссылке князя Холмского, в господстве боярской олигархии в малолетство Ивана Грозного, наконец, в влиятельной роли Сильвестра, Адашева и Курбского с „избранной радой“.

Первый период развития самодержавия в России поставил враждебные социальные силы друг против друга и наметил задачи каждой из сторон. Но, кроме того, он создал и еще многое весьма важное: им был утвержден обычай участия Боярской Думы в законодательных делах [3]), определен состав Думы из четырех думных чинов, установлен и характер земских соборов XVI века, так как не может подлежать никакому со-

[1]) См. «Чтение в Общ. Ист. и Древ. Рос.» за 1903 г.

[2]) Малинин. Послания старца псковского Елеазарова монастыря Филофея.

[3]) Ключевский, Боярская Дума древней Руси, изд. 2-е, стр. 281 и след.

мнению, что земский собор 1550 г. по составу своему не отличался от соборов 1566 и 1598 годов, т.-е. состоял по преимуществу из призванных правительством на совещание органов правительственной власти, вождей служилого класса [1]). Таким образом, техника верховного управления в смысле устройства высших учреждений, разделяющих с государем сферу его непосредственной деятельности, достигла уже некоторой степени развития.

Этот период закончился временным торжеством боярской олигархии, выразившимся не только в том определяющем влиянии, какое принадлежало „избранной раде“ до шестидесятых годов XVI века, но и в юридической норме, внесенной в Судебник 1550 года, по которому новые законы должны были устанавливаться „с государева указа и со всех бояр приговора“ [2]). Временная победа боярства понятна: денежное хозяйство еще не начинало сколько-нибудь заметно развиваться и не требовало сильной об'единяющей власти; крепостной общественный строй также еще не сложился; подчиненная администрация едва начала организоваться на новых началах, при том пока непрочных и нежизнеспособных; административная техника и особенно техника высшего управления была совершенно не развита. Одним словом, не было на лицо ни одной из необходимых предпосылок абсолютизма.

II.

Второй момент политической истории самодержавия—это царствование Ивана Грозного с его естественным продолжением—царствованиями Федора и Бориса Годунова. В это время наметились в главных чертах, хотя и не приняли законченного вида, экономические и социальные новообразования—денежное хозяйство с обширным рынком и крепостничество. Понятно поэтому, что окончательно и резко определились и противоположности в политических воззрениях. Отражением этого являются не только знаменитая переписка Грозного с Курбским и написанная последним „История великого князя московского“, но и политические памфлеты Ивана Пересветова. Важны здесь не только его „челобитныя“, но и „Повесть о турском царе Мехмете и волошском воеводе Петре“, в которой прямо высказывается, напр., уверенность в необходимости, чтобы царство было под царем не без грозы. Насколько определились отношения дворянской массы к политике Грозного,—это показывает „Повесть некоего боголюбивого мужа“; здесь царя предостерегают от чар и волхвования „коварных синклитов“.

В то же время, благодаря указанным хозяйственным и социальным переменам, сопровождавшимся связанными с ними другими явлениями, нам уже известными, становится не только возможной, но и необходимой победа самодержавной власти царя над олигархическими тенденциями боярства. Эта победа выразилась прежде всего в знаменитой опричнине Ивана Грозного.

Известна внешняя история опричнины: неожиданное удаление царя в Александровскую слободу, две его грамоты в Москву—грозная к боя-

[1]) Ключевский, Состав представительства на земских соборах древней Руси—в «Рус. Мысли» за 1890 г., № 1, и за 1891 г., № 1.

[2]) Акты Историч. т. I, № 153.

рам и милостивая к остальному населению,—отказ от власти и возврат к ней с особыми полномочиями, учреждение войска опричников под начальством Малюты Скуратова, отобрание в опричнину половины государства. Но смысл и значение опричнины не одинаково понимаются различными исследователями. Некоторые думают, что опричнина—следствие личного каприза, болезненной трусливости Грозного, бившего и правых и виноватых, что она—учреждение для борьбы с лицами, а не с порядками и потому не имеет особенно важного значения [1]). При этом обращают внимание, главным образом, если не исключительно, на казни и пытки, на собачьи головы и метлы на седлах у опричников. Все это, конечно, несомненные факты, и опричнина, как первая по времени политическая полиция в России, нередко преследовала людей вместо того, чтобы уничтожать порядки, боролась с лицами, а не с учреждениями и общественным строем: такова уж участь всякого проявления терроризма, всякой власти, не основанной на законе, а опирающейся на личное усмотрение. Однако, такое понимание опричнины, как показывает ближайшее изучение вопроса [2]), односторонне и потому неверно: она была орудием не только личной, но и политической борьбы, не только губила людей, но и уничтожала враждебные самодержавию порядки. Дело в том, что когда известный уезд отбирался в опричнину, то все землевладельцы, не принадлежавшие к числу опричников, должны были оставлять свои земли, лишались их, сохраняя право искать себе в других местах земли для пожалования их царем. Оставленные земли раздавались опричникам. Таким путем уничтожались старинные удельные владения князей и связанные с ними обширные привилегии, происшедшие не от царского пожалованья, а унаследованные от удельной эпохи: сюда относились и право суда, и право сбора податей, и право дачи жалованных грамот. Так, опричнина с корнем вырывала остатки феодализма, устраняла дробление власти, порывала связь потомства бывших удельных князей с населением, предки которого были подданными предков землевладельцев. Вместе с тем в той же опричнине исчезали и привилегии, являвшиеся следствием знатности происхождения: в опричнине, как известно, не было местничества. Наконец, под влиянием опричнины уменьшилось и политическое значение Боярской Думы: опричная территория, охватывавшая лучшую половину государства, была из'ята из ведения Боярской Думы, которая управляла только земщиной, да и то с доклада государю; к тому же, даже когда опричнина исчезла, приобрела большее, чем прежде, значение комнатная или ближняя дума, развившаяся из предшественника опричнины—совещания „сам третей у постели“. К этому надо прибавить, что и земские соборы—эти совещания с более обширным, чем бояре и другие думные люди, кругом лиц, принадлежащих к служилому сословию,—также содействовали ограничению политических притязаний боярства: многие вопросы первостепенной важности стали рассматриваться на соборах, а не в Думе. Остается, наконец, указать что опричнина содействовала и переменам в технике высшего управления: управляя делами земщины, бояре только по важнейшим делам делали доклад царю; так проводилась самой административной практикой де-

[1]) Ключевский, Боярская Дума древней Руси, изд. 2-е, стр. 337—341.
[2]) Платонов, Очерки по истории смуты в Моск. госуд. XVI и XVII вв., Спб., 1899, стр. 152.

маркационная черта между личной деятельностью государя и деятельностью Боярской Думы.

Понятно таким образом, каким сокрушительным ударом для боярской аристократии была опричнина. Боярство очень хорошо это сознавало. Спрашивается: почему же оно не реагировало на опричнину самым решительным образом? Почему оно не восстало, не подняло открытого возмущения, а или терпело, или бежало за границу? Ответа на этот вопрос, помимо могущества тех общественных элементов, в интересах которых было утверждение самодержавия, надо искать в известных уже нам хозяйственных условиях московского центра. К концу шестидесятых и особенно к семидесятым годам XVI века относится упадок хозяйства в центральных уездах, где расположены были в большинстве своем княжеские вотчины, разорение и запустение их. Это как раз совпало с господством опричнины, достигнувшим своего высшего развития именно в начале семидесятых годов. Разоренные князья не имели таким образом материальной силы, на которую они могли бы опереться в открытой борьбе с царской властью.

Боярство получило при Грозном первый решительный удар, было поколеблено им, но далеко еще не сломлено. Закрепить приобретения опричнины и было целью Годунова, который продолжал лишь в смягченных формах политику Грозного при Федоре и в свое собственное царствование. При Федоре он решительно устраняет знать от всякого политического влияния: он постригает в монахи князя Мстиславского; в 1587 году ссылает князей Шуйских со всеми их сторонниками и низлагает митрополита Дионисия и крутицкого архиепископа Варлаама. В свое собственное царствование Борис все время действует против боярства и в интересах среднего и мелкого дворянства. Такое направление его правительственной деятельности засвидетельствовано целым рядом данных. О нем говорят и Хронограф 1616 г., и сказание Ивана Тимофеева, и Палицын, и Масса, и Флетчер, и польские послы 1608 года Олесницкий с товарищами. О том же свидетельствует возвышение незнатных людей в роде Клешнина. Указы 1601 и 1602 годов, запрещающие вывоз крестьян крупным землевладельцам и разрешающие его землевладельцам мелким, носят на себе сразу бросающуюся в глаза классовую окраску. В Пскове, Смоленске, на разные должности в Москве царь Борис, по словам Тимофеева, назначал своих „родных вспомогателей“ [1]). Такими средствами Борису удалось оттеснить знать и в частности Боярскую Думу от политического руководства, лишить значения ее притязания на участие в верховной власти. Решительные успехи самодержавия были таким образом завещаны XVI веком Смутному времени.

III.

Смутное время еще более дифференцировало общество, определило и подчеркнуло классовые противоречия и выяснило политические идеалы борющихся сторон. Это, как известно, ясно отразилось в обширной литературе повестей и сказаний, появившихся в то время. То были произведения лишь отчасти исторические, в гораздо же большей степени публици-

[1]) Русская Историч. Библиотека, т. XIII, 340.

стические, политические памфлеты. Так, в одном из них, так называемом „Ином сказании", ярко выражены аристократические тенденции, автор высказывается против самодержавия, против Бориса и Лжедимитрия и всецело становится на сторону боярского царя Шуйского. Напротив, „Новая повесть о преславном Российском царстве" резко высказывается против бояр: называя их правителями, автор прибавляет, что их можно назвать и кривителями, а вместо „земледержцев" можно бы наименовать и „землесъѣдцами". Безусловным сторонником самодержавия является и дьяк Иван Тимофеев в своем „Временнике". На своем витиеватом языке он выражает свои политические воззрения следующим, например, образом: „Яко Бога вся купно тварь почитает страхом и молчанием, подобне тому повинуяся служи" и царю; аще и человек царь по естеству, властию достоинства привлечен есть Богу, иже надо всеми; не имать бо на земли высочайши себя" [1]).

Понятно, что уяснение политических тенденций, прикрывавших определенные классовые вожделения, обострило борьбу, прежде всего выдвинуло на первый план тоже олигархически настроенное боярство. Не подлежит ни малейшему сомнению, что первый Лжедимитрий был подготовлен знатью, — Богданом Бельским, Романовыми, Черкасским, к которым потом присоединились Шуйский и Голицыны, возведшие Лжедимитрия на престол при помощи беспринципного карьериста — выскочки Басманова. Все эти князья и бояре лелеяли, разумеется, мысль о своем участии в новой „избранной раде", которая, по их мысли, должна была руководить новым царем, всем обязанным боярству. Но в том-то и дело, что Лжедимитрий оказался обязанным боярству далеко не всем. Он был возведен на престол не одними боярами, а еще и чернью, беглыми холопами и крестьянами, примкнувшими к нему после его вторжения в пределы Московского государства, и вообще, народной массой, недовольной государственными тяготами и все туже затягивавшимся узлом крепостной неволи. Это и дало возможность Лжедимитрию занять положение, совершенно независимое от бояр: он порицает, прямо бранит бояр, восстановляет старую опричную аристократию — Нагих, Романовых, Щелкаловых, — окружает себя незнатными людьми, в роде Басманова, Мосальского, Татева, Власьева, Сутупова, Молчанова, Микулина. Словом, Лжедимитрий I оказался на престоле таким же самодержцем, какими были Иван Грозный и Борис Годунов.

Тогда боярство предприняло новую энергичную попытку уничтожить самодержавие. Составленный заговор увенчался, как известно, успехом,—убийством Лжедимитрия и возведением на престол Василия Шуйского. С него взята была „запись", содержавшая следующие постановления: 1) „всякого человека, не осудя истинным судом с бояры своими, смерти не предати"; 2) вотчин у родственников бояр — государственных преступников, если эти родственники не принимали участия в преступлении, не отнимать; 3) это последнее относится и к гостям и торговым людям; 4) не слушать „доводов" (т. е. доносов).

В нашей исторической литературе существует мнение, что изложенная запись нисколько не ограничивает царской власти и не представляет собою договора царя с боярами, а является просто манифестом

[1]) Русская Историч. Библиотека, т. XIII, 397, 398.
[2]) Платонов, Очерки по истории смуты, стр. 303.

о восстановлении порядка, существовавшего до опричнины. В доказательство этого мнения приводится то соображение, что в резюме грамоты, помещенном в конце ее, нет слов „с бояры своими“ [2]). Но, во-первых, надо оценивать грамоту по полному тексту, а не по резюме, а там есть слова „с бояры своими“; во-вторых, ничего подобного тому, что установлено записью Шуйского, не было до опричнины: напр., Берсень был приговорен без решения боярской думы, Патрикеевы — тоже, Шуйские и Воронцов в малолетство Грозного—тоже; имения отбирались у ни в чем невиноватых родственников, „доводам“ верили; в-третьих, Шуйский присягнул на своей записи, как конституционный государь присягает на верность конституции.

Итак, царь Василий—не был самодержцем, хотя, конечно, нельзя сказать, чтобы он во всех делах был юридически ограничен записью: в ограниченной грамоте ничего не говорится о способе установления налогов и о законодательстве.

Положение Шуйского было очень затруднительно: прежде всего он должен был угождать знатнейшим боярам — бывшим удельным князьям, которым он обязан был своим престолом; затем, он не мог слишком раздражать и менее знатных людей, а в особенности, опасно было вызывать недовольство в среде рядовых служилых людей, купцов и черного городского и сельского населения, потому что эти общественные слои и без того подозрительно и недоверчиво относились к боярскому царю. Так как у всех перечисленных классов русского общества того времени были различные, часто даже прямо противоположные интересы, то никакой компромисс не оказывался возможным. Поэтому Шуйский ничего реального не предпринял и не мог предпринять по отношению к народной массе—городской и сельской—и к рядовым служилым людям—столичным и провинциальным. Нельзя же считать реальным делом рассылку увещательных грамот с обличением самозванца Лжедмитрия I или составление политических памфлетов в роде „Повести 1606 г.“, описание перенесения мощей Дмитрия или извета старца Варлаама о Гришке Отрепьеве: было слишком очевидно, что все это вдохновлялось правительством и тенденциозно окрашивало политические обстоятельства и события в тот цвет, какой угоден был господствующей партии, а выгод от этого для средних и низших слоев общества не получалось никаких. Уже это создавало ропот и недовольство, которые подкапывались под трон Шуйского и скоро повели к буре. Менее знатное боярство Шуйский не только не привлекал к себе, но, бросившись в об'ятия княжеской аристократии, стал его преследовать: Власьева, Бельского, Мосальского, Салтыкова он разослал по воеводствам; к Романовым относился подозрительно, видя в них претендентов на престол, и лишил их племянника, князя Черкаского, должности кравчего.

Шуйский был и остался царем, угодным исключительно одному знатному титулованному боярству, которое и превратило Московскую Русь его времени в олигархическое государство [1]). Но всякая олигархия имеет ту особенность, что ее участники—олигархи не могут ужиться друг с другом мирно, начинают грызть один другого, интриговать друг про-

[1]) Верно, что Шуйского поддерживали также богатые купцы; любопытно также, что Шуйский одно время пытался связаться с дворянством; см. Покровский, Рус. история.

тив друга, ссориться, потому что обаяние власти, столь близкой и доступной, заставляет ревниво относиться к соперникам и соучастникам. Воротынские, Голицыны и Куракины своевольничают и сталкиваются между собою, и дело кончается тем, что Воротынские и Голицыны принимают, наконец, участие в низложении царя—само-собою разумеется, в личных своих выгодах.

Таким образом, у Шуйского не было опоры в сущности нигде и ни в чем. В таких-то обстоятельствах началось восстание народных масс, на знамени которого было написано требование не столько самодержавия, сколько социальных облегчений. Облегчения рисовались массам в виде возвращения к старому приволью и простору, к вольному захвату земли, к социальному равенству. К восставшим присоединились средние землевладельцы—провинциальные дворяне, недовольные исключительно одной политической олигархией, и мелкие служилые люди, которые были и за самодержавие и за улучшение своего экономического положения. Каждая из этих трех групп имела своего вождя; народная масса—казаки, крестьяне и холопы—Болотникова, среднее провинциальное дворянство—Прокопия Ляпунова и Сумбулова, мелкое—Истому Пашкова. Все трое соединились и осадили Москву. Это было, однако, лишь главное ядро восстания, а, кроме того, подняли еще ряд более мелких возмущений местами социального, но чаще политического характера. Политический характер протеста против аристократической формы правления и требования возврата к самодержавию имели волнения в Вятке, Перми и вообще на севере. По преимуществу социальную окраску приобрели движения в Нижнем-Новгороде и в южных городах. Шуйского и правящий его именем класс на время спасла рознь его врагов: Ляпунов, Сумбулов и Пашков разошлись с Болотниковым, потому что социальные противоречия между представленными каждым из них классами были слишком велики; впоследствии Болотников был взят в плен в Туле и казнен; враги боярской олигархии стали истребляться тысячами: начался правительственный террор.

Но, как и всегда в революционные эпохи, террор не мог задавить общественное движение: скоро у Шуйского появился новый враг в лице Тушинского вора. Нет сомнения, что он был кандидатом той же казачьей, крестьянской и холопьей массы, которая выдвинула раньше в качестве своего вождя Болотникова. Ставя себе по существу реакционные экономические и социальные задачи, имея в виду в сущности возврат к далекой старине, эта масса в сущности не имела и сознания необходимости самодержавия. Наиболее сознательная в политическом отношении часть ее—казачество—стояла не за самодержавие, а за казацкую раду—подобие древнего веча, т. е. в сущности за первобытную неорганизованную демократию. Политическая программа Лжедимитрия II отличалась тем большей неясностью, что, на ряду с этими влечениями в сторону первобытной демократии, в стану самозванца заметны были и польские дворянские тенденции с оттенком также олигархическим: не даром северные города указывали, что тушинцы „все городы отдают паном в жалованье, в вотчины, как и прежде сего уделья бывали". По всем этим причинам северные города, которые стояли за существующие социальные отношения и в то же время за восстановление самодержавия, скрепя сердце, возвратились под власть царя Василия, считая ее меньшим злом срав-

нительно с господством тушинцев. Скопин-Шуйский, своей победой над тушинцами, и Сигизмунд польский, вторжением в Россию, погубили Лжедмитрия II, но вместе погиб и Шуйский: его войско разбито поляками, олигархи враждуют между собой, против царя высказываются средние классы — дворянство и купечество — и сводят Шуйского с престола [1]).

Так пал боярский царь, исчезла боярская олигархия.

IV.

Олигархия, впрочем, попыталась еще себя спасти, перехватив и видоизменив в свою пользу политический проект, исходивший из кругов, ей враждебных. Мы видели, что непрочность положения Тушинского вора в значительной степени определялась пестротой социального состава его сторонников. Эта пестрота осложнялась еще примесью бывшего опричного боярства и родственной ему по социальной природе группы новых авантюристов—карьеристов, большею частью очень незначительного происхождения, вышедших из общественных низов. Сюда принадлежали Романовы, Салтыковы, Вельяминовы, Трубецкие—все опричная знать; авантюристы, как Молчанов, Грамотин и Андронов. Эти люди решили предложить престол королевичу Владиславу и выработали проект особого договора с новым царем—документ, требующий тем более внимательного анализа, что, как надо думать, он не остался без влияния и на запись, взятую впоследствии с первого царя новой династии.

Договор Салтыкова [2]) с Сигизмундом по поводу кандидатуры Владислава носит на себе резко выраженную классовую окраску. Особенно характерна в этом отношении социальная программа Салтыкова и его товарищей: здесь прямо выставляется требование запрещения крестьянского выхода и выхода холопов на волю; крепостнические тенденции дворянства, диктовавшиеся, как нам уже известно, всем новым складом хозяйственных отношений, выразились здесь как нельзя более ясно. Другое условие также указывает на классовый эгоизм среднего и мелкого, незнатного дворянства, опасавшегося перевеса знати: Салтыков с товарищами требуют, чтобы их не понижали по службе, чтобы заслуга имела не меньшее значение, чем знатность происхождения; параллельно этому, сознавая, что преимущества их заключаются в способностях и знаниях, незнатные дворяне выговорили себе право ездить за границу для получения образования. Характерна и защита интересов купечества—просьба о предоставлении купцам права свободно ездить за границу для торговли; это показывает, что дворянство чувствовало в торговом классе естественного своего союзника. Тот же классовый интерес продиктовал и остальные условия — требование независимости Московского государства от Польши и Литвы, сохранение его административного и социального строя и религии, санкционировавшей существующий порядок. Наконец, рядовое выслужившееся дворянство почувствовало потребность в юридических гарантиях своего преобладания; оно потребовало ограничения власти Вла-

[1]) Платонов, Очерки по истории смуты, стр. 303 и сл.

[2]) Надо, впрочем, заметить, что душой этого плана был, вероятнее всего, Филарет Романов.

дислава не только Боярской думой, но и советом „всея земли“; не надо представлять себе это требование строго-демократическим: известно, что состав земских соборов XVI века был почти исключительно дворянским служилым. Некоторые исследователи склонны думать, что „ограничение единоличной власти Владислава... вытекало в договоре не из какой-либо политической теории, а из обстоятельств минуты, приводивших на московский престол иноземного и иноверного государя“ [1]). Дело, конечно, не в политической теории, а в классовых интересах незнатного дворянства, в наличности которых сомневаться совершенно не приходится.

Договор Салтыкова с Сигизмундом был заключен 4 февраля 1610 г. Но он не вошел в силу: дворянская и посадская масса не сомкнулась около него, потому что не успела еще политически сорганизоваться, а боярская знать его перехватила и исказила, заменив договором 17 августа, чисто-боярским по тенденциям, ограничивавшим Владислава только Боярской думой. Так произведена была новая попытка утвердить боярскую олигархию. Понятно, что ею были недовольны Салтыков с компанией, и этим об'ясняется поддерживаемая ими кандидатура самого Сигизмунда. Бояре попрежнему остались одинокими и не могли утвердить свое господство.

Смута, поддерживаемая боярской знатью, казаками, крестьянами и холопами, карьеристами в роде Салтыкова и Андронова, достигла высшей точки своего развития. Больнее всего она отражалась на интересах средних слоев русского общества—среднего и мелкого дворянства, посадских людей, зажиточной части крестьянства и примыкавшего к ним духовенства. Денежное хозяйство, крепостной общественный строй, уничтожение боярской олигархии—вот в чем заключались классовые интересы названных общественных групп. Восстановление порядка для них было насущной потребностью тем более, что польское дворянство в отрядах Сапеги Лисовского, Рожанского направляло все усилия к истреблению дворянства русского [2]). За порядок высказались как раз города северные и северовосточные, а также города, расположенные по северной, восточной и южной окраинам центра, не подвергшимся экономическому кризису XVI века [3]); таковы Рязань, Нижний-Новгород, Ярославль, Галич, Кострома, Вологда и т. д. В результате и получились две попытки восстановить порядок, одна неудачная—попытка Ляпунова, другая успешная—попытка Минина и Пожарского. Духовенство, сначала в лице патриарха Гермогена, потом главным образом через Троицкую Лавру, оказывало деятельную духовную поддержку ополчению средних слоев населения.

Не подлежит ни малейшему сомнению тот факт, что хотя победителями оказались средние слои русского общества, но избрание первого царя новой династии было результатом компромисса, соглашения противоположных партий. Не забудем прежде всего тех горячих продолжительных споров, которые предшествовали на земском соборе избранию царя Михаила. Не забудем и того, что сам Пожарский был сторонником кандидатуры князя Голицына. За компромисс говорит и наличность записи, взятой с Михаила. В исторической литературе сделана попытка истолко-

[1]) Платонов, Очерки по истории смуты, стр. 425.
[2]) Покровский, Русская История.
[3]) См. наше Сельское хозяйство Моск. Руси в XVI в., стр. 60—63.

вать и эту запись в том смысле, что она не ограничивала власти царя [1]). Но не подлежит сомнению несостоятельность такого толкования в виду категорического свидетельства Котошихина, царь что Михаил, „хотя самодержцем писался, однако без боярского совету не мог делати ничего“ [2]). Можно догадываться, что салтыковский договор явился важным прецедентом записи Михаила: не даром так часто созывались в его царствование земские соборы.

V.

Нам остается рассмотреть последний момент в политической истории происхождения самодержавия в России—царствование Михаила и начало царствования Алексея.

Царь Михаил не был самодержавным государем. Тем не менее, его царствование имеет весьма важное значение для политической истории самодержавия в России. Мы видели отчасти, в чем состоит это значение. Если уже предшествующее время выдвинуло важные перемены в народном хозяйстве, социальных отношениях и отчасти в административном строе, то в царствование Михаила, особенно к сороковым годам XVII века, слагается в более систематическом виде административная техника, поскольку она имеет отношение к непосредственному участию верховной власти в делах управления. К этому надо добавить, что и техника правительственной деятельности высших учреждений—земского собора и Боярской думы—сложилась более или менее правильно и систематично именно в царствование первого царя новой династии. Нижеследующие наблюдения убеждают в этом.

Что земские соборы XVII века превратились в организованные учреждения,—это хорошо выяснено в специальной литературе. Установлено, что земские соборы сделались представительством тех именно средних слоев русского общества, которые все более и более выдвигались на первый план реальными условиями русской хозяйственной и социальной жизни того времени. Представительство это не походило уже на то, которое наблюдалось на земских соборах XVI века, а было организованным: производились правильные выборы [3]). В последнее время удалось найти документ, ставящий вне всякого сомнения тот факт, что, при выборах на земский собор 1648—49 годов, избиратели снабжали своих выборных определенными инструкциями или наказами [4]). Без сомнения, это не было новостью, не являлось специфическим признаком собора 1648—49 гг., а было традицией, унаследованной от прошлого, обычаем, утвердившимся еще в царствование Михаила.

Хорошо известно, какая серьезная и многосторонняя созидательная, творческая работа исполнена была земскими соборами XVII века [5]). Венцом этой работы явился и новый кодекс—Уложение 1649 года. Нельзя не признать, что деятельность земских соборов сильно облегчила положе-

[1]) Маркевич, в статье, помещенной в «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1889 г. [2]) Котошихин, стр. 104.

[3]) Латкин, Земские соборы древней Руси, стр., 266 и сл.

[4]) См. сообщение г. Алексеева в «Трудах Археографической Комиссии Моск. Археологич. Общества», т. II, вып. второй.

[5]) Латкин, Земские соборы древней Руси, стр. 282 и сл.

ние верховной власти и в то же время удовлетворила не требовавшим отлагательства потребностям правящих классов русского общества. Дворянство в главной своей массе было удовлетворено и перестало ощущать нужду в непосредственном воздействии на государственную власть через выборных: оно и так оставалось правящим классом. С другой стороны, так как главные вопросы государственной жизни были разрешены земскими соборами в духе господствующих в обществе интересов, то верховной власти было легко справиться с текущей законодательной работой, не прибегая к такому чрезвычайному средству, как земские соборы. Таков был смысл того содействия образованию самодержавной власти русских государей, которое, быть-может и не сознательно, оказывали земские соборы. Чтобы убедиться в этом, достаточно перечислить те вопросы, которых касалась деятельность соборов XVII века. Сюда относились, если не считать выборов царей, регулирование землевладельческого права, дела внешней политики, кодификация права, распоряжение о производстве переписей, финансовые дела (установление налогов), торговые договоры, установление внутреннего порядка в государстве [1]).

Параллельно тому, как организовались и развивали свою деятельность земские соборы, происходили изменения в технике правительственной работы, совершавшейся в Боярской думе. Основная черта этих изменений состояла в том, что сложился обычный круг дел, которые всегда решались с участием Думы. Само-собой разумеется, это не исключало возможности обращения царя к Думе по другим вопросам, как и рассмотрения и решения в отдельных редких случаях дел, обычно решавшихся Боярской думой, без ее участия, но все это были уже исключения, нисколько не опровергающие общего правила, основной тенденции, установившейся в правительственной практике [2]).

В течение всей первой половины XVII века ни один закон, касающийся холопства, не был издан без участия Боярской думы. Вот ряд фактов, подтверждающих это положение: 16 августа 1603 г. государь указал и бояре приговорили: тех холопов, которых в голодные годы их господа не кормят, а отсылают от себя, освобождать на волю [3]); 7 января 1606 г. состоялся боярский приговор о том, чтобы отец и сын, поступающие в кабальное холопство, давали каждый на себя особую кабалу, а не писались в одной общей [4]); в 1607—1609 годах состоялся ряд приговоров Боярской думы по делам о холопстве [5]) и т. д.

Точно так же при издании новых законов, касавшихся землевладения, поместного и вотчинного права, цари Михаил и Алексей всегда совещались с Боярской думой. Об этом на каждом шагу свидетельствует прежде всего Указная книга Поместного приказа: напр., в 1622 г. „государь.... советовав со отцом своим... и говорил о том с бояры“ [6]); 20 февраля 1621 года государь и отец его указали и бояре приговорили об отписке вотчин на государя у тех, кто не значится в осадном списке о царя Васильевом осадном сиденье [7]): в 1636 г. государя „докладывал думный дьяк Михаил Данилов о поместных и о вотчинных статьях. И

[1]) Латкин, Земские соборы, стр. 282 и сл.
[2]) Ср. Ключевский, Боярская дума, изд. 2-е, стр. 441 и след.
[3]) Акты Историч. т. II, № 44.
[4]) Там же, № 63. [5]) Там же, № 85.
[6]) Сторожев, Указная книга Поместного приказа, стр. 33.
[7]) Там же, стр. 38.

государь... указал тех статей слушать бояром; а что о тех статьях бояре приговорят, и о том государь велел доложить себя государя [1])" и т. д. То же подтверждается и новоуказанными статьями: ряд боярских приговоров о поместном владении землей состоялся в 1649 г. [2]); в 1650 г. бояре приговорили об отмежевании пустошей, неправильно примежеванных к поместьям [3]), и о целом ряде других законодательных вопросов, касавшихся поместий и вотчин [4]); то же наблюдается в 1651 [5]) и 1652 [6]) годах.

Установление этих прочных норм законосовещательной компетенции Боярской думы также содействовало тому, что к половине XVII века московский государь почувствовал себя в силах стать действительно самодержавным, усвоив себе по преимуществу направляющую и принципиально—определяющую деятельность.

Царь Алексей занял престол, не будучи ограничен в своей власти никакой записью. Тем не менее, в первые годы своего царствования он продолжал созывать земские соборы. Это продолжалось, однако же, недолго: земский собор 1653 года был последним полным, правильно составленным земским собором в Московском государстве.

После этого правительство усвоило обычай совещаться с экспертами из лиц, принадлежащих к тому или другому сословию, которого касался ближайшим образом обсуждаемый вопрос. Повидимому, служилое сословие—эта главная опора установившегося после Смуты государственного порядка—было довольно этим и не претендовало на новый созыв земского собора. Некоторые тенденции в сторону продолжения соборной практики заметны были только в среде посадских людей. В 1662 году посадские люди города Москвы—все от высших до низших разрядов,—гости, люди гостиной и суконной сотен, а также и люди черных сотен и слобод, по случаю денежных затруднений, переживавшихся страной в 50-х и 60-х годах и вызванных попыткой введения медных денег, заявили верховной власти о том, что они признают полезным созвать земский собор. Это заявление оказалось, однако, бесплодным [7]). Московское правительство окончательно вступило на путь абсолютизма. Процесс происхождения самодержавия в России закончился.

Исследование политической стороны процесса происхождения самодержавия в России приводит таким образом к следующим выводам: 1) в первый момент—с конца XV до половины XVI века—определились и уяснили свои задачи главные общественные силы, вступившие между собою в политическую борьбу,—боярство и дворянство,—и временно одержало верх боярство, ограничившее власть государя; 2) второй момент—с половины XVI до начала XVII в.—характеризуется открытым столкновением враждебных сил, выразившимся в опричнине, в казнях и конфискациях Грозного и в ссылках Годунова; дворянская самодержавная монархия одержала первую решительную победу, которая была подготовлена тем, что были заложены основы денежного хозяйства, крепостных социальных отношений, новой административной системы; решительное

---

[1]) Там же, стр. 115.
[2]) Полное Собрание Законов, №№ 14, 15, 16, 17, 20. [3]) Там же, № 25.
[4]) Там же, №№ 27, 30, 31, 32, 33, 42, 45, 46, 53, 54.
[5]) Там же, №№ 59, 73. [6]) Там же, № 89.
[7]) Платонов, Статьи по русской истории, Спб. 1903, стр. 160—161.

сопротивление самодержавию со стороны боярской аристократии было парализовано постигшим центр страны в конце XVI века экономическим кризисом, генетически связанным с зарождением денежного хозяйства; 3) в третий момент борьбы—в Смутное время со вступления на престол Лжедимитрия до выбора первого царя новой династии—наблюдается ограничение царской власти, сопровождавшееся сначала временным торжеством боярской олигархии при Шуйском, потом торжеством средних классов русского общества, вынужденных, однако, вступить в компромисс по поводу избрания Романова на ограничивающих его власть условиях; 4) в четвертый момент—при Михаиле и в началах царствования Алексея—эти средние классы, заинтересованные в установлении порядка,—преимущественно дворянство—организовали высшее управление, подняли на высшую ступень административную технику вообще и развили широкую творческую законодательную деятельность в земских соборах, что, на ряду с экономическими и социальными предпосылками, создало окончательное торжество самодержавия в пятидесятых годах XVII века.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Общие выводы.

Нам остается свести воедино результаты предпринятого исследования. Предшествующее изложение обосновывает такие тезисы.

1. До XVI века в России не существовало самодержавия; в древнейшей России—до конца XII века—государство было неорганизованным двоевластием веча и князя; в вольных городах XIII—XV веков оно являлось аристократической муниципальной республикой; государственный союз северо-восточной удельной Руси представлял собою типическое вотчинное государство, в котором государственные функции рассматривались, как простые хозяйственные аттрибуты земельного владения; Литовско-русское государство было реальной унией отдельных земель, развивавшейся в унитарное государство, с ограничением власти государя дворянскими представительными учреждениями.

2. Такие политические порядки находились в тесной связи с хозяйственным бытом, социальными условиями и административной техникой; в древнейшей России хозяйство, общество и техника управления отличались полной аморфностью; в вольных городах преобладание внешней торговли в высших слоях общества и связанный с этим переход земли в руки бояр создали перевес аристократии и элементы технической организации высшего управления; в северо-восточной Руси XIII—XV веков господствовало земледелие при сохранении натурального хозяйства, утвердилось служилое землевладение—вотчинное и поместное—возникли в зародыше классы и сословия, и начало, хотя и весьма слабо, технически преобразовываться высшее управление; западная Русь характеризовалась преобладанием земледелия при весьма быстром движении к денежному хозяйству, господством дворянского землевладения, ростом классового и сословного значения дворянства и постепенной сменой едино-

личной деятельности князя-вотчинника его совместной работой с коллегиальными дворянскими учреждениями—радой и сеймом.

3. В Московском государстве XVI и первой половины XVII века начало утверждаться денежное хозяйство с обширным рынком, причем под влиянием этой перемены наблюдается резко выраженный экономический кризис в главных областях государства.

4. Для того, чтобы преодолеть этот кризис и успешно справиться с переходом от натурального хозяйства к денежному, рассчитанному на обширный сбыт, русское общество XVI—XVII веков сомкнулось в крепостные сословия, в среде которых перевес принадлежал дворянству.

5. Соответственно хозяйственным и социальным условиям в XVI и первой половине XVII века организованы были органы подчиненного управления—местного и центрального: в местном управлении система кормлений была сначала ограничена частичной примесью выборных учреждений со специальным назначением и применением по частям хозяйственного управления городовых приказчиков, а затем заменена опытом земского самоуправления, применявшимся, однако, далеко не повсеместно, и, наконец, централизованной бюрократией в лице воевод, сосредоточивавших в своих руках все отрасли областного управления; в центральном управлении развились приказы, причем, в соответствии с хозяйственными и социальными потребностями, раньше и полнее всего организовались управление дворцовым хозяйством и заведывание службой, землевладением и внешней политикой, почти одновременно, но отчасти уже позднее двинулось вперед центральное финансовое управление, затем следовала организация центральных судебных учреждений и военных приказов; еще позднее и меньше развивались приказы, ведавшие общественное благоустройство и благосостояние, и, наконец, совершенно отсталой по времени и по степени развития является контролирующая администрацию деятельность высшей власти.

6. К половине XVII века техника высшего управления постепенно преобразовалась в смысле усиления самостоятельности бюрократии и избавления верховной власти от множества мелких дел, прежде до нее восходивших. В разрядных делах органы подчиненного управления стали самостоятельно ведать запись в службу главной массы служилых людей, служебные отпуски низших чинов в невоенное время, переводы из гарнизонной службы в полевую, назначение на все мелкие должности в войске, центральном и областном управлении, верстанье окладами, назначение специальных вознаграждений, придачи к окладам низших чиновников, справку придач для всех служилых людей, выдачу инструкций областным правителям, сбор сведений о состоянии военных сил государства и, наконец, устройство мелких укреплений. В отношении к землевладению органы подчиненного управления успели сосредоточить в своих руках самостоятельное заведывание хозяйством на дворцовых землях, поскольку оно шло нормальным, обычным порядком, сдачу на оброк разных доходных статей на черных землях, передачу свободных дворов на посадах, нотариальное укрепление владельческих прав на землю, исполнительную деятельность по производству статистических описаний и межеваний земли и разбор поземельных тяжеб обычного характера. В финансовом отношении подчиненные учреждения

приобрели право отдачи казенных сборов на откуп и сдачи их на веру в тех случаях, когда откупная или „верная“ система существовала уже в данной местности, и не требовалось перехода от одной из них к другой; те же учреждения отсрочивали на непродолжительное время платеж податей, получали все доходы государства, выдавали обычное жалованье служилым людям высших разрядов и важнейшим должностным лицам по центральному и областному управлению, а также дворцовым слугам, наконец, производили и другие расходы, если они были невелики по размерам. Самостоятельные судебныя функции подчиненных учреждений выражались в половине XVII века в производстве следствия по государственным преступлениям, в рассмотрении и решении дел о преступлениях против власти и против порядка управления (за исключением особенно важных), исков о крестьянах и холопах, дел о закабалении и закрепощении свободных людей, о выходе служилых и посадских людей из их состояний, наконец, обыкновенных заурядных дел об убийстве, о преступлениях против здоровья, чести и против прав имущественных и всякого рода гражданских тяжб. Самостоятельные полицейские функции подчиненных учреждений к тому же времени слагаются из элементарной охраны общественной безопасности, снабжения паспортами купцов, заведывания пожарной частью, исполнительной деятельности по ямской гоньбе и менее важных дел по торговой полиции. В дипломатической части также развивается самостоятельность подчиненных органов, выражающаяся в ведении переговоров без непосредственного по каждой подробности сношения с верховной властью и в выработке принципиальных основ для внешней политики. Хотя контроль и надзор за администрацией был не организован, случаен, но многие дела по должностным преступлениям перешли уже из рук верховной власти в самостоятельное ведение подчиненных учреждений: сюда относились дела о притеснениях подьячих воеводами, о превышении воеводами своей власти, о неисполнении воеводами законных требований равных им и низших властей, о злоупотреблениях и должностных преступлениях стрелецких, станичных и осадных голов, о менее важных преступлениях по должности, совершавшихся подьячими с'езжих изб, о должностных преступлениях низших органов администрации, наконец, также дела о менее важных служебных проступках служилых людей, составлявших массу московского войска.

7. Техника церковного управления и суда постепенно в половине XVII века достигла того же состояния, как и техника управления светского; в то же время после некоторой борьбы церковная власть окончательно подчинилась верховной власти московских царей.

8. Самодержавие в России окончательно сложилось к пятидесятым годам XVII века, причем в его политической истории надо различать четыре момента. В первый момент—с конца XV до половины XVI века—определились и уяснили свои задачи главные общественные силы, вступившие между собою в политическую борьбу,—боярство и дворянство,—и временно одержало верх боярство, ограничившее власть государя. Второй момент—с половины XVI до начала XVII в.—характеризуется открытым столкновением враждебных сил, выразившимся в опричнине, в казнях и конфискациях Грозного и в ссылках Годунова; дворянская самодержавная монархия одержала первую решительную победу, которая

была подготовлена тем, что были заложены основы денежного хозяйства, крепостных социальных отношений, новой административной системы; решительное сопротивление самодержавию со стороны боярской аристократии было парализовано постигшим центр страны в конце XVI века экономическим кризисом, генетически связанным с зарождением денежного хозяйства. В третий момент борьбы—со вступления на престол Лжедимитрия до выбора первого царя новой династии—наблюдается ограничение царской власти, сопровождавшееся сначала временным торжеством боярской олигархии при Шуйском, потом торжеством средних классов русского общества, вынужденных, однако, вступить в компромисс по поводу избрания Романова на ограничивающих его власть условиях. В четвертый момент—при Михаиле и в начале царствования Алексея—эти средние классы, заинтересованные в установлении порядка,—преимущественно дворянство,—организовали высшее управление, подняли на высшую ступень административную технику вообще и развили широкую творческую законодательную деятельность в земских соборах, что, на ряду с экономическими и социальными предпосылками, создало окончательное торжество самодержавия.

Если бы, наконец, потребовалась единая краткая формула, выражающая процесс происхождения самодержавия в России, эта формула могла бы принять следующий вид: зарождение денежного хозяйства с обширным рынком во второй половине XVI века и сопровождавший его экономический кризис, выразившийся особенно в центре страны, вызвали крепостной социальный строй, перевес средних классов общества, особенно дворянства, и ослабление боярства, известную степень развития административной техники, избавившую верховную власть от вмешательства во все мелочи текущей работы по управлению, и в результате всего этого сложилась самодержавная власть московских царей. Основной причиной установления самодержавия является, таким образом, в конечном счете зарождение и первоначальное развитие денежного хозяйства с обширным рынком. Надо заметить, что такая экономическая перемена во всех странах приводила к усилению монархической власти: достаточно припомнить хотя бы французскую и английскую монархию XVI и XVII веков, чтобы убедиться в этом. Если в России самодержавие с самого своего утверждения оказалось сильнее, чем на западе Европы, то основной причины этого опять-таки надо искать в сфере хозяйственных явлений: в этом повинен катастрофический характер русского экономического развития второй половины XVI и начала XVII века—переход от натурального хозяйства почти непосредственно к денежному с о б ш и р н ы м рынком.

Мы исследовали процесс п р о и с х о ж д е н и я самодержавия в России. Но самодержавие не было само себе равно во все время своего существования, не было одинаковым, неизменным явлением. Напротив, оно переживало изменения, оно развивалось. Изучить этот процесс р а з в и т и я самодержавия, а также и процесс его падения—задачи чрезвычайной научной важности и большого интереса. Но они должны составлять уже предмет других исследований.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I.

Несколько методологических замечаний.

Наименее исследованным, можно сказать даже почти совершенно незатронутым, являлся в изучаемой теме вопрос об административной технике, в частности о демаркационной черте, отделявшей в первой половине XVII века деятельность верховной власти и высших учреждений от деятельности учреждений подчиненных. Раз'яснению этого частного, но важного вопроса и посвящены главы IV, V, VI, VII, VIII и IX нашей работы. Они основаны на изучении весьма значительного материала, и, если бы разбирать детально каждое из относящихся сюда наблюдений над источниками, размеры книги разрослись бы, по крайней мере, вдвое, и она сделалась бы совершенно неудобочитаемой. Поэтому мы предпочли сжать изложение, приводя в более или менее подробной передаче лишь некоторые типические факты и ограничиваясь по отношению к явлениям, им подобным, ссылками на источники. По этой же причине в тексте не могли найти себе места методологические замечания, обосновывающие то понимание некоторых выражений источников, какого держался автор. Отсюда является необходимость в дополнительных раз'яснениях именно этой методологической стороны дела. Такие методологические раз'яснения и отнесены в настоящее приложение.

В источниках мы встречаем прежде всего ряд положений, не вызывающих никаких сомнений: прямо и определенно указывается, что по тому или другому поводу „государь указал", или „государь указал и бояре приговорили", или данное решение принято такими-то судьями приказов или воеводами. Несомненность таких указаний совершенно ясна и не требует никаких комментарий к приведенным выражениям.

Есть, однако, выражения иного рода,—иногда читаем: „послать грамоту велеть сделать то-то". Как понимать эти выражения? Кто тут принимает решения? Тщательное изучение источников показывает прежде всего, что подобные пометы не могут указывать на решение верховных учреждений и самого царя: последние сопровождаются всегда формулой „государь указал" или „бояре приговорили". Нельзя отнести разбираемые выражения и к деятельности воевод: это опровергается не только тем, что пометы сохранились в делопроизводстве приказов, но и прилагаемыми обыкновенно при том грамотами, в которых излагается распоряжение, при чем оно адресуется из Москвы областным властям. Итак, вывод возможен один: это — решение приказов без участия верховной власти и высших учреждений. Так это принималось в тексте исследования.

Есть еще и другие, на первый взгляд еще менее ясные выражения. Так, часто встречается в разных документах помета „выписать". Когда говорится „выписать в доклад", тогда, конечно, речь идет о докладе царю. Но просто „выписать" — не значило представить для доклада верховной власти или высшему учреждению. Это означало просто выписку, делавшуюся в приказе по делу для решения его судьей приказа. Примеров в этом отношении у нас много (напр., Арх. Мин. Юст.,

книги записные вотчинные Помест. приказа, кн. $\frac{5984}{16}$, дела №№ 3, 5, 45, кн. $\frac{19}{5987}$, дело № 44 и др.). Вот характерный случай: 9 декабря 1639 г. Григорий Борняков и Алексей Берестов подали в Поместный приказ челобитные о записи за одним из них вотчины другого; на челобитных сделана была помета „выписать", но доклада царю и Боярской думе не было: выписка была подана думному дьяку, и дело решено приказом самостоятельно (Арх. Мин. Юст., книги запис. вотч. Пом. прик., книга $\frac{5984}{16}$, дело № 2).

Совершенно аналогичный вывод получается при анализе выражения „по государеву указу". Не подлежит сомнению, что когда-то все дела решались при непосредственном участии государя, великого или удельного князя. Обломком этих времен и является это выражение. Но именно только обломком, а не указанием на действительное решение дела царем. Это выражение приобрело значение формулы, символизирующей идею верховной власти государя, подобно тому, как в самодержавные времена судебные приговоры постановлялись „по указу его императорского величества", хотя император сам не судил. Сделанный сейчас вывод доказывается опять-таки рядом наблюдений над источниками, из которых приведем для образца одно: в сороковых годах XVII в. в книгах записных вотчинных Поместного приказа много дел решено было приказом независимо от верховной власти, но в пометах значилось: „по государеву указу" (см., напр., книгу $\frac{5988}{20}$). Когда участие государя имело место по докладу приказа, тогда делалась докладная выписка; а когда царь вмешивался в дело на основании поданной ему челобитной одной из сторон, то помечалась не просто „по государеву указу", а „по государеву указу и по подписной челобитной" (см., напр., ту же книгу зап. вотч. $\frac{5988}{20}$).

Весьма часто на той или другой воеводской отписке делалась в приказе помета „к отпуску". Что это значит? Ответ на занимающий нас вопрос дается следующим фактом. В 1638 г. романовский татарин Булатов бил челом на церковных дьячков Зубарева, Зарина и Трофимова, что они прикладывают руки, как послухи к ложным кабалам на крестьян Булатова и тем причиняют им убытки; ответчикам было велено стать на срок в Москве к ответу, но они в срок не стали; Булатов просив дать ему другую грамоту к воеводе на Романов по тех дьячков, чтобы явились на срок в Москву. На обороте челобитной значится помета: „147 года сентября в 29 д. справяся с прежним отпуском, дат другая государева грамота" (Моск. Глав. Архив Мин. Иностр. Дел, св. 104, № 12). Из этого ясно, что „отпуск" — это решение по делу, вызывающее немедленное исполнение особой грамотой, т. е. исполнение по делу неспорному. Ясно, что все пометы „к отпуску" относятся к делам, решаемым приказами самостоятельно, без участия верховной власти и высших учреждений.

Остается, наконец, еще раз яснить смысл и значение слова „чтена", без прибавки „государю", также нередко встречающегося в источниках.

Смысл и значение этого слова удовлетворительно раз'ясняется следующим сопоставлением. В 1635 г. прислана была отписка в Москву о военных вестях, и оказалось, что эта отписка была „перед государем чтена и то ведомо" (Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгородского стола Разряда, № 68, л. 236 об.). Оказывается, что в совершенно аналогичных случаях, разрешавшихся, очевидно, тем же порядком, помечалось просто „чтена" (см., напр., там же л. 253 и об.). Очевидно, слово „чтена" и без прибавления „государю" обозначало сообщение дела верховной власти для сведения или решения.

Таковы важнейшие методологические основания для понимания источников, служивших для разбора и решения в нашем исследовании вопросов административной техники.

II.

О значении внешней политики и войн для утверждения самодержавия в России.

В нашей исторической литературе до сих пор большим кредитом и широким распространением пользуется мнение о первостепенном значении внешней политики и войн для утверждения самодержавия в России. Все предшествующее изложение, кажется, показывает, что в процессе происхождения самодержавной власти русских государей первенство принадлежит внутренним, главным образом, хозяйственным условиям. Но, помимо этого, можно указать и на другие соображения, не позволяющие приписывать внешней политике и войнам первенствующее значение в данном отношении.

Прежде всего войны не менее, если не более, занимали и русских князей великих и удельных — до половины XVI века. И, однако, они не были тогда самодержавными государями. То же самое надо повторить о всех средневековых государствах.

Затем, Литовско-русское государство и Польша, об'единившиеся во второй половине XVI в. в одно государство — Речь Посполитую, — вынесли с того времени во всяком случае не меньше, если не больше, войн, чем Московское государство; и весьма часто, напр., в XVII в., эти войны были весьма опасны и требовали напряжения всех сил. И, однако, самодержавия там не было; напротив, власть короля уменьшилась до чрезвычайности.

В том же направлении дают материал исторические аналогии с европейским западом в эпоху возникновения там самодержавия. Тюдоры и Стюарты в Англии XVI и XVII веков, последние Валуа и первые Бурбоны во Франции хотя и вели войны, но эти войны не были главным мотивом и основной движущей силой их политики и не являлись также источником их самодержавия, созданного соотношением общественных сил, которое отражало на себе хозяйственный быт.

Наконец, известно, что буржуазные конституционные монархии сильнейшим образом развивают милитаризм и пускаются в военные авантюры, хотя самодержавия, последовательно проведенного, в них не существует.

Многие из этих соображений, устраняя, как несостоятельную теорию, происхождение самодержавия от напряженной внешней политики и войн, дают уже отчасти основание и для правильного понимания отношения войн и внешней политики к самодержавному режиму и его происхождению. Войны и внешняя политика сами являются отражением соотношения внутренних общественных сил и хозяйственных потребностей, устанавливающих это соотношение. И в самом деле: достаточно бросить взгляд на внешнюю политику России с Ивана Грозного до Алексея, чтобы понять это. Ведь завоевание Волги, Сибири, защита юга и движение к югу по направлению к Крыму и Кавказу шли навстречу потребностям в колонизации, в земле для служилого класса. Основными мотивами борьбы с Польшей было приобщение Малороссии к хозяйственному влиянию Великой России и особенно стремление к морю, о чем свидетельствуют войны за Ливонию с Польшей и Литвой, при Грозном, и с Швецией, при Алексее. Войны и внешняя политика лишь постольку укрепляли самодержавие, поскольку они сами являлись результатом соотношения социальных сил, выдвигаемых в известной перспективе процессом хозяйственного развития.

НОВИНКИ:

Н. Рожков. Город и деревня в русской истории. 7-ое изд.

Он-же. Происхождение самодержавия в России. 2-ое изд.

Он-же. Из русской истории. (Очерки и статьи) 1 и 2 т.

С. Солнцев. Общественные классы. 2-ое изд.

К. Бюхер. Возникновение народного хозяйства. 4-ое изд.

Он-же. Возникновение народного хозяйства. 1-ое русск. издание. 2-ой том (печатается).